

840

3079

Handwritten red ink markings, possibly a signature or initials.

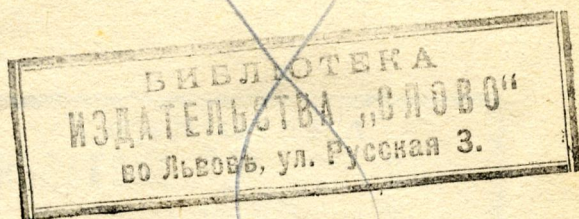
891

Д

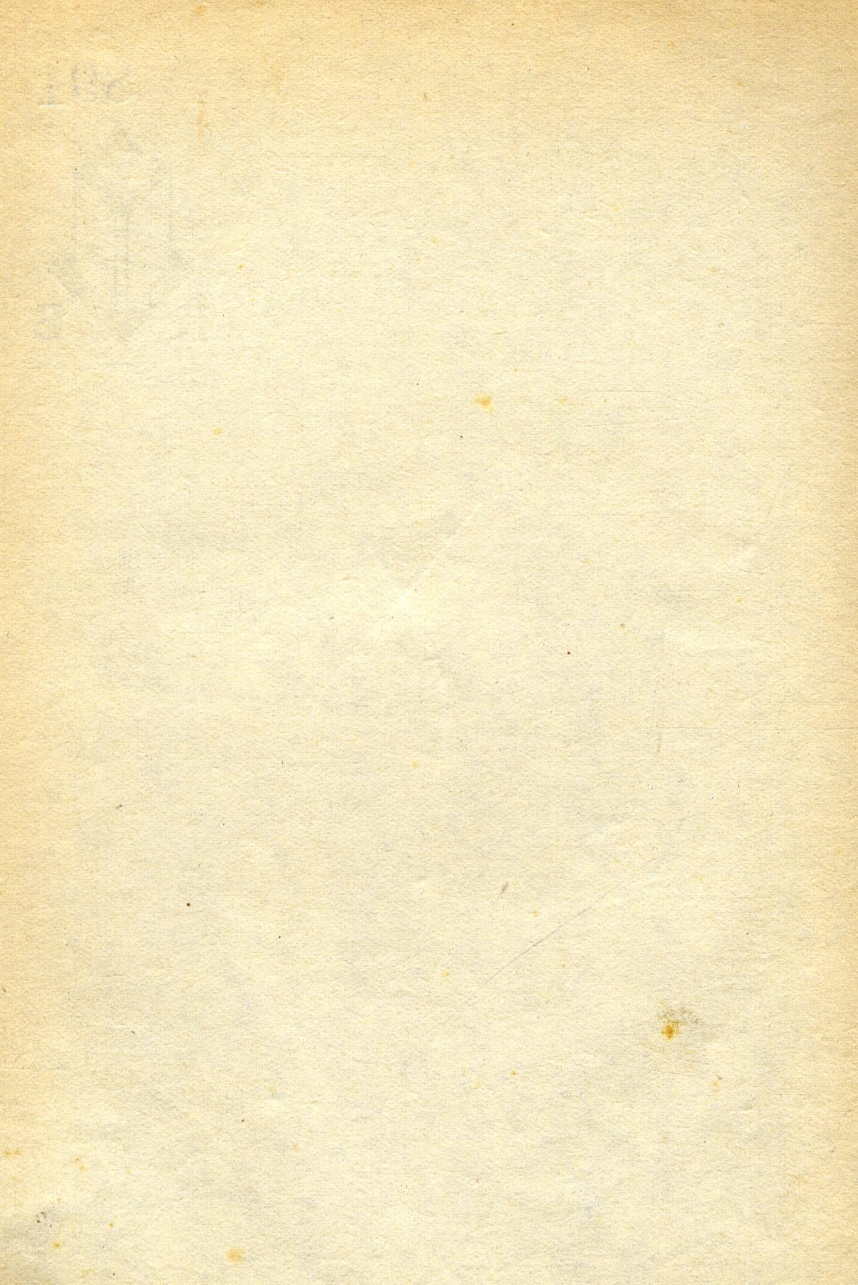

К

В

по сцене

30796
891
И. БРАУДЕ

В совѣтском судѣ

840
из записок защитника

1 9 2 2 — 1 9 2 8

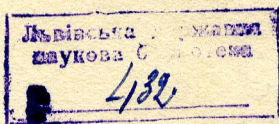
БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА „СЛОВО“
Во Львовѣ, ул. Русская 3.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА ДЛЯ ВСѢХ“
Рига, Ул. Свободы № 7. Телефон 3-10-5-7

Львов. обл.
АН. УРСР

Типография „Глобус“ Рига, Елизаветинская ул. 22, Тел. 26636.

Вряд ли какая-либо иная дѣятельность соприкасается со столь многогранными сторонами жизни, как дѣятельность практическаго судебного работника.

Перед глазами судьи, прокурора и защитника проходит сама жизнь в ея подлинной, неприкрашенной дѣйствительности.

На судѣ раскрываются глубокія извилины человѣческих отношеній, обнажаются сокровенныя мысли и намѣренія.

Дикая злоба, ревность и зависть, холодная корысть, жестокость и легкомысліе, подлость и предательство, — и вмѣстѣ с тѣм подлинная любовь, и самоотверженіе и страданія больной человѣческой души проходят через залы судебных засѣданій.

Каждой эпохѣ соотвѣтствуют характерные для нея типы преступленій.

И если титаническая творческая работа по переустройству стараго общества увлекла и потянула за собой широкія массы, то у отдѣльных личностей коллизія между привычными бытовыми навыками и новыми условіями жизни создает внутренній конфликт, иногда проявляемый во внѣ в соціально-опасных дѣйствіях.

Дѣятельность защитника, имѣющаго по закону право бесѣдовать наединѣ с подсудимым, открывает перед ним иногда край завѣсы, нерѣдко наглухо опущенной в публичном судебном засѣданіи.

Вот почему защитник, непосредственно соприкасающийся с преступником, получает наиболѣе полное и яркое впечатлѣніе о его интимных переживаніях и внутренней борьбѣ.

В этой книгѣ я собрал нѣсколько ярких случаев из моей судебной практики за послѣдніе пять лѣтъ; я вы-

дѣлил эти случаи из проведенных мною уголовных защит либо по их общественной значимости, либо по вызываемому ими психологическому или уликовому интересу.

Я не имѣл в виду и не сдѣлал никаких общих выводов: я просто рассказал о том, что поразило меня в моей работѣ уголовного защитника в совѣтском судѣ.

Но если социолог или психіатр найдет в представляемых мною судебных матеріалах что-либо цѣнное для общих выводов, я буду удовлетворен сознаниѣм, что моя работа общественно небезполезна.

По просьбѣ ряда лиц, в той или иной формѣ непосредственно проходивших в описанных мною процессах, я вынужден был в соотвѣтствующих очерках измѣнить их фамиліи.

Самые же матеріалы, приводимые мною, изложены в полном соотвѣтствіи с подлинными судебными производствами и записями, которыя я в свое время вел в качествѣ защитника.

И. Брауде.

В дождливый осенній день 1922 года с прибывшаго к Курскому вокзалу южнаго поѣзда сошла странная пара. Огромный, обращавшій на себя вниманіе мощным тѣлосложеніем и ростом крестьянскій парень, одѣтый в потрепанное платье чернорабочаго, и маленькая дѣвочка, лѣтъ десяти на вид, робко жавшаяся к своему спутнику. По неувѣренному виду обоих, с недоумѣніем оглядывавшихся вокруг, можно было безошибочно заключить, что эта странная пара впервые в большом городѣ.

Если бы в этот момент спросили парня, кто он и откуда он прибыл, мы услышали бы длинную повѣсть, так странно похожую на повѣсть тѣх многих, кого выплевывают дальніе поѣзда в гуцу московской жизни. Мы услышали бы про далекую южную деревню, про бѣдную крестьянскую семью, гдѣ парень (назовем его Линевым*) с ранняго дѣтства был сначала подпаском, затѣм вынужден был бросить деревню и уйти на заработки; затѣм он шахтер в Донецком бассейнѣ, грузчик в приморском порту и, наконец, с момента призыва — служба в красной арміи, скитаніе по фронтам, бои, окопы... Линева рассказал бы нам, то послѣ демобилизаціи он снова возвратился в деревню, но голод, охватившій родныя мѣста, отсутствіе лошади, успѣвшей пасть за время его скитаній, выгнали его из деревни снова на поиски работы и счастья.

*) Фамиліи обвиняемаго, потерпѣвшей и свидѣтелей изменены. Дѣло слушалось в московском губернском судѣ два раза: 5, 6 и 7 мая 1926 г., под предсѣдательством члена губсуда И. М. Мальцева, при обвинителѣ А. О. Дымшиц и защитникѣ А. Г. Бать, и 1, 2 и 3 июня 1926 г., под предсѣдательством Ю. Ю. Эрлиха, при обвинителѣ А. О. Дымшиц и защитниках — И. Б. Разгон и И. Д. Брауде.

Он взял с собою свою маленькую сестренку, потому, что ее не на кого было оставить в деревнѣ, гдѣ дѣвочка была бы обречена на голод и безпризорность.

Линев не знал Москвы. Он ѣхал сюда с крошечным запасом денег на два-три дня; он не имѣл ни связей, ни знакомств, но неизбывная энергія и жажда жизни толкали его вперед.

Остановиться было негдѣ, и Линев с сестренкой вынуждены были ночевать либо на вокзалѣ, либо на путях, в пустых товарных вагонах. Быстро исчезли гроши, взятые с собой, и в первые же дни по приѣздѣ, Линев стал понемногу зарабатывать, помогая носильщикам в переноскѣ тяжестей. Работа неопредѣленная, случайная — день сыт, день голоден... Но о сестренкѣ заботился в первую очередь, стараясь, чтобы она не испытывала лишений.

Случайно полуграмотный грузчик, выдѣляющійся своей могучей фигурой и исключительной силой, знакомится на вокзалѣ с нѣсколькими транспортными рабочими и с их помощью устраивается на болѣе или менѣе періодическую, но все же подденную, работу в коллективѣ грузчиков. Заработка, однако, не хватает, и по вечерам, благодаря знакомству с одним борцом, Линев пополняет свой скудный бюджет тѣм, что борется в московских цирках в качествѣ любителя, и сразу приобретает популярность, побѣждая в борьбѣ испытанных старых борцов.

Между тѣм, в коллективѣ грузчиков наиболѣе передовая часть рабочих обращает вниманіе на недюжинный пытливый ум Линева, на его большую любознательность и жадное стремленіе к знанію. Нѣсколько товарищей, связанных с профсоюзной работой, берутся за обученіе Линева, воспитывают в нем классовое самосознаніе, и в очень короткое время Линев, безквартирный случайный грузчик, становится организованным рабочим, жадно впитывающим в себя знанія. Пройдя через трудовую школу и профессиональную дисциплину, усвоив необходимые для профсоюзной работы навыки и свѣдѣнія, Линев

очень скоро становится популярным среди организованных грузчиков, вступает в ВКП и избирается рабочими председателем мѣстнаго комитета.

В іюль 1925 года Линева, посѣщая по роду своей работы союз транспортных рабочих, зашел в юридическую консультацію союза для полученія нѣкоторых юридических справокъ. Случайно он попал к столу, за которым работала и давала юридическіе совѣты консультантка Эпштейн.

Эпштейн — женщина лѣтъ тридцати, высокаго роста, с пышной фигурой, красивым выразительным лицом. Дочь еврея нефтепромышленника, она с ранняго дѣтства была окружена тѣм довольством, которое давал буржуазный уклад жизни. Знаніе языков, свѣтскія манеры — все это с ранняго дѣтства было ею воспринято от гувернанток и воспитательниц. Юридическій факультет и институт восточных языков в Россіи, лекціи за границей, гдѣ она подолгу жила, — придавали Эпштейн внѣшній лоскъ, свойственный средѣ, из которой она вышла.

В описываемый момент Эпштейн была замужем за молодым военным ученым, работником Академіи Генеральнаго штаба, низкорослым, болѣзненным, молодым человеком, все свое время отдававшим наукѣ. Слабый и больной, он мало удѣлял вниманія женѣ и значительную часть времени, оставляя жену в Н-ом домѣ ВЦИК, гдѣ они постоянно проживали, проводил в санаторіях и домах отдыха.

Эпштейн сразу же обратила особое вниманіе на Линева и, задержав его на нѣкоторое время послѣ дачи ему соотвѣствующих юридических разъясненій, вступила с ним в бесѣду частнаго характера. Отсюда завязалось болѣе тѣсное знакомство, скоро перешедшее в интимную связь.

Что соединило этих двух столь разных между собою людей?

Почему Эпштейн, видѣвшая ежедневно людей самаго разнообразнаго возраста, общественнаго положенія и наружности, обратила свое вниманіе именно на Линева?

Впослѣдствіи на судѣ Эпштейн упорно настаивала на том, что внезапно зародившійся в ней интерес к Линеvu был вызван его пытливым умом и его увлеченіем физкультурой, интересовавшей и ее, о чем случайно в бесѣдѣ упомянул Линеv.

Однако, обстановка встрѣчи и характерныя особенности этих двух натур дали право защитѣ на судѣ утверждать, что в основѣ встрѣчи и сближенія Эпштейн и Линева лежали совершенно иные моменты.

Эпштейн, — это особый психическій тип женщины, часто встрѣчавшійся в нѣкоторых слоях так называемаго «культурнаго» общества и создающійся на почвѣ своеобразно складывающейся семейной обстановки. Крупная, бурно чувствующая женщина, с особой заостренностью ощущеній и потребностей, характерной для воспитавшей ее среды, и рядом муж, близкій ей по общности духовных интересов, и по семилѣтней совмѣстной работѣ, и, наконец, в силу долгих привычных отношеній, но муж физически слабый, больной и хилый, очень мало удѣляющій ей вниманія. Отсюда своеобразная тоска, томленіе по сильной, здоровой ласкѣ, и... встрѣча с Линевым, молодым, бросающимся в глаза исключительной мощностью сложенія и силой, сразу говорящим своим видом о неограниченных физических возможностях, таящихся в нем.

И интерес, проявленный Эпштейн к Линеvu, это тот нездоровый интерес, который мы наблюдали когда-то в цирках, на чемпионатах борьбы, когда свѣтскія дамы, презрѣвъ и хороший тон, и семью, и налаженный семейный уют, бросались в объятія цирковых борцов, подчиняясь влекущему зову огромных мужских мускулов, не думая и не задаваясь вопросом о том, что же будет дальше. И тогда нѣкоторые из них пытались объяснить и оправдать свое поведеніе «идеологически» — любовью к спорту. Эпштейн на судѣ объяснила это интересом к «физкультурѣ».

Так или иначе, сначала встрѣчи, прогулки по городу, затѣм посѣщеніе Линевым комнаты Эпштейн в

Н-ом домѣ ВЦИК — и между ними устанавливаются болѣе или менѣе прочныя отношенія.

Что влекло Линева к Эпштейн?

Прежде всего, несомнѣнно, внѣшняя привлекательность этой красивой, крупной женщины, даже с точки зрѣнія полового подбора, повидимому весьма подходившей к мощной фигурѣ Линева. С другой стороны, здѣсь была, несомнѣнно, и нѣкоторая доля своеобразнаго тщеславія. Вчерашній чернорабочій, прибывшій из голодной деревни, Линева — сегодня имѣлъ в качествѣ подруги образованную юристку, красивую женщину из того міра, о котором до сего времени имѣлъ только отдаленное представленіе.

Страстные ласки двух физически совершенных чловѣческих экземпляров, постоянныя встрѣчи сближают обоих. Появляется потребность ежедневных встрѣч. Непосредственную натуру Линева захватывает физическое обаяніе этого новаго для него типа женщины, дающей ему ряд острых, неизвѣданных им дотолѣ, наслажденій. Его отношеніе к Эпштейн становится все болѣе и болѣе серьезным, и чувство свое к ней он опѣнивает также серьезно, называя ее своей женой и требуя, чтобы и она так же представляла его окружающим.

Отсутствіе мужа, уѣхавшаго на леченіе, облегчает встрѣчи, и фактически Линева почти живет в комнатѣ Эпштейн. Он поступает на рабфрак, совмѣщая учебу со своей профессиональной работой в мѣсткомѣ. Эпштейн в минуты, свободныя от ласк, старается, как она говорила на судѣ, поднять и возвысить Линева.

Но недолго длилось внѣшнее согласіе между ними, в сущности, являвшееся только гармоніей двух тѣл. Слишком разныя натуры встрѣтились и сошлись.

Здѣсь столкнулись два совершенно различных чловѣка, продукты разных соціальных группировок, люди по своей внутренней сущности безконечно чуждые друг другу. Крестьянскій сын, рабочій, вчерашній грузчик, примитивно чувствующій и столь же примитивно реагирующій на окружающую обстановку, и Эпштейн, дочь

буржуазной среды, продукт другой социальной группировки, инстинктивно ненавидимой Линевым, избалованная прошлым укладом своей жизни, эстетная, тонкая и изощренная в интимных проявлениях своей бурной натуры.

Она по существу привязана не к личности Линева, а к его неисчерпаемым мужским способностям. Она искренно пытается увѣрить себя, что дѣйствительно любит Линева не только за его мужскую силу, но и за внутреннее содержаніе его бесспорно даровитой натуры; нѣкоторое время она работает и занимается с ним, но глубокія противорѣчія, в корни раздѣляющія эту странную пару, не замедляют сказаться.

В душѣ Эпштейн глубокое раздвоеніе: физическое рабство перед мужской силой, боязнь потерять ее и вмѣстѣ с тѣм чувство виновности перед духовно и привычкой связанным с нею мужем и самоощущеніе бездны, раздѣляющей ее с Линевым во всѣх других отношеніях. Отсюда ласки, нѣжность и любовь до физическаго сближенія и, наоборот, когда самка удовлетворена, — обостреніе противорѣчій и на смѣну ласкѣ, — грубая ругань, оскорбленія и униженіе соціальнаго достоинства и личности Линева.

«Только полчаса тому назад, — говорил Линева на судѣ, — казалось бы она душу готова отдать за меня, лежала у ног моих, цѣловала мои руки, называла нѣжными именами, говорила, что всю жизнь не разстанется со мною... потом бурныя объятія, сближеніе, а послѣ видишь совершенно другую женщину, — сидит, смотрит звѣрем, ругает альфонсом, котом, бандитом, рожей деревенской, кричит: «ты мнѣ нужен только как сильный мужчина для постели», плюет в физиономію.

«Почему же вы не ушли?» — спросил на судѣ предсѣдательствовавшій тов. Эрлихъ.

«Потому что чувствовал, что любил ее и жить без нее не мог», — как-то особенно грустно отвѣтил Линева.

Несмотря на начавшіеся скандалы, чередовавшіеся с припадками нѣжности, Эпштейн разводится с мужем и регистрирует свой брак с Линевым.

Живя фактически вмѣстѣ с новым мужем, раздѣляя с ним одну кровать, Эпштейн, однако, из ложнаго самолюбія стыдилась, повидимому, перед окружающими своего новаго мужа и не только не знакомила его ни с кѣм из представителей своего круга, но старалась не допускать встрѣч Линева с ними. Это больно ударило по самолюбію Линева и также служило источником сцен и недоразумѣній.

Особенно болѣзненно реагировал Линева, когда Эпштейн отказалась прописать его у себя в комнатѣ. Он невольно воспринял это как нежеланіе жены разсматривать его как равнаго ей и как стремленіе ее оградить себя от могущих в дальнѣйшем возникнуть прав его на площадь.

Несмотря, однако, на всѣ эти тяжелыя переживанія, страсть Линева к Эпштейн росла.

Эта женщина захватила его не только физическими своими особенностями, но сумѣла возбудить в нем своеобразную жажду отцовства.

Эпштейн забеременѣла и как-то сказала ему, что у них родится ребенок — «необыкновенный метис».

Я, — говорил Линева на судѣ, — всей душой полюбил этого будущаго моего сына и ждал его со страшным нетерпѣніем. Я думал, — вот от таких двух сильных и здоровых, как мы, какой сын родится, всѣм на удивленіе. Я заранѣе любил его и каждый день говорил о нем с Эпштейн».

Но Эпштейн, привыкшая к абортам, и на этот раз уже в очень скором времени заявила Линеву о том, что думает сдѣлать себѣ аборт. К этому, по ее словам, побуждала ее матеріальная нужда, так как она потеряла работу в консультаціи. Линева, чтобы поднять заработок, опять в свободныя минуты начинает заниматься ремеслом грузчика и умоляет Эпштейн не дѣлать аборт и не лишать его сына, о котором он так долго мечтал. Она обѣщает ему, и Линева нѣсколько успокаивается.

17 ноября 1925 года из Крыма приѣхал первый муж Эпштейн, явившійся утром к ней в комнату. Линева и

Эпштейн лежали еще в постели. На глазах у Линева Эпштейн вскочила с кровати и, разцѣловавшись с пріѣхавшим первым мужем, со словами: «Федя, он меня преслѣдует», — указала на Линева, и тут же вмѣстѣ с мужем принялась ругать его, обзывая его хулиганом, мразью и грузчиком.

Линев, сдерживая волненіе, одѣлся и вышел из комнаты Эпштейн с тѣм, чтобы никогда в нее больше не возвращаться. С безнадежным отчаяніем и тоской, безконечно обиженный, как автомат идет Линев к своему товарищу, женщинѣ-работницѣ Андроновой, с которой он связан работой в мѣсткомѣ, и остается у нее, давая себѣ слово никогда не возвращаться к Эпштейн.

Однако, уже через день на квартиру к Андроновой прибѣгает Эпштейн, успѣвшая стосковаться по сильным ласкам Линева; она требует, чтобы он немедленно возвратился к ней, угрожая в противном случаѣ произвести аборт. На Линева это производит страшное впечатлѣніе: он умоляет ее не дѣлать аборта, выдает ей формальную расписку в том, что берет на себя всю отвѣтственность за будущаго ребенка и, не будучи в силах противостоятъ обаянію женщины, которую любит, уходит от Андроновой снова к Эпштейн.

Снова начинается совмѣстная жизнь, недолгій період спокойствія и ровности отношеній, и вскорѣ снова тѣ же дикія сцены и оскорбленія. Положеніе осложняется еще и тѣм, что первый муж Эпштейн ежедневно приходит в ее комнату и, поощряемый Эпштейн, свысока, самым унижительным образом обращается с Линевым.

Человѣкъ желѣзныхъ нервовъ не знавшій дотолѣ, что значит выходить из себя, ежедневно подвергаемый тяжелыми ударами и по самолюбію, и по чувству, выросшему и окрѣпшему, Линев начинает слабѣть духом, нервничать, терять равновѣсіе и отвѣчать Эпштейн также оскорбленіями, порою в очень грубой формѣ, ругая ее «жидовкой» и угрожая побоями.

В февралѣ 1926 года Эпштейн неожиданно пропадает из дома.

Линев инстинктивно чувствует, что исчезновение Эпштейн находится в прямой связи с ее беременностью. Ужас при мысли о возможной гибели надежд на появление сына, с которыми успел уже свыкнуться Линева, потрясает его до последней степени.

Как сумасшедший бѣгает он по всем родильным приютам и гинекологическим лѣчебницам Москвы и в одной из них узнает, что на излѣченіи значится Эпштейн.

Его не пускают в лѣчебницу в непріемный час, и он, этот атлет, не знавшій до того, что такое нервы, кричит как истерическая женщина: «мой сын, моя жена, пустите».

Сторожа оказывают ему сопротивление. Тогда он разбрасывает всех в стороны, вбѣгает наверх по лѣстницѣ и в ближайшей же палатѣ видит Эпштейн, лежащую на кровати, еще не оправившуюся, послѣ два дня тому назад произведенной операціи.

С криком: «что ты сдѣлала, гдѣ наш сын!» — он бросается к ней.

Быстрым движеніем срывает с нее одѣяло и понимает все.

Дикій рев оглашает палату. Линева рыдает и бьется в истерику, как ребенок. Врачам едва удастся его успокоить и отправить домой. На утро он снова прѣзжает в палату, забирает с собою Эпштейн и перевозит ее на квартиру.

Травма, произведенная этим случаем на психику Линева, была очень сильна.

Изнурившійся и без того до послѣдней степени, он уже с трудом сдерживает себя, волнуется и нервничает по каждому мелкому поводу и исключительно болѣзненно реагирует на малѣйшія грубыя выходки жены, которыя не замедляют проявиться очень скоро. Ругань, брань, униженія личности Линева учащаются и доводят его до того, что он порывается снова уйти от Эпштейн, но раздвоеніе, происходящее в душѣ этой женщины, доводят ее тоже до странных и непослѣдовательных поступков.

Сейчас только кричала Линева: «уйди, ты мнѣ не ну-

жен, ты хам, ты мнѣ не пара», — и через нѣсколько минут, внутренне боясь навсегда потерять его, она бѣжит за ним по лѣстнице N-го дома ВЦИК, нагоняет у входных дверей и тащит его за рукав обратно, крича: «иди, иди, прости меня, я больше не буду». Так повторяется нѣсколько раз.

Под вліяніем истрепавшейся нервной системы Линева, как он сам объясняет, сдѣлался каким-то безвольным и вслѣд за вспышками достоинства и самолюбія, вслѣд за рѣзким реагированіем — уходом — на брань Эпштейн, через нѣсколько же минут почти автоматически подчинился ей и возвращался обратно.

Нѣкоторые сосѣди по квартирѣ на слѣдствіи и на судѣ утверждали, что он грозил Эпштейн «расправиться с нею как слѣдует», а свидѣтельница Леснова прямо показала, что Линева угрожал вырвать ей глаз и отрѣзать нос, но сам Линева в своих объясненіях суду ссыался на то, что не помнит этих моментов, если даже они и имѣли мѣсто.

28 февраля 1926 года Эпштейн с Линевым опять поссорились. Ссора произошла из-за вопроса о дальнѣйшем оформленіи их отношеній и матеріальной неурядицы. Ссора эта, как всегда, произошла послѣ длительных и бурных супружеских ласк и объятій. Эпштейн снова кричала Линева, что он ей не пара и что она требует, чтобы он убрался вон; затѣм она позвонила в швейцарскую и предложила швейцару вывести Линева из ее комнаты, в которой он не был прописан и офиціально жильцом не считался, сохраняя за собою прежнюю комнату на окраинѣ города.

Линева, как всегда, поднялся и ушел, но уже на улицѣ догнала его Эпштейн и с плачем требовала его возвращенія. Линева заявил ей, что так как он сейчас не имѣет мѣста, гдѣ мог бы переночевать, он вернется обратно для того, чтобы забрать вещи и уйти уже навсегда.

Ночь они пробыли вмѣстѣ.

На утро Линеv собрал свои вещи и заявил Эпштейн, что уходит навсегда. В это время к телефону позвали Эпштейн.

Линеv сидѣл за столом и чинил карандаш, держа в руках перочинный нож.

Эпштейн, бесѣдуя со своей подругой о нем, бросала фразы: «Он хам, вонючій грузчик, я боюсь его, позвони в милицію, а то он, уходя, еще расправится со мною.»

Линеv подошел к телефону, взял у Эпштейн трубку и сказал ее подругѣ, чтобы она не беспокоилась, что он ничего дурного Эпштейн не сдѣлает и что сейчас же соберет свои вещи и уйдет.

Кончив разговор, Линеv положил трубку и отошел от телефона.

В этот момент на него набросилась Эпштейн и со словами: «мразь, хам» и т. д. нѣсколько раз плюнула ему в лицо.

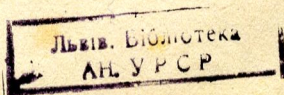
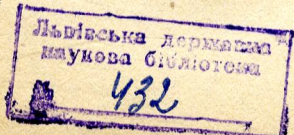
Постепенно нараставшее в теченіе нѣскольких мѣсяцев волненіе, ежедневные скандалы и оскорбленія, травматизировавшія психику Линева, тяжелыя переживанія, испытанныя им в родильной лѣчебницѣ, возымѣли наконец свое дѣйствіе, доведя до кульминаціоннаго пункта раздраженіе Линева.

Он бросился к Эпштейн и, по словам обвинительнаго заключенія, пальцем выдавил ей глаз, а перочинным ножом нанес раненія лѣвой щеки и носа.

Об этом моментѣ Эпштейн показала впоследствии слѣдующее:

«Как припоминаю, он взял меня на руки и понес к кровати, шепча каким-то сдавленным голосом «тише, тише» и цѣлуя меня в губы. Потом я сразу почувствовала, что он схватил меня за горло, и пытается оторвать нос, затѣм вложил палец в лѣвый глаз, ткнул пальцем еще второй раз в глаз. Я почувствовала безумную боль и потеряла сознание».

Линеv утверждал во всѣх стадіях процесса, что он с момента, когда Эпштейн подошла к нему и плюнула в глаза, ничего не помнит. Перед глазами пошли какія-то

«черныя пятна», и дальше все выпадает из памяти до момента, когда он очнулся уже в камерѣ.

Вбѣжавшіе на крик швейцар и управляющій домом показали, что Линева послѣ совершенія им преступленія имѣлъ «ненормальный вид».

«Я думал, что он с ума сошел», — говорил на судѣ свидѣтель.

Глаз Эппштейн был вставлен стеклянный, а нос и щека зашиты, и лицо вслѣдствіе этого сильно обезобразилось.

*

Дѣло это слушалось два раза в московском губсудѣ.

Центральным моментом при обоих разбирательствах, естественно, являлся вопрос о том, вмѣняем ли был в момент совершенія преступленія Линева, или же он дѣйствовал в состояніи патологическаго аффекта, исключающаго вмѣняемость. Исход перваго судебного разбирательства по дѣлу Линева в сущности предрѣшила экспертиза психіатра Н. П. Бруханскаго. Привожу ее полностью.

«1926 года, 7 мая, я, в засѣданіи московскаго губернскаго суда 5, 6, и 1 мая, ознакомившись с матеріалами предварительнаго и судебного слѣдствія, произвел освидѣтельствованіе гр. Линева, 28 лѣтъ, при чем оказалось, что у гр. Линева никаких признаков разстройства формальных психических способностей не обнаружено.

«Гр. Линева является примитивной, т.-е. простой, первобытной личностью, по своему психическому складу близкой к психикѣ дикарей, дѣтей, с их простыми, непосредственными, примитивными реакціями во внѣшней средѣ. Это подтверждается не только его крестьянским происхожденіем и всѣм формированіем и развитіем его личности, но и тѣми проявленіями, которыя можно установить на судѣ. Его любованіе собою, своим тѣлом, сквозящее в каждом движеніи, в его маршировкѣ, выпячиваніи груди и временами величественной улыбкѣ, пристальном взглядѣ, выражающем свое превосходство, — свидѣтельствует о нарцисизмѣ, т.-е., о самовлюбленности,

и служит ярким доказательством его психического еще инфантилизма, проявленія еще незрѣлых, болѣе низших начал. Его развязность, самоувѣренность, цинизм, подчас, может быть, нахальство, грубость во внѣшних проявленіях, при наличіи в дѣйствительности мягкости, добродушія, «невозможности тронуть мухи», простых дружеских отношеній с равными себѣ — свидѣтельствует о сверхкомпенсациі, т.-е., чувствѣ своей психической недостаточности, компенсируемой, восполняемой, внѣшней развязностью, что является тоже одним из свойств примитивности. Наконец, указанія на его склонность пить кровь и есть сырое мясо, что тоже является признаком, указывающим на атавистическіе, первобытные, механизмы, заложенные в каждом человѣкѣ в скрытом видѣ и выступающіе ярко у Линева, указывающіе на сильное развитіе его инстинктивных начал. В наслѣдственном отношеніи заслуживает вниманія указаніе потерпѣвшей гр. Эпштейн, что сестра Линева, при наличіи хороших способностей, отличается дикостью и лживостью, т.-е., признаками, свойственными примитивным.

«Чрезвычайно важным обстоятельством в развитіи примитивной личности являются новыя условія, новая обстановка, особенно, когда субъект попадает в большой город, в столицу. У примитивной личности в столицѣ, с ее необычайным ритмом жизни, часто при неблагоприятных условіях, нарастает внутренній конфликт из-за несоотвѣтствія тѣх наличных психических средств, которыя имѣются у субъекта, с тѣми требованіями, которыя предъявляются к нему жизнью большого города. Этим, напри-мѣр, объясняются часто встрѣчающіяся самоубійства среди прислуги.

«Гр. Линева, как безусловно способный и толковый человекъ, попав в Москву, скоро выдѣлился и занял отвѣтственное мѣсто. И здѣсь уже для него выступает сознаніе, чувство своей недостаточности. Встрѣча же с женщиной, соціально и культурно чуждой ему, давшей ему новое, им неиспытанное в любви, захватывает всецѣло его. Классовое противорѣчіе, отсутствіе духовной связи.

чувство своей недостаточности выступает в полной мѣрѣ. Внутренній конфликт углубляется и нарастает. Он пытается уйти и вмѣстѣ с тѣм не может. Скандал, устроенный им в лѣчебницѣ послѣ аборта, сигнализирует переживающуюся через край аффективность. Аффективное состояніе Линева, исподоль нарастающее, все время увеличивается. Таково показаніе свидѣтельницы Л-ной относительно нарастающей раздражительности Линева в теченіе послѣдних одного-двух мѣсяцев.

«Что касается инкриминируемаго гр. Линеvu преступленія, то считаю, во-первых, что у гр. Линева, как это явствует из свидѣтельских показаній, в період времени, предшествовавшій преступленію, имѣлись мысли, связанные с низменными побужденіями: гр. Линев, угрожая Эпштейн, говорил, что он убьет ее или изорудует и таким образом она никому не будет принадлежать, что, во-вторых, преступныя дѣйствія носили сложный и цѣлесообразный характер: гр. Эпштейн была обезображена: налицо имѣется выполненіе именно тѣх преступных дѣйствій, о которых он говорил, и, в-третьих, что преступное дѣйствіе в видѣ раненія и вывиха глаза, хотя чрезвычайно болѣзненно, но по времени очень коротко и совершенно неожиданно; когда он нес ее на постель, гр. Эпштейн ничего в нем не замѣчала. С этого момента, по словам обвиняемаго, у него имѣется выпаденіе воспоминаній, обнимающее період времени до момента, когда он был уже в камерѣ. Объективных доказательств такого выпаденія цѣлаго періода из памяти представить невозможно. Однако, описаніе им характера выпаденія с момента, когда у него ношли перед глазами «черныя пятна», и момента, когда он очнулся в камерѣ, а также описаніе потерпѣвшей Эпштейн его совершенно измѣненнаго голоса, когда он, совершая преступленіе, шипѣлъ: «тише, тише, тише», и единственнаго свидѣтеля, наблюдавшаго обвиняемаго послѣ совершенія им преступленія, когда Линев имѣлъ «ненормальный вид, я думал, что он с ума сошел», «слова мѣшал», — типичны для состояній, когда сознаніе бывает разстроено и затемнено.

«Таким образом, состояніе, в котором совершалось Линевым преступленіе, являлось разрядом довольно длительного нарастающаго аффективнаго состоянія, которое прошло по путям наиболѣе коротким, минуя всю личность в цѣлом, аналогично дѣйствію короткаго замыканія. В таком состояніи часть сознанія отщепляется, становится автономной, дѣйствует по каким-то иным путям, внѣ контроля своей личности. Такія дѣйствія короткаго замыканія могут выполняться или в состояніи припадка со склонностью затемнѣнія сознанія или же имѣть вид нормальнаго дѣйствія при ясном сознаніи, но в обоих случаях дѣйствіе вмѣстѣ с аффективным импульсом, вызвавшим его, образует одно сплоченное цѣлое, отщепленное от прочей личности. Импульс, побудительная сила, не проходит через фильтр всей личности, а прямо переходит в нашу психомоторную, двигательную сферу и проявляется в дѣйствіи, наиболѣе близко лежащем к данному аффекту. Этим и обусловлен самый характер преступных дѣйствій Линева.

«На основаніи вышеизложеннаго прихожу к заключенію, что инкриминируемое Линеvu преступленіе совершено им в состояніи временнаго разстройства душевной дѣятельности, т.-е., в состояніи, которое подпадает под дѣйствіе ст. 17 УК».

Губсуд, послѣ трехдневнаго разбирательства, 7 мая 1926 года признав, что изложенная выше экспертиза вполне соответствует фактическим обстоятельствам дѣла, опредѣлил дѣло производством прекратить.

Это опредѣленіе губсуда было, однако, опротестовано губернским прокурором и отмѣнено кассационным отдѣленіем губсуда с назначеніем дѣла на вторичное слушаніе в ином составѣ присутствія.

Линев, освобожденный послѣ опредѣленія о прекращеніи дѣла из-под стражи, был снова арестован и заключен в Таганскій дом заключенія.

Я вступил в дѣло в качествѣ защитника Линева при вторичном разбирательствѣ.

Вспоминаю мое первое впечатлѣніе от встрѣчи с Линевым в тюрьмѣ.

Этот огромный, подавлявшій своей величиной мужчина производил впечатлѣніе какого-то большого ребенка, безконечно обиженного и плохо осознающаго, какое страшное дѣло он сотворил.

Я просидѣл у него нѣсколько часов, и Линева, волнуясь и жестикулируя, рассказал мнѣ всю исторію его взаимоотношеній с Эпштейн.

Особенно поразили меня слѣдующія его слова:

«Но я скажу вам, — любил я ее, люблю и буду любить. Всего она меня заполонила. И вот, ругала она меня на судѣ, и клеймила, и всячески поносила, как-будто гibelи моей хотѣла, а у меня нѣтъ никакой злобы и тянет к ней — сил нѣтъ терпѣть».

Я спросил Линева, каково, по его мнѣнію, отношеніе Эпштейн к нему в настоящій момент.

«А я вам скажу какое, — отвѣтил Линева. — Вот она меня на судѣ позорила, просила, чтобы меня побольше засадили, потому будто, что иначе я ее опять изородую или убью, а сама мнѣ все время передачи через няньку посылала и сейчас посылает. И вот эти дни, которые я был на свободѣ послѣ перваго суда, мы опять встрѣчались; она меня возила куда-то на дачу, там двѣ ночи ночевали как муж и жена».

*

Ко второму слушанію дѣла уже были вызваны в качествѣ экспертов психіатры: Внуков, Введенскій, Довбня, Терешкович, Теріан. Послѣ четырехдневнаго разсмотрѣнія дѣла они дали заключеніе о том, что состояніе, в котором Линева находился в момент совершенія преступленія, слѣдует, по мнѣнію экспертов, признать аффектом, но аффектом фізіологическим, а не патологическим, и

что, хотя Линева не мог в полной мѣрѣ руководить своим поведѣніемъ, но не настолько, чтобы это исключало вмѣняемость.

Для патологическаго аффекта характерным признакомъ является амнезія по отношенію къ обстоятельствамъ совершеннаго дѣйствія. Въ данномъ случаѣ эксперты скептически отнеслись къ заявленіямъ Линева о томъ, что онъ не помнитъ, какъ совершилъ самое преступленіе. Субъективными и недостаточными эксперты считаютъ показанія свидѣтеля, утверждавшаго, что Линева послѣ совершенія преступленія имѣлъ «сумасшедшій видъ». Напротивъ, осмысленныя дѣйствія Линева послѣ преступленія исключаютъ, по мнѣнію экспертовъ, предположеніе о наличности патологическаго измѣненія душевнаго состоянія.

*

На судѣ между Линевымъ и Эпштейнъ былъ жестокой антагонизмъ, выражавшійся въ рѣзкихъ выкрикахъ со стороны Эпштейнъ.

Нужно сказать правду, Линева не пощадилъ на судѣ ни женской стыдливости, ни достоинства Эпштейнъ и совершенно простодушно рассказывалъ о ихъ взаимоотношеніяхъ такія интимныя подробности, что судъ вынужденъ былъ закрыть двери и вопросъ объ ихъ интимныхъ отношеніяхъ слушать въ отсутствіи публики.

Здѣсь Линева рассказалъ съ видомъ величайшаго, и въ то же время наивнаго, изумленія, какъ-то по дѣтски разводя руками, о томъ, какія откровенія въ области сексуальныхъ отношеній открыла ему близость съ Эпштейнъ.

«Никогда не думалъ, — говорилъ онъ, — что есть такое на свѣтѣ. Шибко противно сначала было, а потомъ ничего, привыкъ и даже нравиться стало».

Возмущенная Эпштейнъ, присутствовавшая въ залѣ, прерывала Линева изступленными криками:

«Онъ лжетъ, подлец!»

Она рѣшительно отвергала также утвержденіе Линева о томъ, что въ промежуткѣ между двумя процессами они

проводили ночи на дачѣ, но послѣ показанія няни вынуждена была признать это обстоятельство, объясняя это своей уступчивостью из страха перед возможностью мести со стороны Линева.

Несмотря на такую, казалось бы величайшую, враждебность отношеній, в кулуарах суда, уже очень скоро стало извѣстно, что Эпштейн и здѣсь все же продолжает заботиться о Линевѣ, ежедневно покупает для него в буфетѣ обѣд и даже успѣла шепнуть ему при отводѣ его в комендатуру, чтобы он не сердился на нее, что она любит его и вынуждена отрицать многіе факты, иначе положеніе ее будет невыносимым.

Губернскій суд согласился с экспертами, давшими заключеніе при втором слушаніи дѣла о вмѣняемости Линева, и признал его подлежащим мѣрам соціальной защиты.

Но при этом суд, подробно изложившій в приговорѣ всѣ фазы отношеній между Линевым и Эпштейн, в резолютивной части приговора отмѣтил слѣдующее:

«Вслѣдствіе изложеннаго, дѣйствія Линева, как нанесшаго Эпштейн тяжкое тѣлесное поврежденіе под вліяніем сильнаго душевнаго волненія, вызваннаго изложенными выше тяжелыми оскорбленіями его в отношеніях к нему со стороны потерпѣвшей как ранѣе, так и в момент совершенія им преступленія, предусмотрены и наказуемы по ст. 151 УК.

«Обвиненіе, предъявленное Линеvu по 1 ч. 149 ст. УК, считать по суду недоказанным.

«На основаніи всего вышеизложеннаго, считая, что, преступныя дѣйствія, совершенныя Линевым, являлись результатом отношеній к нему Эпштейн, что, осознавая свой поступок, Линеv не требует чрезмѣрно длительной изоляціи от общества, но что он, как представляющій в настоящее время соціальную опасность, должен быть возвращен в ряды трудящихся по прохожденіи срока трудового воздѣйствія, — губсуд приговорил Линева подвергнуть на основаніи ст. 151 УК лишенію свободы в исправительно-трудовом домѣ сроком на один год».

Нѣсколько дней тому назад ко мнѣ позвонили по телефону.

«Это я, Линева, — слышался знакомый голос, — хочу притти к вам, нужно поговорить».

Через 20 минут в кабинет ко мнѣ вошел веселый и улыбающийся Линева, как оказалось, уже досрочно освобожденный из заключенія.

— Ну, поздравьте меня, — радостно заявил он, — сын у меня вчера родился; ну прямо необыкновенный — 11-ти фунтов вѣсом и весь в меня.

— От кого. — с величайшим изумленіем спросил я.

— Да от нее, от Эпштейн, — отвѣтил Линева. — Вѣдь мы теперь семей зажили, душа в душу живем; о прежнем слово друг другу дали не вспоминать. И вот, родила мнѣ сына. Теперь я и ее и мальчика без памяти люблю.

— Когда же вы успѣли, вѣдь вы недавно только освобождены?

— Эге-ге, — добродушно разсмѣялся Линева, — а про ночевку на дачѣ в промежуткѣ между двумя судами забыли?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОКУРОРА

Это был загадочный случай.

Прокурор одного из районов гор. Москвы, старый испытанный революционер, коммунист, тихий и скромный в жизни и твердый как прокурор, неожиданно скрылся из города.

Он бросил на произвол судьбы камеру, дѣла и цѣлый ряд отвѣтственных обязанностей; скрылся, не сообщив ни слова ни своему начальству, ни ближайшим своим товарищам по службѣ и по партіи. Жена его, жившая под Москвой, на расспросы слѣдственной власти утверждала, что она не знает, куда скрылся муж и чѣм объяснить его исчезновение.

Вскорѣ послѣ исчезновенія Топоркова (назовем так прокурора*) в ГПУ поступило заявленіе от двух студентов грузин о том, что бѣжавшій прокурор Топорков брал взятки от проходивших через его камеру заявителей за измѣненіе мѣры пресѣченія. Взятки, по словам заявителей, брались Топорковым через его пріятеля, жившаго совместно с ним на дачѣ под Москвой, Воронова.

Началось дознаніе, давшее дѣйствительно богатый матеріал, изобличавшій Воронова в том, что он брал у ряда лиц, привлеченных к суду, деньги для передачи Топоркову за измѣненіе мѣры пресѣченія.

Сам Воронов на дознаніи сознался, что передал полтора милліарда рублей дензнаками 1923 года прокурору

*) Фамиліи обвиняемых и свидѣтелей измѣнены; дѣло слушалось в М. Г. С. два раза, 1-й раз 12, 13 и 14 февраля 1924 года, под предсѣдательством члена губсуда С. М. Брауде, при замгубпрокурора Эстринѣ и защитникѣ А. М. Левинѣ и др., послѣ отмѣны приговора касколлегіей Верхсуда, вторично слушалось 4, 5 и 6 октября 1924 г., под предсѣдательством члена губсуда М. В. Лунина. Обвинял: А. Я. Эстрин, защищали Топоркова — И. Д. Брауде, остальных — Н. А. Иков и М. Д. Ромм. 6

Топоркову. Нѣкоторые из лиц, дававших Воронову деньги, были дѣйствительно освобождены, другія же, как, на примѣръ, нѣкто Шарвадзе Григорій, остались и послѣ дачи ими взятки под стражей.

Через нѣкоторое время по перехваченному письму установлено было мѣстопробываніе Топоркова.

Оказалось, что он послѣ побѣга из Москвы очутился в Кронштадтѣ, гдѣ поступил по подложному документу под чужой фамиліей на службу в качествѣ слѣдователя в военный трибунал Балтфлота.

Топорков был привезен в Москву, гдѣ ему было предъявлено обвиненіе во взяточничествѣ; он цѣликом отрицал свою вину, но не дал, с точки зрѣнія слѣдствія, правдоподобных объясненій по поводу своего исчезновенія из Москвы.

Дѣло это разбиралось в московском губсудѣ 12, 13 и 14 февраля 1924 года.

Кромѣ Топоркова и Воронова суду были преданы еще трое: Шарвадзе, Вуховадзе и Никитина, самогонщики, обвинявшіеся в передачѣ через Воронова взятки Топоркову.

Установленные на судѣ факты дѣйствительной передачи подсудимыми денег Воронову, близость Воронова к Топоркову, не отрицавшаяся послѣдним, оговор на дознаніи Вороновым Топоркова, наконец, тяжелая улика — побѣг Топоркова, как тогда предполагалось, из страха перед арестом, — убѣдили суд в безусловной виновности Топоркова во взяточничествѣ.

Он был приговорен к разстрѣлу, при чем суд постановил возбудить ходатайство о смягченіи наказанія в виду революціонных заслуг приговореннаго. Воронов также был приговорен к разстрелу, а трое остальных подсудимых — к разным срокам наказанія.

Приговор этот кассационной коллегіей верховнаго суда был отмѣнен, а дѣло передано на новое рассмотрѣніе.

Ко второму разсмотрѣнію дѣла я был назначен Топоркову защитником.

В Бутырском домзакѣ я нашел высокаго хмураго человѣка, полуинтеллигента по виду, с тусклым взглядом глубоко впавших глаз, смотрѣвших, однако, прямо и искренно. Было что-то в этом человѣкѣ, что внушало к себѣ глубокую симпатію и довѣріе.

Худой и блѣдный, безконечно, повидимому, потрясенный так трагически окончившимся для него первым судом, он не сразу отвѣчал на мои вопросы.

Устало опустив голову, он долго сидѣл и молчал. Я дал ему возможность заговорить самому.

«Я знаю, что мнѣ трудно повѣрить, — очень тихо, с какой-то глубокой задушевностью начал он свое объясненіе. — Я знаю, что обстоятельства против меня. Побѣг, который я совершил, недостойн коммуниста. Дружба с проходимцем Вороновым создала внѣшніе факты, против которых мнѣ трудно бороться, но, вѣрьте, я никогда за всю мою жизнь сознательно не сдѣлал ни одного безчестнаго поступка. Я не брал взяток, я не имѣл никакого представленія о дѣятельности Воронова за моей спиной. Этот гад влѣз мнѣ в душу, прикинулся другом. Вины ваты моя безхарактерность и безвольность, вслѣдствіе которых я не выгнал его, но я не подозрѣвал, что он способен на такія ужасныя вещи».

«Но чѣм же объяснить ваш побѣг?» — спросил я его.

«На это мнѣ трудно отвѣтить, — сказал Топорков. — Я пытался сам себѣ объяснить это в записках, которыя я вел тогда. Они отобраны у меня при арестѣ. Прочтите их, может быть вы разберетесь; но, повѣрьте, я бѣжал не из страха перед наказаніем; как революціонер, я десятки раз стоял перед опасностью для жизни и смотрѣл этой опасности прямо в глаза. Я думаю, что я бѣжал от самого себя».

Я долго говорил с Топорковым, коснулся каждой мелкой детали в дѣлѣ, и у меня создалась глубочайшая увѣренность, что в этом дѣлѣ едва не произошла судебная ошибка.

Топорков был невинен — это я почувствовал с первого же свиданія с ним; изученіе же его записок и біографіи, имѣвшейся при дѣлѣ, а также всѣхъ показаній Воронова окончательно укрѣпили мою увѣренность.

*

От чего же бѣжал Топорков?

Топорков, как он с самого начала мнѣ показался и как впоследствии я убѣдился по документам в дѣлѣ и біографическим свѣденіям, это своеобразный тип революціонера, стойкаго, мужественнаго во всем, что касается исполненія его долга, твердаго и безпощаднаго, когда рѣчь идет о прямыхъ революціонныхъ дѣйствіяхъ, но застѣнчиваго и мягкаго в личной жизни.

Находчивый и сообразительный в самыхъ запутанныхъ служебныхъ и дѣловыхъ взаимоотношеніяхъ, он, когда вопросъ связанъ с его личными интересами, частными отношеніями его с людьми и в своей интимной жизни, — безвольный и слабый, легко теряющійся и безконечно скромный человекъ.

Прошлое Топоркова не лишено глубокаго интереса.

Сынъ сторожа, выросшій в деревнѣ, с ранняго дѣтства предоставленный самому себѣ, впечатлительный мальчикъ, Топорковъ склоненъ к энтузіазму и мистическимъ настроеніямъ. Чуть ли не до 15 лѣтъ, живя в деревушкѣ среди лѣсовъ, онъ отличается нелюдимымъ характеромъ, бродит по лѣсамъ и, увлеченный своеобразною жизнью монаховъ, уединенныхъ по скитамъ, весь исполненъ религіознаго мистицизма, носит власяницу, вериги, колючій желѣзный поясъ на голomъ тѣлѣ, наказываетъ себя за каждую «грѣшную» мысль.

В юношескіе годы онъ попадаетъ в городъ, служитъ мальчикомъ в мелкихъ предпріятіяхъ, случайно сталкивался с передовыми студентами, и мистицизмъ юности уступаетъ мѣсто революціоннымъ настроеніямъ, воспринятымъ от нихъ.

Онъ сближается с партійной молодежью и начинаетъ горѣть огнемъ революціоннаго энтузіазма.

Еще совѣм мальчиком вступает в партію социал-революціонеров, участвует в экспроприаціи оружія на Срѣтенкѣ, в магазинѣ Биткова, в «эксе» купцов у «Яра» и у «Стрѣльны», убивает охранника Суворова, в 1905 году дерется на баррикадах.

В партіи эс-эров он пребывает вплоть до начала октябрьской революціи.

Благодаря содѣйствію, оказанному товарищами по партіи, он подготовливается в Строгановское училище зодчества и ваянія, и октябрьскій вихрь застает его в студенческих организаціях, образовавшихся в этом учебном заведеніи.

Он вступает в РКП, занимает за період гражданской войны, а потом мирнаго строительства, ряд разнообразнѣйших военных и иных отвѣтственных должностей.

Товарищи по партіи, прошедшіе на судѣ и охарактеризовавшіе его за этот період времени, отмѣчали, что ни одного пятнышка не было на репутаціи Топоркова. Аскет по натурѣ, скромный и молчаливый человек, он с честью нес свой долг, гдѣ бы таковой выполнять ни приходилось.

В автобіографіи, приобщенной к дѣлу, Топорков подробно рассказывает просто и безыскусственно всѣ перипетіи своей жизни революціонера. В записях, относящихся ко времени побѣга, он пытается объяснить причины его, объяснить, повидимому, для самого себя.

В этих записях мое вниманіе остановил один факт.

Однажды, много лѣтъ до того, Топорков, находясь в обществѣ товарищей, спровоцированный одной кокетливой дѣвушкой, неожиданно для самого себя поцѣловал ее. Раздался всеобщій смѣх. Топорков, имѣвшій уже боевое революціонное прошлое, проявлявшій в «эксах» большую выдержку и спокойствіе, вдруг растерялся до послѣдней степени.

С ним происходит что-то странное.

Он не в силах оставаться среди людей, гдѣ произошел с ним, казалось бы, такой невинный, случай. Он бѣжит из квартиры, потом в тот же день и из города, бросая дѣло, с которым был связан, не предупредив никого из

близких, не имѣя, по его словам, сил вернуться к тѣм же самым людям.

Уход в самого себя, склонность к самосозерцанію характерны для Топоркова, хотя, с другой стороны, по его боевому стажу его никак нельзя отнести к типу «интеллигентных нытиков».

Все эти колебанія настроенія, характерныя, повидимому, для его своеобразной психики, проявляются не только в его дневниках и письмах. Жизнь его отмѣчена двумя покушеніями на самоубійство, казалось бы, без достаточно серьезных поводов.

Послѣдняя должность у Топоркова перед назначеніем его в прокуратуру была служба в НК РКИ,*) гдѣ уже начинают отмѣчаться первые признаки усталости.

Топорков отмѣчает в своей автобіографіи:

«С нѣкоторых пор я стал замѣчать ненормальности за собою, специфическія явленія переутомленія, издержанности, порою полное безразличіе, слабосиліе тѣлесное и духовное. Сначала я искал выхода в том, чтобы уйти на производственную работу, но и там не нашел успокоенія. Назначенный прокурором на работу, мнѣ чуждую до этого, я как-то обезсилѣл под давленіем огромнаго ряда отвѣтственных и своеобразных обязанностей. Уже вскорѣ я просил освободить меня, но просьба моя удовлетворена не была».

В своем письменном объясненіи и на судѣ Топорков подробно рассказал, как Воронов, который представлялся ему простым и хорошим парнем (что называется «рубаха парень»), втерся в его общество и, живя совместно с ним в одной мѣстности на дачѣ, постоянно заходил к нему в камеру по окончаніи занятій, чтобы вмѣстѣ ѣхать домой.

Топоркову в голову не приходило, что эту свою внѣшнюю близость к нему Воронов использует в своих корыстных цѣлях. Между тѣм, предварительное и судебное слѣдствіе подробно выявило картину мошенническаго повѣденія Воронова.

Незамѣтно для Топоркова Воронов афишировал перед окружающими свою близость к прокурору, заходя к

нему прямо, без доклада, внѣ очереди в кабинет, чѣм укрѣпил у всѣх окружающих представленіе о том, что он близкій друг и пріятель прокурора.

Постоянно бывая в камерѣ прокуратуры, Воронов узнавал у канцелярских сотрудников, относившихся вначалѣ к нему, как к близкому пріятелю прокурора, с довѣріем, о дѣлах, проходивших через камеру.

Наблюдая во время пріемов у прокурора, как многія лица обращались к нему с просьбами об измѣненіи мѣры пресѣченія по отношенію к их родственникам, он, постепенно знакомясь с ними, стал предлагать, ссылаясь на близость к прокурору, свои услуги по оказанію им содѣйствія в освобожденіи арестованных. Чтобы еще больше увѣрить родственников арестованных в интимной дружбѣ с прокурором, он стал на их глазах запросто заходить в кабинет к Топоркову, выходить оттуда с ним вмѣстѣ под руку, бродить по канцеляріи с видом своего человѣка.

Родственники, среди которых были нѣкто Шарвадзе и Вуховадзе, увѣровали в могущество Воронова и в его близость к прокурору. Воронов получает от Шарвадзе первую взятку в суммѣ 1½ милліарда рублей дензнаками 1923 года, якобы для передачи прокурору за освобожденіе его брата, арестованнаго за торговлю спиртом. Получает он еще деньги от нѣкоей Сорокиной, сын которой также содержится под стражей по дѣлу о торговлѣ самогоном, и, наконец, деньги от нѣкоего Никитина.

Два послѣдних арестованных дѣйствительно освобождаются Топорковым из-под стражи, как вполнѣдствіи оказалось, в полном соответствіи с обстоятельствами дѣла, но брата Шарвадзе Топорков не освобождает.

Шарвадзе, не добившись освобожденія своего брата, неоднократно заходит в прокуратуру и ищет скрывающагося от него Воронова, обѣщавшаго передать его деньги немедленно прокурору ради освобожденія арестованнаго, но Воронова найти нигдѣ не может, ибо тот деньги успѣлъ прокутить и опасается встрѣтиться с Шарвадзе.

13 февраля, возмущенный надувательством Воронова, как полагал Шарвадзе, и Топоркова, Шарвадзе явля-

ется в камеру прокурора и требует от сотрудников канцелярии, а затѣм и непосредственно от прокурора Топоркова, вышедшаго на шум из кабинета, указать ему фамилію и адрес того молодого человѣка (Воронова), который часто бывает у прокурора.

Ему отказывают в этой просьбѣ, и Шарвадзе, возмущенный, уходит, бросая фразу: «я сдѣлаю так, что вам не будет смѣшно».

На другой день послѣ этого случая Топорков скрывается из Москвы, не сдав дѣл и бросив камеру на произвол судьбы.

* * *

Почему же скрылся Топорков?

Слухи о том, что прокурор Топорков берет взятки, благодаря дискредитирующим его, Топоркова, дѣйствіям Воронова распространились среди лиц, близких к прокуратурѣ. О них давно уже знали сотрудники камеры, о них знала публика, наполнявшая в пріемные дни прокуратуру, о них говорили открыто в коридорах и шопотом сотрудники, и, наконец, эти слухи достигли самого Топоркова.

Он подозрѣвал, что в основѣ своей эти слухи питаются близостью его отношеній с Вороновым; он чувствовал за своей спиной шопот, он видѣл настороженные взгляды, в нем росло и укрѣплялось безпокойство, но не было рѣшимости поступить опредѣленно, как этого требовало положеніе, — арестовать Воронова и официально выяснить источник слухов.

Случай с приходом грузина и брошенная им фраза сразу открыли ему все.

Он понял, что он опозорен в глазах окружающих, что его считают взяточником, но поступить так, как этого требовало положеніе, он был не в силах.

В дневникѣ Топоркова, который он вел в этот промежуток времени, имѣются по этому поводу слѣдующія мѣста:

«Что случилось. — Возникли слухи, позорные для общественного работника. Ликвидировать их нужно было... Как? — Если расслѣдовать и установить клевету, наказать виновников, то все же остается темное пятно. Клевету можно смыть лишь собственной кровью или исчезнуть, быть забытым...»

«Опровергнуть клевету официально еще не значит снять позор с честию с добраго имени. Яд ее отравляет душу. Это язва, незамѣтная снаружи, но подтачивающая организм внутри».

«Ожиданіе неизвѣстности страшнѣе самой катастрофы. Неожиданный удар поразит и измучит, но очнешься, успокоишься и находишь возможность снова жить. Тут же полная неизвѣстность, ожиданіе неминуемаго событія, таинственнаго, грознаго...»

«Конечно, предстояла моральная смерть, но какая! — Какая пытка, мученія, нравственныя страданія... Ожиданіе этих ужасов страшнѣе смерти. Душа моя может страдать до извѣстных предѣлов, страдать же непрерывно, задавать себѣ каждый вечер вопрос — что ожидает, — это все равно, что претерпѣвать тысячу смертей. А страх, страх, от котораго стынет в жилах кровь и щемит душу страх, который невидимым призраком овладѣвает всѣми помыслами трепещущими и колеблющимися... Сердце сильно билось при мысли о семьѣ. Я не спал ночами, только наружно старался показать равновѣсіе и спокойствіе».

В другом мѣстѣ он говорит:

«Я никогда не думал о себѣ и не допускал мысли быть серьезно оклеветанным и попасть в тяжелое, безвыходное положеніе. Когда же в силу сложившихся обстоятельств в связи с необходимостью защищаться я потерял спокойствіе, даже, как мнѣ кажется, рассудок. Вѣдь я же был почтенный человѣкъ, общественный и партійный дѣятель. Мог ли я помириться с мыслью, что мнѣ придется держать экзамен на подлеца. А скандал был неизбежен. Я

чувствовал себя беспомощным, видѣл гибель чести своей и добраго имени, я видѣл моральную смерть от удушенія клеветой...»

«Если даже я добьюсь блестящаго опроверженія всѣх навѣтов, то наступит тоже моральная смерть, но от другой причины, от излишняго вдыханія кислорода радости официальной, но не моральнаго торжества, потому что я все же не могу не чувствовать возможность криво толков, которых ничѣм, даже и официальными данными, не убьешь».

Записки эти были отобраны у Топоркова при арестѣ его в Ленинградѣ.

Прочитав их и сопоставив их содержаніе с объясненіями, которыя мнѣ давал Топорков, я невольно пришел къ внутреннему выводу о том, что Топорков не выполнѣ нормальный человекъ и что побѣгъ его былъ побѣгомъ не из страха наказанія, не из страха передъ изобличеніемъ вины, которой в дѣйствительности не было, а единственно вслѣдствіе свойственной его натурѣ беспомощности в борьбѣ за самого себя, в своихъ личныхъ интересахъ.

Я возбудил ходатайство передъ судомъ о вызовѣ эксперта-психіатра.

Проф. Е. К. Краснушкин, приглашенный судомъ, чрезвычайно заинтересовался личностью Топоркова и, послѣ подробнаго обслѣдованія его и участія в судебномъ слѣдствіи, далъ о немъ слѣдующее заключеніе, которое привожу полностью.

«4 октября 1924 года я освидѣтельствовалъ в судебномъ засѣданіи московскаго губсуда гр. Топоркова Е. А. 36 лѣтъ, при чемъ оказалось слѣдующее:

«Гр. Топорковъ правильнаго тѣлосложенія, съ блѣднымъ малокровнымъ кожнымъ покровомъ. Со стороны нервной системы отмѣчаются живые кожные рефлексъ, отсутствіе глоточныхъ рефлексовъ и конъюнктивальныхъ рефлексовъ.

«Топорковъ в ясномъ сознаніи, говоритъ логично, даетъ

обдуманнѣе отвѣты, обнаруживает достаточный умственный багаж. Никакого разстройства сужденій в теченіе разбирательства и изслѣдованія не обнаруживает, но указывает на «провалы памяти», касающіяся в большинствѣ случаев обстоятельств его дѣла. Так, он не помнит, как он уѣхал из Москвы в Ленинград. Однако, забвеніе не является сплошным, но касается только отдѣльных моментов этой поѣздки. Он не помнит, как провел день накануне отъѣзда, не помнит, как вышел из дома, но помнит себя на вокзалѣ, помнит себя в вагонѣ; дальше опять провал в памяти; вспоминает себя уже в Ленинградѣ в самый день пріѣзда, а дальше все уже в памяти сейчас восстанавливается.

«Из письма за два дня до ареста и из экспертизы на судѣ ясно, что этому его состоянію предшествовали тяжелыя внутреннія переживанія, которые правильнѣе всего охарактеризовать с аффективной стороны страхом и стыдом перед позором, возникшим под вліяніем сплетшагося вокруг него клубка позорных обвиненій. Повидимому, это состояніе аффективнаго внутренняго напряженія продолжалось около 1½ мѣсяцев.

«Аналогичное состояніе он пережил однажды уже лѣтъ 18 тому назад, когда он поцѣловал дочку своего квартирнаго хозяина на глазах у всѣх, бывших на вечеринкѣ, и тут же уѣхал в Н.-Новгород, гдѣ пробыл нѣсколько недѣль. Тогда никаких припадков у Топоркова не было; бывали только обмороки, связанные с малокровіем, бывали головокруженія, тоже ничего характернаго в себѣ не обнаруживавшіе.

«Названное состояніе развивается в замкнутом, вспыльчивом, способном къ депрессіям при неблагоприятных внѣшних обстоятельствах, импульсивном характерѣ подэкспертнаго.

«Все изложенное позволяет заключить, что Топорков является психопатической личностью с аномальным характером, но не душевно-больным в тѣсном смыслѣ этого

слова. Аномалія характера, в частности у Топоркова, не является таким состояніем, которое исключает вмѣняемость. В данном случаѣ может идти рѣчь только о частичной или, лучше сказать, временной невмѣняемости, связанной с провалами воспоминаній о нѣкоторых дѣйствіях.

«Однако, описываемое Топорковым состояніе не укладывается в рамки извѣстных психіатріи эпилептических или психіатрических трансов, ибо он большую часть поступков в этот період совершил в ясном сознаніи. На это указывают обстоятельства его поведенія; не было характерных предвозвестников этих разстройств, не было и послѣдующаго характернаго для них состоянія удивленія и корригирования совершеннаго.

«Таким образом, отсутствіе воспоминаній должно быть отнесено не к разстроенности сознанія в смыслѣ совершенія указанных поступков, но к послѣдующему истерическому вытѣсненію из сознанія непріятных переживаній.

«В силу этого я полагаю, что в момент совершенія этих поступков Топорков был в рѣзко аффективном состояніи, вполне адекватном создавшемуся в его жизни положенію, и, слѣдовательно, также в состояніи вмѣняемости. Однако, при оцѣнкѣ его поведенія нужно признать, что психопатическая природа его личности, понижая его способность справляться со своими аффектами, в особенности в моменты затрудненных жизненных обстоятельств, таким образом дѣлает его вмѣняемость ниже вмѣняемости вполне уравновѣшенных людей».

Эта психіатрическая оцѣнка поведенія Топоркова в моменты, сопутствовавшіе его побѣгу, независимо от того, что он был все же признан вмѣняемым, давала, с точки зрѣнія защиты, один исключительно важный для даннаго дѣла момент: Топорков бѣжал не потому, что совершил преступленіе, — он бѣжал из патологическаго страха перед собственной безпомощностью и безволіем в предстоящей борьбѣ за свое доброе имя.

Таким образом, отпала самая страшная улика по дѣлу — побѣг, произведшій тягостное впечатлѣніе при первом разсмотрѣніи дѣла, когда не был вызван эксперт-психіатр.

Но оставалась другая, не менѣе тяжелая улика — оговор Вороновым Топоркова на дознаніи, гдѣ он ясно и категорически показал, что Топорков был освѣдомлен о его дѣйствіях и лично брал у него преступные деньги.

Но Воронов, произведшій на судѣ впечатлѣніе типичнаго «червоннаго валета», человѣка с темным прошлым и подозрительным настоящим, только на дознаніи оговаривал Топоркова. В дальнѣйших же своих показаніях Воронов всячески отвергает сдѣланное им сознание на дознаніи, объясняя его тѣм, что был заподозрѣн в убійствѣ неожиданно скрывшагося Топоркова; в цѣлях перевести обвиненіе в плоскость, как ему казалось, менѣе для него опасную, он и оговорил Топоркова. Он сам сознался в том, что получал мошенническим путем деньги от родственников арестованных и ложно приплел к дѣлу Топоркова.

При вторичном разбирательствѣ дѣла Воронов выражал глубочайшее раскаяніе в том, что своей подлостью едва не погубил человѣка неподкупнаго и честнаго.

В послѣднем словѣ Топорков сказал:

«Я сознаю свою вину, что бросил камеру и внезапно уѣхал, но взятку я не брал. Я сейчас оглядываюсь на всю мою прошлую жизнь и... не вижу ни одного поступка, совершеннаго во вред рабочему классу. Жил, горѣл, — не сгорѣл до тла пока...»

8 октября судом был вынесен приговор по этому дѣлу. Топорков был оправдан по обвиненію во взяточничествѣ и присужден к одному году лишенія свободы лишь за дискредитированіе власти, выразившееся в недопустимой близости и общеніи с Вороновым.

В виду нахождения Топоркова в теченіе этого срока в предварительном заключеніи он был освобожден из-под стражи.

Воронов был признан виновным в мошенничествѣ и приговорен к полутора годам лишенія свободы с послѣдующей высылкой из Москвы.

Недавно я встрѣтил Топоркова. Он работает в качествѣ монтажиста в одном из крупных государственных производств.

От разговоров о прошлом он уклонился, стараясь, повидимому, вытѣснить из воспоминаній тяжелыя минуты, им пережитыя.

Так назвал на судебном слѣдствіи студент Борис Грачев*) свой выстрѣл, убившій наповал товарища его, Звонникова.

Неожиданно для самаго себя, Грачев бросил образ, который явился символическим для этого загадочнаго дѣла, взволновавшаго широкія, главным образом, студенческіе круги. Ибо предварительное и судебное слѣдствіе, огромное напряженіе суда и сторон и усилія семи лучших московскихъ психіатровъ стремились разрѣшить основной в этомъ дѣлѣ вопросъ — какой же мотивъ былъ для этого жестокаго, нелѣпаго убійства, и не былъ ли выстрѣлъ Грачева дѣйствительно выстрѣломъ «в темнотѣ», когда погасъ не только электрическій свѣтъ, но померкли сознаніе и воля, контролирующіе человѣческіе поступки.

И в разрѣшеніи этого вопроса рѣзко разошлись между собою не только стороны, что было естественнымъ и понятнымъ в такомъ спорномъ дѣлѣ, но и представители науки, ставшіе на неслыханно противорѣчивыя и непримиримыя точки зрѣнія.

Фабула этого загадочнаго дѣла в общихъ чертахъ сводилась къ слѣдующему.

В квартирѣ проф. Васильева в Москвѣ, внучка его, Наталья, слушательница государственнаго кинематографическаго института, устроила у себя товарищескую вечеринку.

На вечеринку она пригласила нѣсколько подругъ и молодыхъ людей, преимущественно изъ числа студенческой

*) Фамиліи обвиняемаго, убитаго и свидѣтелей измѣнены. Дѣло слушалось 10—11 октября 1924 г. в московскомъ губернскомъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ члена губсуда Л. Л. Соколова. Обвиняла пом. прокурора Р. М. Герчикова, защищалъ членъ коллегіи защитниковъ И. Д. Брауде.

молодежи. Между прочим, приглашены были: старый товарищ Натальи Васильевой, студент 1 МГУ Борис Грачев и слушатель студии живописи Юрій Звонников, даровитый и очень красивый юноша, сын старого московского адвоката.

Каждый из молодых людей принес с собою на вечеринку по одной или нѣсколько бутылок спиртных напитков.

До полуночи собравшаяся молодежь сидѣла в столовой за ужином, при чем Грачев и Звонников встрѣтились по-дружески и, отдѣлившись от остальной компаніи, повели между собою оживленную бесѣду.

В полночь, по просьбѣ матери Натальи, собравшейся лечь спать, молодежь перешла в гостинную и продолжала там веселиться.

В началѣ второго часа ночи, когда стало едва разсвѣтать, кто-то предложил погасить электричество. Предложеніе было проголосовано, при чем Грачев почему-то уступил свой голос Звонникову, и большинством было рѣшено свѣтъ погасить.

В полумракѣ одна из подруг Васильевой, Неѣлова, начала учить Звонникова танцевать фокстрот, сама напѣвая мотив его. Затѣм они вдвоем присѣли к роялю и стали подбирать какой-то романс.

Грачев подошел к ним и курил, стоя позади них подлѣ рояля.

Через нѣкоторое время молча стоявшій Грачев вдруг произнес фразу:

«Наташа, хочешь, я тебѣ покажу одну штуку?»

Васильева отвѣтила: «ну»... В этот момент раздался громкій глухой стук.

Сначала присутствовавшіе не поняли, что произошло, но тут же Неѣлова почувствовала, что сидѣвшій подлѣ нее Звонников повалился на пол, а она вся залита какой-то теплой жидкостью, и закричала, чтобы скорѣе зажгли свѣтъ.

Когда свѣтъ был зажжен, присутствовавшіе увидѣли, что Звонников без признаков жизни лежит на полу, а Грачева в квартирѣ уже нѣтъ.

Произведшій выстрѣлъ Грачев, воспользовавшись темнотой, вышел из комнаты, освѣщая себѣ путь папироской, одѣлъ пальто и ушел с квартиры.

На улицѣ, на углу, он долго торговался с извозчиком и затѣм поѣхал домой к отцу, гдѣ рассказал о случившемся. Затѣм отправился на Лубянку в ГПУ, заявил о совершенном преступленіи и был задержан.

Допрошенный по поводу совершеннаго убійства, Грачев и на предварительном слѣдствіи и на судѣ виновным себя признал, но объяснил, что особой причины убить Звонникова у него не было и что событія, предшествовавшія его убійству, сложились как-то сами собой, и он, Грачев, не отдавал себѣ отчета в происходившем.

«Итти на вечеринку мнѣ не хотѣлось из-за тяжелаго душевнаго состоянія. В послѣдніе дни я себя чувствовал плохо и физически и духовно. За два дня до вечеринки ко мнѣ заходил мой товарищ Пасхалов, и я ему говорил про мое скверное состояніе, говорил, что боюсь, чтобы чего-нибудь не случилось, и что я могу кого-нибудь убить».

В субботу, по словам Грачева, перед вечеринкой к нему зашли два его товарища, Горлов и Милованов, предложившіе пойти с ними понюхать эфир.

Отправились куда-то в Гранатный переулок и, наюхавшись эфиру, зашли в пивную, гдѣ выпили немного пива. Затѣм купили бутылку вина и, переодѣвшись дома, отправились к Васильевой.

И Грачев и другіе присутствовавшіе на вечеринкѣ утверждали, что встрѣтились Грачев со Звонниковым самым дружеским образом.

Отношенія их между собою были старыми и начинались еще с того времени, когда они были соучениками по гимназіи; если и не было между ними особой близости, то и ссор никогда не бывало, да и основаній к ним не могло быть, ибо каждый из них был талантлив в своей

области и по своему пользовался успѣхом. Года за два до преступленія Грачев и Звонников даже вмѣстѣ жили на дачѣ, послѣ чего до послѣдняго времени не встрѣчались. Нѣсколько лѣтъ назад они образовали с группой товарищей «братство Килукана», названное так по имени кота Звонникова, гдѣ вели, по словам Грачева, философскія бесѣды и вообще проводили вмѣстѣ время.

Привѣтливо встрѣтившись друг с другом у Васильевой. Грачев и Звонников сидѣли рядом за ужином, во время котораго было выпито много вина, читали друг другу стихи и вели оживленную бесѣду.

Ничто, казалось, не предвѣщало рокового конца.

Постепенное нарастаніе у Грачева настроенія против Звонникова он, в различных своих показаніях, рисует таким образом:

«За ужином я от дѣйствія вина и эфира стал испытывать странное состояніе, придя на вечеринку уже с ненормальными ощущеніями. От меня, очевидно, пахло эфиром, так как Наташа спросила, кто из нас лѣчит зубы. На ногах я продолжал держаться твердо, но мысли стали обостренно, бѣшено крутиться, все стало мнѣ представляться очень рѣзко и в видѣ преувеличенном. Содержаніем этих мыслей явилось накопленіе злобы против Звонникова, против его личности. Меня начала возмущать, — точнѣе, злить, — роль «эстествующаго» молодого человѣка, им разыгрываемая. Особенно взорвало меня, когда он, взяв у меня папиросы, важным тоном произнес:

«Да, эти папиросы хорошіе, их курить можно».

Так росло, по объясненію Грачева, раздраженіе в нем по отношенію к Звонникову.

Кульминаціоннаго пункта раздраженіе достигло в тот момент, когда Звонников бросил во время игры на роялѣ фразу подошедшему к нему Грачеву:

«Борис, отойди, неужели нельзя курить в другом мѣстѣ, ты мнѣ мѣшаешь».

«У меня, — говорит Грачев, — все заплесало в головѣ от этой фразы: вспыхнуло чувство, которое раньше

появлялось в тѣ моменты, когда я бросался на мачеху или на товарища по гимназіи. Внѣшне я оставался спокоен, руки и ноги мнѣ подчинялись, но я слышал, как стучит мое сердце, а мысли стали мчаться обрывками. Захватывала одна мысль, — сдѣлать что-то, и я чувствовал, что во что бы то ни стало, убью Звонникова. Тут уже я ясно почувствовал, что убью его. Я сказал: «господа, хотите, я покажу замѣчательный фокус?». Так как не всѣ мнѣ откликнулись, а в частности не откликнулась Наташа, то я громко повторил: «Наташа, хочешь, я сейчас покажу фокус?». И вслѣд за этим, послѣ отклика Наташи и других, приставил револьвер к головѣ Звонникова. Он сначала немного голову отвернул; тогда я приставил дуло совершенно в упор и выстрѣлил. Была короткая пауза, во время которой я как-то обостренно услышал, как каплет кровь».

*

Своеобразность самой обстановки убійства, отсутствіе ясно выраженнаго мотива и странность в послѣдующем поведеніи Грачева направили все вниманіе слѣдственной власти, а затѣм суда и сторон, на глубокое и всестороннее изслѣдованіе личности обвиняемаго и взаимоотношеній с окружающей его средой.

Путем опроса его самого, родственников и свидѣтелей добыты были подробныя свѣдѣнія о нем, в общих чертах сводившіеся к слѣдующему.

Грачеву девятнадцать лѣтъ; он сын московскаго врача, специалиста по внутренним болезням, имѣющаго хорошую практику. Особых семейных заболѣваній в роду Грачевых не констатировано, но сестра отца покончила с собой самоубійством, брат матери — алкоголик, другой проявлял признаки душевной болѣзни; дѣд по отцу отличался дикими выходками, во время которых буйствовал. Отец — человѣкъ нормальный, хотя и считает себя нервным. Какими-либо тяжелыми болѣзнями Грачев не страдал. Дѣтство Грачева было невеселым: отец рано

разошлѣся с женой и сошелся с другой женщиной. Грачев тогда еще совѣм маленькій, жил сначала у тети, которую не любил, а затѣм, по возвращеніи отца с фронта, поселился вмѣстѣ с мачехой. Здѣсь условія жизни были очень тяжелы. Мачеху он не выносил; происходили по всяким пустякам всякіе скандалы и ссоры, при чем однажды он бросился на мачеху с полѣном, а в другой раз запустил в нее подсвѣчником. Отец Грачева в своих показаніях отмѣчает, что еще маленьким обвиняемый отличался чрезмѣрным тщеславіем и болѣзненным самолюбіем. Об этой чертѣ его характера говорит и ряд свидѣтелей — товарищей его. Так, по словам студента Фофанова, Грачев «отличался непомерным тщеславіем и не переносил никакого превосходства». Говорит об этом и ряд других свидѣтелей. Характерно, что именно с этой точки зрѣнія большинство свидѣтелей пытается объяснить и самое убійство. По их мнѣнію, тщеславная, самолюбивая натура Грачева не могла выносить равнодушно того успѣха, которым, в сравненіи с ним, пользовался Звонников, как болѣе красивый и талантливый юноша.

Чрезвычайно своеобразно рисует возможные мотивы убійства студент института востоковѣдѣнія — Горлов:

«Борис Грачев, мой товарищ с ранняго дѣтства... Считаю его немного ненормальным. Вообще он очень умный, развитой человѣкъ, но изрѣдка на него находила такая темная полоса, когда ему хотѣлось дѣлать что-то необыкновенное, и тогда он совершал всякіе эксцентрическіе поступки. Он выражался, что в жизни нужно испытать все... Думаю, что был револьвер, была возможность убить, и он это сдѣлал под вліяніем минуты... Думаю, что убійство явилось стремленіем Бориса испытать еще неизвѣданное ощущеніе... Кромѣ того, он был очень самолюбивым, и, возможно, его возмутило бахвальство Звонникова...»

Далѣе Горлов и на слѣдствіи и на судѣ, равно как и другіе свидѣтели, категорически отвергал возможность предположенія о романическом мотивѣ убійства.

Столь же категорически отрицает возможность романического мотива и хозяйка вечеринки — Наталья Васильева.

«Считаю, что к убійству Юры у Грачева никаких романических мотивов быть не могло, а оно было вызвано исключительно завистью Грачева к тому успѣху, каким пользовался Звонников особенно в этот вечер. Грачев был вообще хулиганом, мистифицировал по телефону о раненіи моих знакомых, как-то бросил под ноги моей матери шумиху и убѣждал. Раз, когда я сказала ему по телефону, что у меня гости, он ни с того, ни с сего, заявил, что наплюет моему дѣду на лысину. Затѣм явился ко мнѣ и, увидѣвъ, что гости мои евреи, стал говорить о том, что «из Палестины дым пошел столбом; оказалось, что это переселеніе евреев» ко мнѣ. Затѣм стал просить русско-еврейскій словарь. Послѣ этих исторій, которыя происходили прошлой зимою, я с ним перестала встрѣчаться, но затѣм он измѣнился и стал держать себя прилично.

«Послѣ убійства товарищи его говорили мнѣ, что Грачев не мог убить на почвѣ ревности, так как настолько извращен, что женщинами не интересуется».

С точки зрѣнія оцѣнки состоянія, в котором находился Грачев в день убійства, весьма характерно было показаніе другаго пріятеля его, студента 1 МГУ, Милованова:

«Бориса Грачева знаю приблизительно лѣтъ 14, но сошелся с ним мѣсяца два-три до убійства. Незадолго до вечеринки Бориса исключили из университета. Это на него настолько сильно подѣйствовало, что у него появилась сильная меланхолія.

«В день вечеринки я днем был у Бориса. У него в гостях был Горлов. Борис, как обыкновенно, лежал на постели и о чем-то разговаривал с Горловым. Пошли пообѣдать. Борис вернулся и, между прочим, рассказал мнѣ, что как-то со своим пріятелем был за городом. Борис, по его словам, обратился к этому своему пріятелю с вопросом, не хочет ли он получить удар камнем по головѣ. Когда пріятель сказал, что Борису его не ударить, Борис

поднял большой камень и занес его над головой товарища. Борис увѣрял меня, что он бы его ударил, если бы тот не отвернулся. Объяснял Грачев это каким-то импульсом и вдруг сказал, что у него опять такое же чувство и ему хочется кого-нибудь убить. Вслѣд затѣм он обратился ко мнѣ с вопросом: «хочешь, Игорь, я тебя убью?»

«Когда я ему отвѣтил: «попробуй» он вынул револьвер. Увидѣвъ, что Борис дѣйствительно может убить, я попросил его револьвер спрятать».

Затѣм Милованов подробно рассказал, как он с Грачевым по дорогѣ к Васильевой зашли к одному знакомому, гдѣ «наэфирились», а затѣм пили пиво в пивной.

Грачев, по словам Милованова, женщинами мало интересовался, считался среди товарищей гомосексуалистом, нюхал кокаин и эфир и пил вино.

Цѣлый ряд других свидѣтелей, допрошенных на предварительном и судебном слѣдствіи, отмѣчали в характерѣ Грачева склонность к зависти, болѣзненное самолюбіе, любовь к рисовкѣ и нѣкоторому снобизму.

Интересныя показанія, освѣщающія вопрос о соперничествѣ между Грачевым и Звонниковым, дала свидѣтельница Некрасова, знавшая обоих, когда они еще были учениками 4 класса гимназіи, в которой Некрасова состояла преподавательницей:

«В памяти моей всплывают худенькій, высокій Юра, задающій какой-нибудь остроумный вопрос и тонко отмѣнивающій мысль какого-нибудь произведенія... и дѣтская фигурка Грачева, небрежно слушающаго урок, быстрого, подвижнаго, мало устойчиваго, но всегда остроумнаго, никогда систематически не готовившаго урока и только в послѣдній момент перед зачетом подающаго краткую работу, но не глубокую и не прочувствованную». Далѣе Некрасова рассказывает эпизод с ролью Молчалина, гдѣ особенно выявилось соперничество между Грачевым и Звонниковым, оспаривавшими друг у друга эту роль.

Подруги Васильевой, выступавшія на судѣ как участницы вечеринки и непосредственныя свидѣтельница

убійства дружно стояли в своих показаніях на той точкѣ зрѣнія, что Грачев ни к Васильевой и ни к одной из них не проявлял особых признаков расположенія.

Свидѣтельницы эти, видимо потрясенныя трагической смертью Звонникова, относились в своих показаніях с нескрываемою враждебностью к Грачеву и почти в одних выраженіях объясняли убійство чувством зависти у Грачева к Звонникову.

Сам Грачев на вопросы суда, не было ли соперничества между ним и Звонниковым, отвѣчал:

«Вообще я никогда с ним ни в чем не соперничал.

«Я писал стихи, он художник. И я к его живописи не питал ничего, как и он к моим стихам».

Между прочим, несмотря на то, что и по показаніям свидѣтелей и по нѣскольکو «фатоватой» внѣшности Грачев производил впечатлѣніе бѣлоручки и прожигателя жизни, на судѣ была установлена наличность у него опредѣленных трудовых навыков. Так, живя у отца и учась в вузѣ, Грачев почти все время самостоятельно добывал себѣ средства к жизни и с 1916*) года, одновременно с учебой, служил секретарем правленія Ломоносовскаго института, то в губернской милиціи и. т. д. Одно лѣто работал в теченіи четырех мѣсяцев даже простым рабочим.

»

У Грачева при обыскѣ было найдено стихотвореніе, написанное через два дня послѣ убійства:

Странно...

Моя воля

Рвет жизнь.

Браунинг —

*) Здѣсь, повидимому, авторская ошибка. На стр. 44 сказано: Грачеву 19 лѣт. Суд происходил в 1924 году, и слѣдовательно, в 1916 году Грачеву было только 11 лѣт и служить секретарем и в милиціи он не мог.

Примѣчаніе издательства.

В упор выстрѣлъ,
Юра, Юра...
Тебя не стало.
Любит сталь
Кровь алую.
Тысячеруки
Титаном
Ты вышел в путь,
Сверкая
Талантом.
Мировым
Прогремѣл бы
Именем,
Но забыл об этом.
Юрій, город не знает жалости
Сердце — камень,
Цѣлуя, жалят губы.
Юрій, Юрій,
Под каждым храмом
Канализація и трубы...
Землю асфальтом, булыжником, торцем,
Пыль разѣдает глаза...
Не примкнуть к согрѣтой солнцем
Пахчей травѣ усталому...
В вѣчной бурѣ и лязгѣ
Не услышишь дыханія земли,
Не полюбишь свѣтло и радостно,
В просторѣ черная мглы.

Грачев так объяснил смысл этого стихотворенія: «Кривыми переулочками город изуродовал мою душу; она вся в изгибах темных; город засасывает. Юрій творил и, оставаясь сыном города, умѣл побѣдить душу города, приложив свою. Моя же душа, как слитая с душой города, болѣзненно реагирует на все. Юрій этого не понял, причинил моей душѣ, душѣ города, боль, и это — причина несчастія, убійства».

Стихотвореніе это, характерное по своей формѣ для творчества Грачева, не дает яснаго и логическаго отвѣта на все тот же основной вопрос — почему же произошло убійство и каков его дѣйствительный мотив.

Естественно, что отсутствіе ярко выраженнаго мотива убійства, при наличіи данных, свидѣтельствовавших о

странностях в характерѣ и поведеніи Грачева еще в стадіи предварительнаго слѣдствія, поставило перед слѣдователемъ вопросъ о необходимости тщательнаго изслѣдованія психики обвиняемаго. На эту же точку зрѣнія стал и суд, мобилизовавший для выясненія вопроса о вѣроятности Грачева лучшія психіатрическія силы Москвы.

Однако, едва ли имѣется в судебныхъ анналахъ процессъ, гдѣ обвиняемый прошелъ бы черезъ столь разнообразныя и многочисленныя этапы психіатрическаго изслѣдованія и вызвалъ бы столь противорѣчивыя сужденія мужей науки.

Первоначально, еще 27 марта 1924 года, в камерѣ старшаго слѣдователя московскаго губсуда Венгерова, Грачевъ былъ подвергнутъ освидѣтельствуванію врачомъ-психіатромъ Н. П. Бруханскимъ, который нашелъ:

«Грачевъ склоненъ къ разстройствамъ настроеній, къ нарастающимъ раздражительно-злымъ аффектамъ, требующимъ моторныхъ разрядовъ вовнѣ. Описаніе обвиняемымъ Грачевымъ своего состоянія в моментъ инкриминируемаго ему преступленія и в періодъ, предшествовавшій ему, чрезвычайно характерно для лицъ со склонностью къ нарастающей раздражительности, злымъ механизмамъ, требующимъ разряда вовнѣ, когда аффективность идетъ по пути короткаго замыканія и граничитъ с патологическимъ моментомъ.

«Кромѣ того, в моментъ совершенія преступленія онъ находился в состояніи алкогольнаго и эфирнаго опьяненія, что повышаетъ общую аффективность...»

«Считаю, что гр. Грачевъ является тяжелой психопатической личностью (эпилептоид) и совершилъ инкриминируемое ему преступленіе в состояніи патологическаго аффекта. Для окончательнаго рѣшенія вопроса считаю необходимымъ стаціонарное изученіе и наблюденіе Грачева в психіатрической лѣчебницѣ».

В виду такого заключенія д-ра Н. П. Бруханскаго Грачевъ былъ отправленъ для длительнаго испытанія в институтъ судебно-психіатрической экспертизы им. Сербскаго; послѣ полуторамѣсячнаго пребыванія в институтѣ онъ былъ подвергнутъ изслѣдованію, в результатъ котораго былъ составленъ слѣдующій актъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, 13 августа 1924 года, свидѣтельствовали в институтѣ судебно-психіатрической экспертизы заключеннаго Бориса Грачева 19 лѣт, при чем оказалось, что он является глубоким психопатом эпилептоиднаго типа с чертами, выражающимися в смѣнах настроенія, немотивированных приступах тоскливо-раздражительнаго состоянія, эгоцентризмѣ, моральной недостаточности, вязкости и напряженности аффектов нерсервирани. Условія среды и воспитанія усугубили и ярко выявили черты ярко врожденной психопатіи. Преступленіе вызвано взеимнодѣйствіем двух факторов: психопатических особенностей обвиняемаго и разлагающейся среды совершенно в состояніи болѣзненно измѣненнаго настроенія и сознанія, свойственных указанной патологической личности в средѣ без моральных задержек и цѣлевой установки. В виду изложеннаго слѣдует признать Грачева невмѣняемым в отношеніи к инкриминируемому ему преступленію. Как соціально опасный он подлежит принудительному лѣченію в общегражданской психіатрической больницѣ.

Ординатор 1-й гос. больницы *Неусыхин.*

Ординатор ин-та психіатр. экспертизы

Холзакова.

Старшій врач ин-та *Аменицкий.*

Врач-псих. моск. мѣст закл. *Залмансон.»*

Это заключеніе комиссіи было опротестовано предсѣдательствовавшим в ней врачом-психіатром Залмансоном и по его иниціативѣ была созвана новая комиссія для повторной экспертизы над Грачевым; в этой комиссіи участвовали: профессор Е. К. Краснушкин и врачи-психіатры Теріан и Залмансон.

В результатѣ обслѣдованія комиссія пришла к слѣдующему заключенію:

«Мы, нижеподписавшіеся, 25 августа 1924 года свидѣтельствовали в камерѣ старшаго слѣдователя заключеннаго Грачева Бориса, 19 лѣт, при чем оказалось, что он является при хорошо развитом интеллектѣ психопати-

ческой личностью шизоидного типа с чертами, с одной стороны, аффективной тупости особенно сказывающейся в отсутствіи контакта в переживаніях с окружающими, тупости соціальных чувств, а с другой — повышенной чувственности ко всѣму, касающемуся его собственнаго «я» (себялюбіе и эксцентризм), и в связи с этим — в склонности к примитивным аффектам (злобно-раздражительным настроеніям и вспышкам аффекта гнѣва).

«Психопатическій склад характера Грачева при благопріятствующем наслѣдственном предрасположеніи сложился, главным образом, вслѣдствіе вліянія разлагающейся соціальной среды, в которой он развивался и в послѣднее время жил. (Нетрудовой характер воспитанія и обстановки, растлѣвающая среда окружающей молодежи, в которой отсутствовали моральныя задержки и цѣлевая установка жизни при господствѣ лозунгов: «все испытать» и «все дозволено»). Преступленіе совершено им внѣ какого-либо патологическаго состоянія (не было патологическаго аффекта в виду отсутствія дефекта воспоминанія о совершенном) и по двоякаго рода мотивам: во-первых, стараго соперничества с убитым и, во-вторых, желанія привлечь к себѣ вниманіе из ряда вон выходящим поступком. Преступленіе по указанным мотивам и всей обстановкѣ характерно для окуржающей Грачева среды. На основаніи изложеннаго слѣдует признать его вообще вмѣняемым и, в частности, по отношенію к инкриминируемому преступленію.

«Врачи-психіатры моск мѣст заключенія:

Краснушкин, Залмансон
и врач-психіатр *Теріан.*»

Наличіе столь противорѣчивых мнѣній побудило суд вызвать к судебному засѣданію всѣх психіатров, обслѣдовавших Грачева, и дополнить состав экспертов проф. П. Б. Ганнушкиным.

Послѣ энергичнаго участія в судебном слѣдствіи и тщательнаго изслѣдованія Грачева, эксперты, совѣщавшіеся всѣ вмѣстѣ, представили суду слѣдующее заключеніе:

А К Т

«Мы, нижеподписавшіеся, 1924 года 10 октября, в заседании московскаго губернскаго суда, заслушав судебное слѣдствіе и ознакомившись с матеріалом предварительнаго слѣдствія, исторіей болѣзни — института имени Сербскаго, освидѣтельствовали здоровье обвиняемаго Грачева, при чем всѣ семь экспертов пришли к единогласному заключенію, что обвиняемый Грачев является психопатом и соціально опасным.

«Бруханскій, Теріан, Неусыхин, Холзакова, Залмансон, Ганнушкин, Краснушкин.»

«Эксперты — профессор Ганнушкин, доктор Бруханскій, Неусыхин, Холзаков — считают обвиняемаго Грачева психопатической личностью эпилептоиднаго типа, который характеризуется разстройством настроенія, крайней раздражительностью и моральными дефектами. Грачев является глубоким психопатом. Его психопатія находится в связи не только с тяжелой наслѣдственностью, но и соціальными факторами, как-то: воспитаніем, средой. В отношеніи инкриминируемаго преступленія эксперты считают, что оно совершено в состояніи болѣзненно-измѣненнаго сознанія, обусловленнаго обычным для этого типа психопатов разстройством настроенія и имѣвшим мѣсто алкогольным и эфирным опьяненіем. А потому считаем, что в отношеніи инкриминируемаго преступленія Грачев должен быть признан невмѣняемым и как соціально опасный подлежит принудительному лѣченію в психіатрической лѣчебницѣ.

«Бруханскій, Ганнушкин, Неусыхин, Холзакова.»

«Эксперты — доктор Теріан, доктор Краснушкин и доктор Залмансон — считают, что преступленіе вызвано как психопатическим складом личности обвиняемаго, так и, в особенности, уродливыми соціальными условіями его жизни. Степень болѣзненнаго **измѣненія** его личности как вообще, так и в момент преступленія не такова, чтобы исключить его вмѣняемость.

«Краснушкин, Теріан, Залмансон.»

Какое впечатлѣніе произвел на меня Грачев при непосредственных встрѣчах моих с ним в качествѣ защитника?..

Высокій юноша, с правильными чертами лица, холодным взглядом больших сѣрых глаз из-под элегантно сидящаго золотого пенсне... В первый раз я увидѣл его в так называемой криминологической клиникѣ в Арбатском домѣ заключенія... Грачев встрѣтил меня совершенно спокойно и даже нѣсколько холодно, на вопросы отвѣчал с подчеркнутой вѣжливостью, даже галантною, столь, казалось, несвойственной обстановкѣ, в которой произошла наша первая встрѣча..

Сразу обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Я вас очень прошу не возбуждать вопроса о моей невмѣняемости; я согласен сколько угодно просидѣть в тюрьмѣ, но только не в сумасшедшем домѣ. Эти врачи меня совсѣм замучили — колют, спрашивают, тормошат; кругом сумасшедшіе; жутко необычайно... Мнѣ порою начинает казаться, что я здѣсь и впрямь сойду с ума... Вот смотрите, что я написал моим врачам.

С этими словами Грачев подал мнѣ листик, на котором мелко исписанными строками было начертано слѣдующее:

Мою душу уложили вы
В формулы научных дисциплин;
Смотрит синими чернилами
Мертвая латынь.
Ровным голосом прочли
Нѣсколько страниц;
Шелестят за листом лист
Крылья бѣлых птиц.
Им хотѣлось оторваться
И умчаться далеко,
Чтоб ничьи чужіе пальцы
Не касались моей боли.
Эй, сумасшедшій,
Веревку мыль;
В стѣнѣ найдется крюк;
Вѣдь душа твоя только латынь —
Ряды синіе мертвых букв...

На осторожные мои вопросы, в чем же причина убийства, Грачев с подчеркнутой вѣжливостью отвѣчал:

— Увѣряю вас, что произошло именно так, как я показал у слѣдователя.. Я и сейчас не отдаю себѣ отчета... Все как-то сложилось само собой... Для меня это в сущности был — выстрѣлъ в темнотѣ.

— Ну, а как вы полагаете, если бы свѣтъ при голосованіи не был потушен, стрѣляли бы вы в Звонникова? — спросил я.

Грачев сдѣлал продолжительную паузу.

— Думаю, что нѣтъ, — тихо сказал он.

Когда я уже уходил из камеры, у самой двери меня догнал Грачев и вложил мнѣ в руки листок бумаги. На нем оказалось написанное рукой Грачева стихотвореніе, повидимому отражающее его настроеніе послѣ убійства.

ПОСЛѢ

Москва... Любимый город.
Сердце мира и старых снов.
Безумство татарских орд
Пробудил прозрачный наркоз.
Паркетныя плиты пола
Цѣлуют кровавыя пятна;
Скажи, скажи, каким воротом
Жизнь повернуть обратно.
Затравленным зайцем
Прижмешься к койкѣ;
Слышите стѣн, лай:
«Загоним, загоним».

*

В теченіи нѣскольких моих свиданій с Грачевым, оставаясь с ним с глазу на глаз, я пытался постичь тайну странной души его... Мы говорили на разныя темы; я вынес впечатлѣніе о неглупом, остроумном юношѣ, довольно начитанном, но главным образом в области легкой литературы и поэзіи... Было какое-то глубокое противорѣчіе между безконечной холодностью его глаз и обаятельно дѣтским смѣхом, которым он неожиданно заливался

иногда по самому пустому поводу... Непонятнѣ всего в нем было его отношеніе к убійству; он говорил о нем без малѣйшаго чувства разскаанія, таким безразличным тоном, как будто бы рѣчь шла о чем-то далеком, ему совершенно постороннем и даже мало интересном.

Но был один момент, глубоко меня потрясшій, послѣ котораго мысль о том, что Грачев болен, не покидала меня уже в теченіе всего процесса.

Наверху, в канцеляріи губсуда, я читал с приведенным под конвоем Грачевым его слѣдственное дѣло... Вдруг в комнату вошел старик — отец Звонникова, адвокат, рѣшившій сам выступить в качествѣ гражданскаго истца по дѣлу...

Звонников еще издали увидѣл Грачева. Вздрогнув, он остановился, лицо его перекосилось от возмущенія и горя...

Я взглянул на Грачева.

Звонникъ рѣзко повернулся и пошел к выходу.

Он смотрѣл на Звонникова и беззучно смѣялся.

Я возмущенно сказал Грачеву:

— Вы с ума сошли, как вам не стыдно, вы смѣтаетесь в глаза над отцом убитаго вами товарища.

Грачев посмотрѣл на меня немигающими, как будто недоумѣвающими, глазами и вдруг, широко улыбнувшись своей дѣтской улыбкой, сказал:

— Да знаете, уж очень это было забавно.

Я отшатнулся... Мнѣ казалось, что на меня повѣяло безуміем, и с этого момента сознаніе, что мой подзащитный не такой, как всѣ, что есть в нем что-то отличное от окружающих, скрытое и непонятное, нераздаганное психіатрами, не покидало меня.

На судѣ Грачев держал себя все с той же подчеркнутой вѣжливостью, давая все тѣ же ясныя и точныя, но ничего не объясняющія показанія.

Прокурор в своей рѣчи базировался цѣликом на той части экспертизы, которая мотив для преступленія Грачева видѣла, главным образом, в средѣ, окружавшей его.

Наркотики, спиртные напитки, половыя излишества,

фокстрот впотѣмах и фокстрот при свѣтѣ, отсутствіе всякаго интереса к общественной жизни, полная отчужденность от всего того, что волнует и увлекает передовую часть молодежи, создает почву, на которой вырастают натуры, подобныя Грачеву; у этих именно натур в жизни доминируют лозунги: «все испытать» и «все дозволено». Отсюда и мотивы к убійству — непомѣрное тщеславіе и зависть, непонятныя и чуждыя здоровому совѣтскому молодняку, но вполнѣ естественныя в этой разлагающейся средѣ. И явленіе это, по мнѣнію прокурора, не новое... В сущности оно представляет собою некое возрожденіе былых «огарков», возникших послѣ 1905 года., когда никчемная часть интеллигентской молодежи, не нашедшая себѣ мѣста в революціи, избыток своих сил направила на то, чтобы «все испытать».

В цѣлях общаго предупрежденія и в виду безспорной соціальной опасности Грачева, прокурор настаивал на суровой мѣрѣ соціальной защиты.

Защита не возражала против того положенія, что среда, к которой принадлежал Грачев, — среда соціально больная; в то же время защита рѣшительно оспаривала ту точку зрѣнія, что мотив преступленія Грачева надлежит искать почти исключительно в окружавшей его средѣ; анализируя данныя судебного слѣдствія и сопоставляя экспертизы, защита центрировала вниманіе суда на моментах психопатологическаго происхожденія убійства.

В послѣднем словѣ обвиняемый, расшаркавшись, поклонился суду и без всякой ироніи произнес:

— Я очень благодарю вас за человѣческое ко мнѣ отношеніе.

*

Приговор по этому дѣлу, излагая в исторической части его установленную судебным слѣдствіем картину убійства, отмѣчает:

«Из объясненій подсудимаго видно, что особых причин убить Звонникова у него не было, но из всѣх обсто-

ятесльств дѣла видно, что, идя на вечеринку, он зашел к товарищу, гдѣ нюхал эфир, а затѣм выпил немного пива. Взынтившись и видя общее вниманіе и успѣх Звонникова у участников вечеринки и считая его виновником своего неуспѣха, так как в дѣйствительности талантливая фигура Звонникова его совершенно затмила, Грачев, будучи самолюбив и под вліяніем выпитаго, рѣшил убрать Звонникова с дороги. Послѣ отклика Натальи Васильевны на его предложеніе показать фокус, Грачев приставил револьвер в упор к головѣ Звонникова и выстрѣлил.

«Актом судебно-медицинскаго изслѣдованія трупа убитаго оказалось, что пуля попала в правый висок и обнаружена под лѣвой скуловой частью.

«В процессѣ предварительнаго слѣдствія возникло сомнѣніе относительно психическаго состоянія здоровья Грачева. Актом психіатрической экспертизы установлено, что Грачев является психопатом и соціально-опасным.

«По вопросу о его вмѣняемости мнѣнія приглашенных семи экспертов-психіатров раздѣлились; часть, во главѣ с Ганнушкиным, Бруханским и др., признала его психически невмѣняемым и глубоким психопатом. Его психопатія, с их точки зрѣнія, находится в связи не только с тяжелой наслѣдственностью и соціальными фактами, как-то: воспитаніем, средой, но событіе преступленія произошло в момент болѣзненнаго измѣненія сознанія, обусловленнаго разстройством настроенія и имѣвшим мѣсто алкогольным и эфирным опьяненіем. Другая часть экспертов-психіатров, во главѣ с Краснушкиным, признала, что в момент совершенія преступленія он был вмѣняем.

«Исходя из данных обѣих экспертиз, суд находит, что и та и другая понимают состояніе обвиняемаго, как слабое из моментов наслѣдственности, соціальной среды, алкогольнаго и эфирнаго опьяненія.

«1) Суд учитывает соціальную среду, как момент, объясняющій мотивы даннаго преступленія, но отнюдь не исключаящій отвѣтственности.

«2) Состояніе отравленія эфиром и алкоголем в данном случаѣ ни одна из экспертиз не считала настолько глубоким, чтобы исключить вмѣняемость.

«3) Что же касается психопатичности личности, то таковое понятіе, как видно из обѣих экспертиз, не является душевным заболѣваніем и не понимается судом, как безотвѣтственность в уголовном порядкѣ, согласно ст. 17 УК, а понимается, как характеристика личности обвиняемаго, согласно ст. ст. 24, 25 УК, а посему в вопросѣ о вмѣняемости суд признал его вполне отвѣтственным за совершенное дѣяніе.

«На основаніи изложеннаго суд признал предъявленное обвиненіе Грачеву доказанным по ст. 142, п. «а» УК, как совершенное из низмѣнных побужденій — ненависти к превосходящей его личности Звонникова».

Губсуд приговорил Грачева к 8 годам лишенія свободы, со строгой изолюціей, с пораженіем в правах, сроком на три года по отбытіи наказанія.

УБИЙСТВО ИЛИ САМОУБИЙСТВО?

Этот роман полутеатральной богемы, силою трагического случая облеченный в форму уголовного дѣла в совѣтском судѣ, имѣл свой глубокий криминологическій и бытовой интерес.

Этим лишь можно было объяснить то исключительное вниманіе, которое было удѣлено этому дѣлу, разбиравшемуся в московском губернском судѣ, со стороны квалифицированной публики, судей, адвокатов и журналистов, в теченіи пяти дней напряженно слѣдивших за ходом процесса.

Убийство или самоубійство? Сама ли покончила с собою артистка Яблонская*) эксцентричная, неуравновѣшенная женщина, вся — продукт отживших капиталистических отношеній и связанной с ними утарной опереточно-ресторанной обстановки, или здѣсь дѣйствительно имѣло мѣсто исключительное по коварному замыслу, безмѣрно холодное по своей жестокости и обдуманности преступленіе.

И обвиняемый Батаев, молодой человек, 25 лѣтъ, в пенснѣ, невысокаго роста, с незначительными чертами лица типа людей, о которых принято говорить: «безцвѣтный блондин», — всѣм своим внѣшним видом, при самой пылкой фантазій, не давал основаній подозрѣвать, что перед судом — закоренѣлый преступник. Правда, вспыхивавшіе порой маленькіе колючіе глазки и неожиданно появлявшіеся в отвѣтах на вопросы суда и сторон

*) Фамиліи обвиняемаго, покойной артистки и свидѣтелей измѣнены. Дѣло слушалось в московском губернском судѣ 3, 4, 5, 6 и 7 апрѣля 1923 года, под предсѣдательством члена губсуда Анны Глузман. Общ. обвинителем выступал И. Г. Пинес, повѣренным гражд. истца М. В. Гринберг; защищали И. И. Тарховской и И. Д. Брауде.

1

стальные нотки в голосѣ вызывали мысль, что этот юноша значительнѣе и серьезнѣе, чѣм об этом можно было судить по его внѣшности.

Незаконченный юрист, актер, помощник режиссера и мелкій театральный администратор, — вот выявившійся на судѣ стаж его, не заключавшій в себѣ, однако, ничего ни авантюрнаго, ни рокового.

Но рано утром 14 января 1922 года этот молодой человек явился в 23-е отдѣленіе милиціи взволнованный и разстроенный. Он подошел к дежурному участковому надзирателю и, положив на стол фотографическія карточки и письма, прерывающимся от волненія голосом сказал:

«Сегодня ночью, когда я спал и, утомленный, ничего не слышал, жена моя, Александра Яблонская, покончила самоубійством, вскрыв себѣ вены на рукѣ».

В одном из писем, которыя Батаев представил милиціи, было женским почерком написано слѣдующее:

«Мой любимый, я умираю, и ты послѣдній, котораго я люблю, и потому люблю всѣх больше и всѣх сильнѣе. Я умираю потому, что не могу жить без твоих нѣжных ласкъ, которых я никогда не знала, но которых так жаждала и о которых мечтала. Мое сердце было полно красных роз страсти, а душа была полна бѣлых лилій чистоты моих чувств. Я прошу тебя в послѣдній раз нашего земного соприкосновенія укрась мой гроб этими цвѣтами, эмблемой моих чувств.

«Я умираю с наслажденіем и с радостью, потому что унесу мой идеал любви с собою в тот мир, гдѣ он увянет. Мнѣ не было мѣста в этом мирѣ, я казалась в нем странной и ненормальной даже тебѣ, мой возлюбленный, потому что всегда стремилась к мечтѣ, прекрасной как сон и непонятной окружающим меня. Шура».

На письмѣ этом был указан слѣдующій адрес: «Моему милому, что был дороже мнѣ всего на свѣтѣ, Борису».

Другое письмо, написанное чернилами на листъ линованной бумаги, было такого содержанія:

«Мой милый Борис. Когда ты проснешься и увидишь меня мертвой, не пугайся и не бойся меня, потому что, если мы теряем сознание послѣ смерти и наши души живут, то попрежнему, как при жизни, я тебя буду любить, а потому одного только добра и счастья буду желать тебѣ.

«Если встрѣча с тобой была для меня роковой, то и любовь и наслажденіе были такими же, а поэтому особенно остро незабываемыми никогда и нигдѣ.

«Прошу тебя, поцѣлуй меня крѣпко в губы. На них осталась жажда томительная и жгучая прикосновенія твоих губ, ибо ты так рѣдко дарил меня поцѣлуями и ласками, от чего я страдала так сильно. Шура».

На одной фотографической карточкѣ была такая надпись:

«Если возможно из того міра, куда я ухожу, слѣдить за твоей жизнью, я бы хотѣла только знать, будет ли любить тебя кто-нибудь крѣпче, чѣм я. Шура. 1-го января 1922 г.».

На другой значилось слѣдующее:

«Когда поймешь, что жизнь не для тебя, удар за ударом убѣдят тебя в этом, то умри так же смѣло, как умерла я, ибо в этом есть красота. Шура. 1-го января 1922 г.».

Вслѣдствіе сдѣланнаго Батаевым заявленія, участковый надзиратель Иванов и агент МУР'а Линке совместно с Батаевым отправились на мѣсто происшествія на квартиру Яблонской.

Дверь комнаты, в которой проживала Яблонская, была заперта на ключ; ключ находился в карманѣ у Батаева. Милиція вошла в комнату. На диванѣ, на правом

боку лежал труп женщины еще не старой, красивой наружности. На ней был шелковый пеньюар, бѣлые чулки и бѣлыя туфли. Лежала она лѣвой стороною тѣла к стѣнѣ; правая рука была вытянута, вены на ней были в двух мѣстах разрѣзаны; лѣвая рука была в согнутом положеніи; на шеѣ замотано полотенце, при чем между узлом, в который были завязаны концы этого полотенца, и подбородком было значительное разстояніе.

Рядом с диваном стоял бѣлый кувшин и металлическая кастрюля, наполненная кровью; на полу валялись окровавленный маникюрный инструмент и отломанное от ручки лѣзвіе маленькаго перочиннаго ножа. Голова трупа Яблонской лежала на подушкѣ, поркытой слѣдами крови.

При поверхностном осмотрѣ трупа обнаружено слѣдующее: труп женщины средняго роста, хорошаго тѣлосложенія и питанія; губы полуоткрыты и искривлены в правую сторону; ушные и носовыя отверстія чисты; на шеѣ на 1½ см. вправо от адамова яблока замѣтны ссадины и полоса свѣтло-фіолетоваго цвѣта; в области живота — свѣтло-фіолетовыя трупныя пятна и полудуговая вдавленность, совпадающая с половыми органами; на правом бедрѣ выдѣляются трупныя пятна свѣтло-фіолетоваго цвѣта, на нижней трети бедра полосы от завязок; на лѣвой колѣнкѣ есть давленіе.

Приглашенный милиціей судебный врач послѣ осмотра трупа дал заключеніе, что, судя по данным осмотра, а также оставленным покойной письмам, надлежит предположить, что Яблонская собственной рукой перерѣзала себѣ лучевыя артеріи и вены с цѣлью самоубійства.

Допрошенный вкратцѣ Батаев показал, что жена его, с которой он сожительствоет около трех мѣсяцев, страдала тяжелым нервным заболѣваніем, но отказывалась лѣчиться, несмотря на всѣ его предложенія. Еще наканунѣ утром она передала ему письмо, в котором писала, что рѣшила умереть, так как убѣдилась, что он ее не любит. Он посмотрѣлъ на это письмо, как на обычное

проявление ея истеричности, и предложил ей прекратить подобныя глупости.

Послѣдній вечер он хотѣлъ встрѣтить Новый год в семьѣ родителей, но жена упросила его, чтобы он этот вечер, вечер под Новый год, провел с нею. В 11 часов вечера он пріѣхал к ней и нашел ее нѣсколько возбужденной. Она была одѣта для встрѣчи Нового года, как на бал, была оживлена и ласкова. Когда ушли родные, встрѣчавшіе вмѣстѣ с ними Новый год, он лег спать один, так как жена сказала, что сегодня для нея торжественный день, а потому она хочет остаться чистою и ляжет в постель только тогда, когда он уснет.

Заснул он очень крѣпко, так как всю предыдущую ночь был в гостях и не спал. Проснувшись утром, в начале 10-го часа, неожиданно увидѣлъ, что на диванѣ лежит жена, уткнувшись лицом в подушку, на правой рукѣ ее кровь и на шеѣ слабо стянутое полотенце. Подбѣжав к ней, он быстро развязал полотенце и увидѣлъ, что она уже мертва; взял ее за лѣвую ногу и, приподняв на диванѣ, выпрямил. Затѣм взял письмо и фотографическія карточки с надписями, лежавшія на столѣ, наскоро одѣлся и, покрыв труп шалью, пошел заявить о случившемся в 23-е отдѣленіе милиціи.

Несмотря на то, что впослѣдствіи на предварительном и судебном слѣдствіи участковый надзиратель Иванов утверждал, что обстановка, в которой труп был обнаружен, сразу заронила в нем подозрѣніе о насильственной смерти, правдоподобность показаній Батаева и, главным образом, письма и надписи на карточках покойной не давали формальных основаній к прямым подозрѣніям против Батаева.

Милиція собиралась уже уходить, как в комнату неожиданно вбѣжала сосѣдка Яблонской по квартирѣ Полина Львова. Взволнованная, она обратилась к милиціи с криком:

«Не вѣрьте ему, он ее сам уморил; в час ночи я и мой муж слышали из ея комнаты необыкновенно сильные

стоны и выкрикиванія; я подходила к самой двери ее и снова слышала стоны, а потом все стало тихо».

Затѣм Лъвова разсказала милиціи, что отношенія между супругами были, с ея точки зрѣнія, очень странныя и между ними происходили постоянныя скандалы на матеріальной почвѣ.

Вызванный вслѣд за Полиной Лъовой ея муж подтвердил, что и он также слышал стоны и выкрики из комнаты Яблонской.

В виду возникавших таким образом подозрѣній о насильственной смерти Яблонской, дѣлу был дан соотвѣтствующій законный ход, вылившійся в чрезвычайно подробное и длительное обслѣдованіе всѣх обстоятельств, предшествовавших смерти Яблонской.

По мѣрѣ разслѣдованія стали выявляться все новые и новые факты, усилившіе подозрѣніе слѣдственной власти в виновности Батаева если не в прямом убійствѣ, то в сознательном оставленіи без помощи своей умирающей жены.

Одним из серьезных уличающих моментов обвинительная власть считала то обстоятельство, что перерѣзы вен у Яблонской были на правой рукѣ, а не на лѣвой, тогда как было твердо установлено, что Яблонская лѣвшой не была.

Казалось странным также, что Батаев, обнаружив рано утром смерть своей жены, не нашел нужным сообщить об этом никому в квартирѣ и даже проживавшему в сосѣдней комнатѣ родному брату Яблонской, Павлову, а сразу, захватив всѣ подтверждающіе самоубійство матеріалы, побѣжал в милицію.

Невѣроятным представлялся слѣдственной власти также факт свободного разгибанія ног у трупа Яблонской послѣ исеченія не менѣе 8—9 часов с момента смерти.

Недовѣріе вызвало и заявленіе Батаева о том, что он ничего не слышал и не видѣл, между тѣм как спал рядом в небольшой комнатѣ на разстояніи 2 аршин от Яблонской с ночи и до 10 часов утра.

Был опрошен цѣлый ряд родственников и знакомых

покойной Яблонской, и слѣдствіем дѣйствительно было установлено, что между супругами в послѣднее время были постоянныя ссоры на почвѣ денежных расчетов.

В квартирѣ Батаева и Яблонской был произведен обыск. В комнатѣ Батаева был обнаружен мѣшочек с золотыми монетами, как в послѣдствіи выяснилось, принадлежавшими Яблонской, а в комнатѣ послѣдней, среди различных писем, были найдены дневник ее и слѣдующіе документы:

Договор написанный рукою Батаева такого содержания:

«Мы, нижеподписавшіеся, граждане города Москвы, Батаев с одной стороны, и Яблонская, с другой стороны, заключили между собой настоящій договор в том, что Батаев обязуется жениться на гр. Яблонской на слѣдующих условіях:

«1. В теченіе недѣли от 5 февраля по 12 февраля должен быть заключен брачный договор в комиссариатѣ. —

«2. Вѣнчаніе должно произойти в первых числах февраля 1922 года.

«3. Гражданка Яблонская предоставляет гр. Батаеву полную свободу во всѣх его дѣйствіях, как служебных, так и касающихся личной стороны его жизни.

«Примѣчаніе 1. Никаких сцен и ссор в жизни гр. Яблонской и Батаева быть не должно.

«Примѣчаніе 2. Возможны единичныя измѣны как с той, как и с другой стороны, которыя, конечно, не могут являться причиной к разводу.

«4. Гражданин Батаев гарантирует гражданкѣ Яблонской совмѣстную жизнь до тѣх пор, пока гр. Яблонская сама не захочет развода.

«5. В случаѣ развода гр. Батаев обѣщает уплатить $\frac{1}{8}$ всего наличнаго свсего состоянія гр. Яблонской при точном учетѣ совмѣстно с нею всего состоянія.

«6. В случаѣ нарушенія хотя бы одного пункта настоящаго договора, весь договор должен быть расторгнут, но обязательно при соблюденіи п. 5.»

«Подписи: Батаев и Яблонская.

Свидѣтели...»

Затѣм была найдена слѣдующая надпись рукой Яблонской такого содержанія:

«Мы, нижеподписавшіеся, Яблонская и Батаев, заключили между собою слѣдующія условія:

«1. Я, Яблонская, отдаю гр. Батаеву в день заключенія нашего брака 125.000.000 рублей.*)

«2. Расходы по бракосочетанію и стоимость первых 3-х мѣсяцев жизни послѣ вступленія в брак принимаю на себя я, Яблонская.

«3. В случаѣ расторженія брака по желанію Яблонской, я, Батаев, обязуюсь возвратить Яблонской, моей женѣ, половину взятой мною у нея суммы, исчисляя размѣр таковой в момент возврата соотвѣтственно курсу денежнаго знака в переводѣ на золотую валюту в момент заключенія брачнаго договора, т.-е., опредѣлив, какому количеству золотых рублей эквивалента взятая мною у Яблонской вышеозначенная сумма.

«4. В случаѣ расторженія брака по моему желанію, я, Батаев, обязуюсь возвратить всю сумму цѣликом в порядкѣ, изложенном в п. 3 сего условія.

«5. Издержки по нашей совмѣстной жизни по истеченіи 3-х мѣсяцев послѣ вступленія нашего в брак лежат на мнѣ, Батаевѣ.

«6. В случаѣ, если временно я не буду проживать совмѣстно с моей женой, Яблонской, в за-

*) Всѣ цифры в дензнаках 1922 г.

мужествѣ Батаевой, без того, чтобы наш брак считался расторгнутым, расходы на ее жизнь я принимаю на себя.

Батаев.

Свидѣтели...»

«Соотвѣтственно сему договору получил от Яблонской Батаевой 125.000.000 рублей».

Кромѣ того, в комнатѣ Яблонской была найдена расписка, написанная рукою Батаева, нислѣдующаго содержания:

«Получены от Яблонской 4 млн. рубл. в счет пая на организацію театра».

Свидѣтельскими показаніями было установлено, что вскорѣ послѣ замужества Яблонской с Батаевым, в концѣ 1921 г., он продал один из двух бывших у нея крупных, по 9 каратов, брилліантов и получил за него 138 млн. рубл. совѣтскими дензнаками, взяв из них на 48 млн. руб. золотыми монетами. Эти 138 млн. руб., а также оставшійся у Яблонской нереализованным брилліант и были главнѣйшей причиной постоянных ссор между Батаевым и Яблонской.

Среди свидѣтелей, характеризовавших взаимоотношенія между Батаевым и Яблонской, особенно подробныя объясненія дал некто Зубов, уже пожилой человек, когда-то очень богатый, и до появленія Батаева состоявшій у Яблонской на положеніи не то мужа, не то «старого друга», как она называет его в своем дневникѣ.

Сам Зубов на судѣ утверждал, что он был ее мужем, и жизнь их была основана на взаимном довѣріи; к его несчастью, он опредѣлил ее в музыкальную драму, гдѣ она и познакомилась с Батаевым. Зубов и на слѣдствіи и на судѣ, между прочим, показал:

«Яблонская неоднократно мнѣ говорила, что Батаев ее, видимо, надул, что он ее не любит, и она не знает, каким образом вернуть от него хотя бы часть денег и разойтись с ним. Также Яблонская мнѣ рассказала, что Батаев как-то ночью душил ее из-за денежных расчетов.

Я ей совѣтовал уйти от него. Какія были цѣнности у Яблонской, я не знаю, но перед тѣм, как она выходила замуж за Батаева, она мнѣ говорила, что собирается выйти замуж, но Батаев не соглашается на ней жениться без денег, и поэтому она хочет продать один цѣнный камень».

Далѣе свидѣтель Зубов рассказал, что, по словам Яблонской, за камень она получила часть совѣтскими дензнаками, а часть золотыми монетами. Приблизительно за недѣлю до смерти она показывала ему деньги и в его присутствіи подсчитывала их. Совѣтскими дензнаками было 78 млн. руб., из которых, по ея словам, 50 млн. руб. она собиралась истратить на котиковое манто. Золотые деньги находились в отдѣльном мѣшочкѣ, и какое количество их было, свидѣтель не помнит.

О меркантильном характерѣ отношеній Батаева и Яблонской говорит и свидѣтельница, подруга покойной, Марина Шлиппе. По ея словам, «Яблонская по натурѣ была человѣком крайне религіозным и в то же время скупой. Бывали случаи, когда она отказывала себѣ в обѣдѣ лишь бы не продавать цѣнности».

О началѣ сближенія между Батаевым и Яблонской свидѣтельница рассказывает:

«Приблизительно за 2—3 мѣсяца до смерти Яблонской, она мнѣ повѣдала, что увлеклась нѣким Батаевым, котораго я раньше не знала. Она меня с ним познакомила, и вскорѣ я узнала, что она с ним сошлась. Приблизительно в ноябрѣ Яблонская мнѣ рассказывала со слов Батаева, что у него есть молодая невѣста, у каковой к тому же есть деньги. Она, то-есть, Яблонская, спросила его: что, если бы у нее оказались деньги, то согласился бы он на ней жениться и нравится ли она ему. Он будто бы отвѣтил, что готов был бы на ней жениться, так как она ему нравится. Тогда она ему показала свои камни, и он был крайне поражен, так как до этого она часто занимала у него деньги маленькими суммами. Они сговорились и стали женихом и невѣстой... Впослѣдствіи при мнѣ был инцидент, когда он хотѣл получить у нее

всѣ ея деньги, она же не давала. Тогда он выпросил у нее 15 млн. якобы в видѣ задатка на театр... Когда она дала ему большую сумму денег, я не знаю, но знаю, что она обѣщала уничтожить договор в день церковнаго брака».

Родственник Яблонской, Вѣтров, свидѣтельствует о чрезмѣрной, по его мнѣнію, имущественной заинтересованности Батаева, выразившейся, якобы, в стремленіи Батаева завладѣть деньгами и имуществом Яблонской даже послѣ ея смерти.

Свидѣтель Вѣтров, равно как и свидѣтель Зубов, утверждали, что Батаев сумѣл внушить Яблонской убѣжденіе в том, что он очень дѣльный человѣкъ и в самый короткій срок сумѣет извлечь огромный доход из реализованных ею цѣнностей. Яблонская не раз говорила им, что Батаев рисовал перед нею блестящія перспективы, говорил, что он устроится пайщиком в кино «Ампир» (что у Арбатских Ворот), снимет на святки Охотничій клуб, гдѣ Яблонская будет играть первыя роли, войдет пайщиком в кино «Труд» и т. д. Несмотря на то, что Вѣтров, а также и другіе родственники покойной не совѣтовали ей выходить замуж за Батаева, т. к., видно было по всему, что он женится на ней исключительно из-за денег, она этому вѣрить не хотѣла. Впослѣдствіи она жаловалась им на то, что Батаев ее надулъ, что всѣ его коммерческіе планы являются мыльными пузырями, и она поняла, что Батаев ее не любит. Убѣдившись в послѣднем, она хотѣла разойтись с Батаевым и требовала возвращенія ей хотя бы 20 млн. рублей из взятых у нея сумм.

Поведеніе Батаева послѣ смерти Яблонской представляется свидѣтелю Вѣтрову странным и подозрительным. Послѣ того, как арестованный сначала Батаев был вскорѣ отпущен на поруки, он снова пришел на квартиру с какими-то мужчиной и женщиной и заявил, что вздорное обвиненіе против него снято и он сможет теперь похоронить жену гдѣ и как захочет. Между прочим он говорил, что похороны устроит шикарные, осыпет ее цвѣ-

тами и похоронит ее «невѣстой», как она этого хотѣла.

«Я, — говорит свидѣтель, — возражал против устройства богатых похорон, ссылаясь на то, что послѣ Яблонской остались братья и сестры совершенно без средств к жизни. На это Батаев отвѣчал, что он муж Яблонской и его право распоряжаться ея средствами, как ему угодно; что же касается родственников Яблонской, то он сам о них позаботится. На этой почвѣ у нас произошла ссора, послѣ которой я попросил Батаева оставить мою квартиру.»

«За день до похорон, — рассказал далѣе свидѣтель Вѣтров, — Батаев снова пришел на квартиру. В этот раз уже он не претендовал на устройство шикарных похорон и просил не ссориться, а разойтись по-хорошему, говоря, что ничего из имущества Яблонской ему не нужно.

«Между прочим я спросил Батаева, куда же дѣлись ея цѣнности, в особенности индійскій бриллиант, который, как нам было извѣстно, должен был оставаться у Яблонской и который при обыскѣ не был обнаружен. На это Батаев отвѣтил мнѣ, что если бы он мог зайти в комнату Яблонской (комната была опечатана), то он нашел бы там эти цѣнности».

По словам свидѣтеля Вѣтрова, он понял Батаева так, что утром, обнаружив труп трагически погибшей жены, Батаев до ухода в милицію успѣл не только припрятать всѣ находившіеся на виду цѣнности, но еще и обыскать труп.

Впослѣдствіи на судѣ обвинитель тов. Пинес этому моменту придавал значеніе исключительной улики, как подтверждавшей эгоизм и холодный расчет в дѣйствіях Батаева.

Свидѣтель Шевтель, портной, который шил Яблонской котиковое манто, рассказывает, что послѣ смерти Яблонской у него осталось ее старое пальто. По истеченіи приблизительно 2-х недѣль уже послѣ смерти Яблонской, к нему пріѣхал Батаев и требовал это оставленное Яблонской пальто, на что жена свидѣтеля сообщила ему, что пальто у него взял брат покойной, пріѣзжавшій к нему

с Зубовым. Батаев на это возразил, что лично против свидѣтеля он ничего не имѣет, но с Зубовым разсчитается, так как он не имѣл права получать пальто.

Спустя, приблизительно, мѣсяц, свидѣтель встрѣтил случайно Батаева на Трубной площади, при чем Батаев сказал ему, что он получит пальто, принадлежащее ему, Батаеву, по праву, и разсчитается с Зубовым.

Свидѣтель Петров показал, что 12 января он зашел к Батаеву на квартиру и обратил вниманіе, что на столѣ у него лежали золотой портсигар, золотыя часы и нѣсколько золотых монет. Петров поинтересовался, откуда у Батаева эти вещи. Батаев отвѣтил, что он выиграл крупную сумму в карты и приобрѣл всѣ эти вещи. Затѣм Батаев разсказал ему, что он женился, и показал договор. Вечером Батаев пригласил Петрова на квартиру Яблонской. В этот вечер у Яблонской происходила пирушка, на которой присутствовала подруга Яблонской Шлиппе. Утром 13 января Батаев и Петров пошли в кафе «Арс» пить кофе, и там Батаев показывал Петрову письмо Яблонской о том, что она кончает жизнь самоубійством. Петров по поводу этого письма сказал Батаеву, что, по его мнѣнію, Яблонская — женщина больная и ее нужно лѣчить.

Между прочим, как сам Петров, со слов Батаева, так и Шлиппе и другіе свидѣтели показали, что истеричная Яблонская приходила в нервное возбужденіе от каждой житейской непріятности или неурядицы; она часто угрожала окружающим самоубійством, писала письма с угрозами покончить с собою, но в исполненіе своих угроз обычно не приводила.

В этом смыслѣ большой интерес представляет показаніе близкой подруги Яблонской, Гилеевой, учившейся с ней в юности в гимназій, и переписывавшейся с ней до послѣднего времени.

«Числа 11 января по ст. стилю я получила от Яблонской письмо, в котором она сообщила, что заключила гражданскій брак с каким-то Батаевым и намѣрена обвѣнчаться с ним и церковным браком послѣ Крещенія

по старому стилю. В этом же письмѣ она усиленно звала меня в Москву на свадьбу, говоря, что ей надо посоветоваться со мной, прежде чѣм выйти замуж за Батаева, так как она ему не довѣряет, хотя и любит его. Он был моложе ее на нѣсколько лѣт.

«14 января я отправилась в Москву по зову Яблонской. Прибыв во вторник в Москву, не застала Яблонской в живых..

«С своей стороны должна сказать, что у меня являются сомнѣнія, могла ли Яблонская сама лишиться себя жизни. Она была женщина экспансивная, сумасбродная и за последнее время, как я узнала от ее родных, стала кокаинисткой.

«Однако, мнѣ извѣстно, что Яблонская любила жизнь и жадно цѣплялась за нее. По рассказам Яблонской, в ее жизни был уже такой случай, когда она, желая испугать любимого человѣка, пыталась отравиться, но была спасена. Это было лѣт 11 тому назад, и потому подробностей этого случая я не помню.

«Пока я ѣздила в Москву, без меня в Вяткѣ получили письмо от Яблонской на мое имя. Она в этом письмѣ умоляла меня пріѣхать, так как хочет покончить с собой».

Тягчайшей уликой в глазах слѣдствія и обвинительной власти было слѣдующее обстоятельство.

Свидѣтель Свитальскій показал:

«Батаева я знаю с 1921 года. Он был у меня администратором спектаклей в клубѣ МКХ.*) Встрѣчались мы с ним также и в столовой Чибисовой, гдѣ обѣдала преимущественно артистическая молодежь. Бесѣдуя со мной и дѣлаясь со мною своими переживаниями, Батаев повѣдал мнѣ однажды, что он собирается жениться на одной студійкѣ. Через нѣкоторое время послѣ этого он показал мнѣ штук 5—6 фотографических карточек — открыток женской головки. Когда я спросил его, кто эта женщина, он отвѣтил: «Моя невѣста». «Как, — возразил я

*) Московскаго коммунальнаго хозяйства.

тогда, — вѣдь вы любите студійку». «Да, — сказал он, — но это ничего не значит; я вступаю в брак не по любви; то есть, я женюсь на 600 млн. руб., а там дальше видно будет».

«Прошло много времени, Батаев не был уже администратором в моем театрѣ. Однажды, встрѣтившись со мною, он отвел меня в сторону и сказал:

«— Виктор Иванович, не можете ли вы мнѣ достать сильнаго яду грамм 5—10. Мнѣ нужно отравить мою любимую собаку, она больна, мучается, и я хочу отравить ее сам.

«На это я отвѣтил ему пронически:

«— Зачѣм вам это дѣлать; вѣдь у вас есть сейчас деньги; заплатите ветеринару, и он вам выполнит всю эту работу законным путем, ибо имѣйте в виду, что это преслѣдуется законом.

«Разговор наш был прерван приходом в контору нѣскольких лиц, в числѣ которых был один военный врач, к которому Батаев и обратился с тою же просьбой дать ему яд. Врач дал ему при мнѣ какой-то порошок, а другой обѣщал принести позднѣе.»

По этому же самому моменту дал показанія и театральный врач Гамбург:

«Батаев нѣсколько раз обращался ко мнѣ с просьбой выписать ему рецепт на стрихнин. На мой вопрос, для какой цѣли ему нужен этот яд, Батаев говорил, что у него имѣется старая, очень больная собака, которая мучается, и ему необходимо ее отравить. Эту просьбу Батаев нѣсколько раз повторял в присутствіи служащих канцеляріи театра, говорил об этом громко и не стѣсняясь. Я яда для собаки не выписал и сказал ему, что лично я не мог бы отравить даже и такой собаки. Просьба эта была обращена ко мнѣ приблизительно в декабрѣ 1921 г. и затѣм просьбы эти неоднократно повторялись и были очень настойчивы, но я ему все же рецепта не дал».

Большим матеріалом для обвиненія явилось показаніе брата покойной Яблонской, Дмитрія Павлова, по-

слѣдним, кромѣ Батаева, видѣвшаго ее в вечер наканунѣ смерти:

«Так как в этот вечер был канун Нового года, по ст. ст., то во время ужина у нас завязался разговор на святочные темы. Потом сестра стала рассказывать о своей заграничной жизни, а я — о жизни фронта. Во время разговора сестра кашлянула, и я шутя сказал ей, что она уже становится старухой. На это она мнѣ отвѣтила, что она до того времени не доживет, и у нас начались разговоры на тему о смерти: я рассказывал, как умирают на фронтѣ, а сестра — как умирали древніе римляне. Я предложил сестрѣ шутя веревку повѣситься, она сказала, что не согласна умирать такой смертью и хотѣла бы умереть, как умирают римляне. Затѣм она взяла с меня слово, что я пойду с ней на слѣдующій день в Яузскую больницу навѣстить нашего младшаго брата Александра, при чем говорила, что одна итти в больницу боится, так как на ней новое манто и его могут украсть, если она раздѣнется в приѣмной. В первом часу ночи пришел Батаев, и я ушел в свою комнату, брат же мой ушел еще раньше...

«Через нѣсколько времени я снова зашел к сестрѣ в комнату и увидѣл, что сестра сидит за письменным столом, в правой рукѣ у нея фотографическая карточка, та самая, которая мнѣ была предъявлена, а на столѣ лежат еще фотографическія карточки. Я попросил у нее папиросу, и она велѣла взять ее в шкафу и дать также ей одну. В это время вошел Батаев и сѣл в кресло возлѣ печки. Когда я вышел, Батаев поднялся и запер на ключ дверь комнаты. Я пошел к себѣ в комнату и сразу же лег спать. Утром около 10 часов я услышал, как Батаев отпер дверь в комнатѣ сестры, вышел, запер ее и ушел через черную дверь на кухнѣ.

«О смерти сестры я узнал только на слѣдующій день, придя домой со службы».

Другой брат Яблонской, Георгій Павлов, рассказал подробности о моментѣ, когда Яблонской принесли котиновое манто.

«Сидѣвшая до этого нѣсколько грустная Яблонская, принимая и примѣряя манто, воскликнула: «Ну вот, как я счастлива, мнѣ больше ничего в жизни не надо. Котиковое манто — это моя мечта».

В виду всѣх этих добытых слѣдствіем данных, обвиненіе Батаеву было формулировано слѣдующим образом:

«Воспользовавшись удачно сложившейся обстановкой, в ночь на 14 января 1922 года, когда Яблонская, прибѣгнув к своему излюбленному способу симулированія самоубійства, написала прощальное письмо и сдѣлала соотвѣтствующія надписи на фотографических карточках, гражданин Батаев сдѣлал то, на что нехватало ни силы воли, ни желанія у самой Яблонской, а именно: перерѣзал вѣны на ея рукѣ, предварительно приняв мѣры к тому, чтобы не были слышны сосѣдами ея стоны и крики, для чего стянул ей шею полотенцем, обнаруженным при осмотрѣ трупа Яблонской, — вслѣдствіе чего гражданин Батаев, 25 лѣт, обвиняется в том, что, заключив в концѣ декабря 1921 года с артисткой Яблонской, 34 лѣт, брачный договор исключительно с намѣреніем воспользоваться ея денежными средствами и цѣнностями и получив в свое полное распоряженіе вскорѣ послѣ вступленія в брак значительную долю ея состоянія, он задался мыслью избавиться от Яблонской, надѣждавшейся ему ссорами из-за денежных расчетов и угрозами покончить жизнь самоубійством, и воспользоваться остатками ея имущества, для чего в ночь с 13 на 14 января 1922 года рѣшил использовать для осуществленія своего преступнаго намѣренія созданную Яблонской в своей комнатѣ обстановку, вполне благоприятную для симулированія самоубійства, перерѣзал лѣвую артерію праваго предплечья Яблонской, от чего послѣдовала смерть Яблонской, т. е. в преступленіи, предусмотрѣнном п. п. А и Д 142-ой статьи Уголовнаго Кодекса».

*

Как развернулось на судѣ это любопытное дѣло?
Перекрестный допрос судей, прокурора, повѣреннаго

гражданскаго истца и двух защитников развернул дѣло значительно шире, нежели оно представлялось на предварительном слѣдствіи. Многіе моменты, казавшіеся темными и неясными на слѣдствіи, получили объясненіе послѣ обстоятельных показаній самого Батаева и экспертизы проф. Минакова. В то же время нѣкоторыя необъяснимыя дѣйствія Яблонской сдѣлались понятными и логически послѣдовательными лишь в свѣтѣ ея личности, отразившейся в подробно разобранном на судѣ ея дневникѣ.

Батаев еще в стадіи предварительнаго слѣдствія подал на имя слѣдователя любопытное заявленіе, в котором объясняет характер его взаимоотношеній с Яблонской и пытается пролить свѣтъ на нѣкоторые темные моменты в его дѣлѣ:

«Уважаемый гр. слѣдователь. Строго продумав в теченіе почти двухмѣсячнаго заключенія все происшедшее, прошу присовокупить к моему дѣлу это мое подробное показаніе, освѣщающее стороны дѣла.

«1. Наши взаимоотношенія.

«Моя жена — актриса, живущая аффектированной жизнью, гдѣ игра и жизнь так тѣсно переплетаются, что границы становятся незамѣтными. Вѣдь мы на сценѣ чуть ли не ежевечерне умираем, или дѣлаем попытку к самоубійству, или угрожаем, что покончим с собою. Мы к этому так привыкли, что нас этим не удивишь. Жена была актрисой всѣми фибрами души. Она жила сценой, она переносила ее в дом. Должен сказать, что одной из причин нашего духовнаго расхожденія и было то, что жена и дома была актрисой, а мнѣ хотѣлось отдохнуть в обстановкѣ реальной, неаффектированной жизни. Я искалъ житейской правды, а находил сценическую красоту.

«2. Любил ли я или не любил свою жену?

«Я к ней относился хорошо, предупредительно, внимательно, но она утомляла до изнеможенія мою нервную систему. Эти вѣчные разговоры о самоубійствѣ, этот

экзальтированный культ смерти, навѣянный театрално-сценической полуйскренностью, меня настолько утомляли, что я впадал в полную апатію и безразличіе.

«З. Отчего жена хотѣла умереть?»

«Я не психолог, чтобы проникнуть в тайники души жены-артистки с возбужденным воображеніем, воспитанной в условіях сценической дѣятельности. Трудно будет и вряд ли вообще возможно сдѣлать это и вам.

«Во всяком случаѣ, жена была на 5 лѣтъ старше меня, и это играло роль не в моих, а в ея глазах, и в письмах, оставленных ею перед смертью, есть фраза, свидѣтельствующая, что в цѣпи мыслей, наполнявших голову этой женщины, замѣтную роль играла мысль, столь тяжелая для многих женщин, а в особенности для актрисы, — мысль о приближающемся увяданіи.

«Примѣшивалось ли к этому также и чувство ревности? Жена знала, что у меня была давняя спокойная привязанность к одной особѣ, но это было не активное чувство, а скорѣе чувственно окрашенное воспоминаніе. Возможно (и послѣднее письмо дает основаніе так думать), этот факт играл нѣкоторую роль в трагической смерти жены; возможно, что у нея создалась сложная идея «жертвы», идея «своевременнаго добровольнаго ухода с пути» и пр. Повторяю, я не психолог и высказываю одни лишь догадки. Одно несомнѣнно, и я это утверждаю, что всѣ эти идеи и страхи были болѣзненно преувеличены, что я к ним не подавал прямого повода, я их только смутно, пассивно воспринимал, и у меня было чувство тяжелой, тупой усталости. Впрочем, иногда разговоры о смерти приводили меня в состояніе нервнаго возбужденія, что бросалось в глаза даже и посторонним. Я даже обращался к знакомым с просьбой достать яд. Конечно, эти обращенія были не серьезны, ибо если бы я хотѣл достать яд, мнѣ это было бы легко сдѣлать, но в этом обращеніи был крик досады, накопившейся в моей душѣ, а может быть — желаніе показать женѣ, что я в ея угрозы покончить с собой абсолютно не вѣрю.

«Здѣсь я хочу твердо установить один основной кардинальный фактъ. Я спал, крѣпко спал во время ея убійства и ничего не слышал из того, что дѣлалось в нашей комнатѣ. Она умерла от истеченія крови. Если вы читали Сенкевича, вы должны знать, что это самый тихій, пріятный вид смерти, а если вы пробовали не спать ночь, то вы знаете, как глубоко человек может заснуть послѣ бессонной ночи.

«Кромѣ того, она в этот день абсолютно ничѣм не проявила себя, что могло бы заставить меня бояться приведенія в исполненіе ея угроз. Если находится свидѣтельница, которая говорит, что слышала стоны и хрип в нашей комнатѣ, то это показаніе должно лечь на совѣсть этого свидѣтеля; для доказательства моей вины оно совершенно несущественно. Экспертиза твердо установила отсутствіе признаков насильственной смерти. Весь вопрос в том, могли ли меня разбудить этот легкій стон и хрипы, которые слышали свидѣтели, приложив ухо к двери, а что этот стон мог быть только легким, ясно также и из того, что он мог быть слѣдствіем не боли (подобная смерть безболѣзненна), а слѣдствіем сопутствовавшего или предшествовавшего душевнаго состоянія жены.

«4. Мое поведеніе послѣ пробужденія.

«Почему я не поднял шума? Спросите об этом у психологов и психіатров, но не полагайтесь на обывательскія разсужденія. Именно с точки зрѣнія обывательской я должен был бы симулировать ужас, поднять крик, если бы я был причастен физически к ея смерти или даже если бы только морально, сознательно способствовал ей. Мое состояніе было состояніем оцѣпененія вѣроятно, хорошо извѣстным, когда человек способен к цѣлесообразным дѣйствіям, поступкам и даже наблюденію и вмѣстѣ с тѣм у него парализованы высшія формы сознанія. Только в милиціи я стал выходить из этого состоянія и у меня появилась способность плакать.

«В заключеніе я хочу сказать, что при всѣх строях

общества люди останутся людьми, будут любить ревновать, стариться, сожалѣть об этом. При всѣх строях будет иногда имѣть мѣсто и душевный разлад между мужчиной и женщиной, между человѣком болѣе уравновѣшеннаго характера и человѣком болѣзненно-экзальтированным, волею случая соединенных жизнью в бракѣ. При всѣх строях одним будет житься легко, а у других душа будет изранена трагизмом переживаній, выпавших на их долю. Может быть, мы больше повинны в страданіях ближних, чѣм нам это кажется. Может быть, перед высшим судом совѣсти это может быть сформулировано даже как не оказаніе помощи, но в таком случаѣ измѣрьте и себя тою же мѣрою. Скоро уже год, как вы мучаете меня, пережившаго драму столь ясную и столь очевидную, стараясь подвести под судебную норму. Не мучайте меня, чтобы вам самим не быть повинным в отношеніи меня в неоказаніи помощи. Вѣдь мои душевныя силы висят на волоскѣ».

•

На судѣ Батаев давал пространныя объясненія в плоскости этого же письменнаго своего показанія и детально на вопросы сторон развивал отдѣльные моменты. Он цѣликом отрицал меркантильный характер его брака с Яблонской, утверждая, что первый договор был заключен по инициативѣ самой Яблонской, а о втором договорѣ он не имѣл никакого представленія и его не подписывал. Согласился он заключить первый договор и взять у Яблонской деньги для вклада в прибыльное, по его мнѣнію, предпріятіе, так как опасался, что сам не сможет ее матеріально обеспечить. Просьбу о том, чтобы он дал движеніе ея цѣнностям, воспринял охотно, так как полагал, что сможет в интересах самой же Яблонской значительно увеличить ея капитал.

Показанія Вѣтрова и других о якобы грубой матеріальной заинтересованности, проявленной им послѣ смерти Яблонской, он считает вымышленными и возник-

шими на почвѣ собственной же у этихъ свидѣтелей имущественной заинтересованности. Вскорѣ послѣ смерти Яблонской Вѣтров и другіе родственники Яблонской требовали отъ него расписки в том, что он никакихъ притязаній на оставшееся послѣ Яблонской имущество имѣть не будетъ, обѣщая в случаѣ согласія выдать расписку о том, чтобы способствовать прекращенію возникшаго уже уголовного дѣла, а в противном случаѣ создать противъ него улики, которыя его погубили бы.

В основном Батаев категорически утверждал и доказывал на судѣ, что он не только не повинен в смерти Яблонской, но в роковую ночь ровно ничего не слышал, в угрозы самоубійствомъ серьезно не вѣрил и поэтому смерть ея для него явилась полной неожиданностью.

Слѣдуетъ в то же время отмѣтить, что личность Батаева, представшаго на судѣ столь мрачно в приведенныхъ уже показаніяхъ свидѣтелей Зубова и Шлиппе, — в устахъ ряда другихъ лицъ, допрошенныхъ по дѣлу, его бывшихъ сослуживцевъ по театру, кино и др. учрежденіямъ, получила совершенно иное освѣщеніе.

Они говорили о немъ, какъ о культурномъ, честномъ и способномъ молодомъ человѣкѣ, отдавшемъ свой досугъ общественной работѣ, увлекавшемся всякими начинаніями в области искусства, не плохомъ администраторѣ и прекрасномъ товарищѣ.

*

Между обвиненіемъ и защитой послѣ судебного слѣдствія произошли продолжительныя пренія, соотвѣтствовавшія всей сложности этого своеобразнаго дѣла.

В интересахъ краткости мы приведемъ в порядкѣ изложенія соображеній защиты и тѣ основныя положенія, на которыхъ базировалось обвиненіе.

Главнымъ аргументомъ защиты противъ обвиненія Батаева в убійствѣ Яблонской былъ дневникъ покойной и ея письма, ибо с точки зрѣнія защиты эти документы с опредѣленной и желѣзной послѣдовательностью говорили

об одном: Яблонская — типичная истеричка со свойственными истеричкам постоянными измѣненіями настроенія от крайняго возбужденія к глубокой депрессіи. На протяженіи послѣдних лѣтъ у нея наблюдается навязчивая мысль о самоубійствѣ, укрѣпляющаяся с каждым годом и в послѣднее время принявшая характер нѣкоего непреоборимаго патологическаго желанія.

Дневник написан рукой женщины с несомнѣнным литературным дарованіем. Он обнимает нѣсколько лѣтъ, начиная с 1916 года. В нем обрисовывается женскій тип, черты котораго, прежде всего, отражают среду мелкобуржуазной богемы с ея мѣщанской идеологіей, с одной стороны, и наигранными театрализованными стремленіями к выѣшним эффектам, с другой. Дневник носит характер рисовки, нѣкотораго самолюбованія, но душевный разлад, раздвоенность автора отражает, повидимому, правильно.

В то же время дневник несомнѣнно, правильно отражает соціальный тип Яблонской на фонѣ специфических, экономических и бытовых, отношеній послѣдних лѣтъ до-революціоннаго времени и первых лѣтъ послѣоктябрьскаго періода.

Яблонская сама о себѣ говорит, что ея «культ» — это «культ любви», и во многих мѣстах дневника дает понять, что этому культу она служила не всегда безкорыстно.

Себя в своем дневникѣ она опредѣляет так:

«Я слишком люблю жизнь, люблю любовь. Развѣ я виновата, что так создана природой? Одна актриса назвала меня трепещущей самкой. Это выраженіе очень грубое, но возможно, что оно отчасти подходит».

Поѣздки за границу, Ницца, Монте-Карло, шумные рестораны Западной Европы, встрѣчи с князьями, графами и просто с богатыми купцами, подарки драгоценностями и деньгами пестрят в ея дневникѣ и говорят о том, что от жизни, от той шумной, ресторанной, угарной жизни, в которой покойная, повидимому, чувствовала

себя на своем мѣстѣ и без которой жить ей было тяжело, Яблонская взяла очень много.

Но уже в 1916 году Яблонская, повидимому, находит у себя сѣдой волос, этот первый признак увяданія. Это заставляет ее, преданную «культу любви» оглянуться на прошлое и с тревогой и тоской взглянуть в будущее.

Она таит в себѣ ряд противорѣчій. Любовь к красивым жесту и фразѣ, поэтическія грезы и слова, мечты об искусствѣ и красотѣ. И в то же время безконечно судится с дворниками и домоуправленіем, ссорится с сосѣдками из-за каждой кастрюли.

Через весь дневник проходит также склонность ея к мистицизму и грубому суевѣрію.

Ея социальное міровоззрѣніе складывается в нѣскольких фразах:

«У меня есть сердце и душа, у меня есть внѣшность, что особенно важно для женщины, у меня есть брилліанты, тряпки и немного денег, у меня есть способности и энергія. Кажется, я обладаю многим, что нужно для сноснаго существованія и вмѣстѣ с тѣм я изнываю без радостей и любви».

Однако, тоску по радостям любви она в другом мѣстѣ объясняет своеобразно:

«Время теперь тяжелое, а у меня нѣтъ настоящей крѣпкой поддержки. Всѣ случайныя, развѣ только один Е., но и его помощь при теперешней дороговизнѣ очень маленькая».

В другом мѣстѣ она пишет:

«Все рушится, надежду смѣняет разочарованіе, и так без конца. Обильно льются слова и обѣщанія, не рождая конкретных послѣдствій...»

«Каждый день кто-нибудь приходит и что-нибудь обѣщает, но уходит и забывает, или мѣняются обстоятельства, и он не может сдѣлать обѣщаннаго».

Отношеніе к революціи у нее мѣщански-обывательское. Она ее не понимает и замѣчает лишь постольку, поскольку революція приносит ей цѣлый ряд внѣшних непріятностей и жизненных затрудненій.

«Третій день сижу дома и слушаю выстрѣлы, которые раздаются за окном. Магазины и лавки закрыты, газеты не выходят, телефон не работает. Скука и тоска такая, что можно дойти до сумасшествия, и неизвѣстно, когда все это кончится и кто побѣдит — большевики или Временное правительство. Я не принадлежу ни к какой партіи и хочу только покоя и мира».

Может быть чутьем понимая, что революція еще больше, чѣм физическое увяданіе, лишает ее надежд на возрожденіе прошлой шумной и веселой жизни, она начинает анализировать это прошлое и говорит:

«Мы всѣ несчастны, вся наша семья. Как будто чье-то проклятіе лежит на роду. Идеалисты в душѣ, с камнем матеріализма на шеѣ. Черное и бѣлое, наполовину смѣшанное с красными пятнами страсти, это — мы, ни то ни се, мечтательные и бездѣятельные сумерки».

«Разнообразен путь в моей жизни и покрыт колючими терніями. Я иду, подняв голову, потому что я хочу смотрѣть вверх, и часто на что-нибудь наталкиваюсь, спотыкаюсь и падаю. Поднимаюсь, израненная и обезсиленная, и продолжаю идти, слабѣя с каждым днем».

«Как я устала! А когда-то я была горячо любима. Много их было, любящих и влюбленных, но я смѣялась, играла со всѣми, никого не любя. Мнѣ доставляло удовольствіе мучить, причинять страданія и с наивной улыбкой слушать жалобы и видѣть слезы. Довести мужчину до слез было так забавно».

Теперь же она начинает испытывать страх одиночества. Революція рождает мысли о неопредѣленном и туманном будущем, и невольно в ней зарождается тоска о постоянной и крѣпкой привязанности.

«Теперь же я ищу любви. Если бы нашла, хранила бы как драгоценный сосуд, полный мирры».

Уже в этой части ея дневника начинает сказываться свойственное ей мистическое настроеніе, вызывающее у этой истеричной женщины ряд навязчивых представлений.

Она боится Рождества, и этот страх перед рождественскими праздниками, мысль о том, что именно на Рождествѣ она должна умереть, проходит у нея через весь дневник.

«Завтра Рождество, и, как всегда, печально на душѣ. Ни разу в своей жизни я не встрѣчала этого праздника весело и радостно. Даже в дѣтствѣ я не любила Рождества, точно предчувствовала, что оно никогда не принесет мнѣ радости: наоборот, печаль и тоска увеличиваются в эти дни».

Революція разрушает старыя жизненныя отношенія, весь прежній экономически-бытовой уклад; каждый день приносит новыя неожиданности и непріятности. Прежним вліятельным и богатым друзьям не до нея; они, удрученные и раздавленные личной катастрофой, которую внесла революція в их привычную комфортабельную жизнь, забыли о Яблонской.

Единственный друг ея, Зубов, также разочаровал ее. Семья его устраивает постоянные скандалы, причиняющіе ей страданіе.

«Куда бѣжать в это безвременье? О, если бы явился сказочный рыцарь спасти меня и очистить от всего!»

Но рыцарь не появляется, поиски его тщетны, и по мѣрѣ того как падают надежды на появленіе этого сказочнаго рыцаря, в душѣ Яблонской — отчаяніе и неуклонно, постоянно выявляемая в дневникѣ мысль о смерти.

«Я дѣлаюсь истеричкой, просыпаюсь среди ночи и плачу, утром просыпаюсь в поту и сердце бьется до боли, руки и ноги холодны, как лед, безумно хочется бѣжать куда-то... Некуда... У меня нѣтъ мѣста в мірѣ, всюду лишняя и ненужная, всюду ждет тоска. Чаше и чаше задумываюсь, как окончить все...»

Эти настроенія особенно рѣзко проявляются в рождественскіе праздники и апогея достигают в ночь под Новый год.

«Кончился, кончился этот тяжелый год, давшій мнѣ

столько горя и слез. Что даст новый — неизвестно, но я почувствовала душевное облегчение, когда пробило 12 часов. Я в одиночестве встретила его, как 10 лет тому назад. Я мысленно перебрала все новогодние ночи, пережитые с тех пор. Они проходили разное, но всегда в чем-либо обществе, и только сегодня повторилась такая же ночь, как и тогда, с тою лишь разницей, что тогда впереди была вся жизнь, а я сама хрупкая, нежная и совсем юная... Теперь же я огрубела, устала, и впереди ничего нет. Все лучшее прошло, и зеленого берега я не достигла.

«Что я такое? Мятающаяся душа, не находящая себе покоя и места, странствующая, как вечный жид. Скорбь ночным покровом окутывает меня; уныние духа, отверженность, безнадежность гнетут меня. Я в эту ночь молилась о том, чтобы умереть».

В письме к своей подруге Гинзевой в этот же промежуток времени отражается такое же ее настроение:

«Я несколько раз хотела покончить с собою, только не имела никакого яда или оружия. Жизнь слишком тяжела, и впереди все безнадежно. Молодость прошла, а с нею кончились все благия упования. В душе остались только какие-то искорки, которыми нельзя зажечь новой жизни и любви. А поэтому пустота и тоска. Былое пламя погасло; искорки тоже скоро погаснут, и тогда совсем воцарится в душе холод и тьма, и не хочется дожить до этого. Хорошо бы теперь умереть...»

И вот Батаев, с которым неожиданно встретишься в этот год растерянная и отчаявшаяся Яблонская, оказался ей тем сказочным рыцарем, о котором она мечтала, и — вновь смелая настроенной, опять надежды на новую, красивую жизнь вырастают в бурных строках.

«Я долго не писала и снова взяла тетрадь, чтобы записать, что я вновь люблю. Вновь зазвучали аккорды струн, так неожиданно, внезапно, и полилась небесная гармония и осветила все вокруг.

«Он молод, он слишком молод, мой возлюбленный. Ему всего 22 года. Я старше его, и что он чувствует ко

мнѣ, я не могу понять. Но ужас... Послѣ трех безумных, счастливых ночей он признался в том, что он женат. Какой ужас охватил мою душу при сознаніи, что проклятіе, тяготящее надо мною, еще не снято. Он не подозревает всей драмы моей жизни. А между тѣм я создала себѣ сказку, олицетворив ее в себѣ.

«Вот женщина идет в вѣнкѣ из красных маков, по берегу моря, а за нею вереница мужчин, скованных цѣпями, и конец этих цѣпей прикрѣплен к цѣлой группѣ женщин, стоящих позади их, и каждая женщина, прикрѣпленная к мужчине, тянет его назад и напрягает всѣ усилія к тому, чтобы не дать ему приблизиться к идущей в красном вѣнкѣ из роз, с красными маками. Многие из них окружены дѣтьми или родными, которыя помогают ей также тянуть закованнаго мужчину, а дѣти, к тому же, плачут и зовут отца, и всѣ их проклятія и слезы обрушиваются на голову идущей впереди, и в вѣнкѣ ея все больше и больше появляется терній».

Это экзальтированное настроеніе Яблонской заполняет первыя недѣли ея супружеской жизни. Но в письмѣ к своей подругѣ Гинѣевой, написанном уже через короткое время, наряду с изливаемыми ею восторгами чувствуется, что в душѣ ея уже закрадываются сомнѣнія.

«Милая Ниночка, — пишет она Гинѣеой, — я вышла замуж, т.-е. в комиссаріатѣ брачный контракт уже подписан, а в январѣ предполагаем сдѣлать церковное вѣнчаніе. Моя фамилія теперь уже другая — Батаева. Моему мужу 25 лѣтъ, и он довольно красив, но легкомысленный ужасно. Ссоримся с ним ежедневно, но пока до вѣнчанія живем еще врозь... Матеріальныя дѣла мои поправились благодаря моему замужеству, но каким образом — расскажу, когда приѣдешь. Милая, приѣзжай поскорѣе или хотя отвѣть мнѣ. Я тебя убѣдительно прошу об этом. Мнѣ так нужен дружескій и искренній совѣтъ...

Я люблю мужа моего, но не вѣрю ему ни в чем. Слишком он молод и увлекающійся... Мнѣ все кажется, что мой брак принесет мнѣ много горя, и сердце очень болит по этому поводу. Но когда ты приѣдешь и увидишь его, то скажешь свое мнѣніе... Цѣлую тебя крѣпко, твоя Шура, колеблющаяся, сомнѣвающаяся в будущем счастье...»

(Письмо это датировано 15 декабря 1921 г.).

Несмотря на всѣ эффектные фразы, которыми пріѣтствует Яблонская свое вступленіе в брак с Батаевым, трудно сказать, что говорит в ней сильнѣе — привязанность или жажда ощущеній, которыя давал ей молодой и сильный Батаев, или же наряду с этим в ея расчетливой головѣ коммерческіе планы Батаева об увеличеніи состоянія играли еще большую роль.

Понемногу деньги и цѣнности переходят к Батаеву. Этот увлекающійся театральными предпріятіями, но не имѣющій ни коммерческаго опыта, ни, видимо, дѣловых способностей, молодой человѣкъ теряет деньги на первых же своих комбинаціях. Начинаются споры из-за денежных расчетов, из-за хозяйственных мелочей. Красивыя грезы, созданныя Яблонской в дневникѣ, претворяются в мѣщанскую мелкую драму с дразгами и повседневными ссорами из-за денег. В душу закрадываются сомнѣнія, что она снова обманута, снова одинока — и на этот раз безнадежно; что «рыцарь», котораго она так ждала, больше думал о ея цѣнностях, нежели о ней самой.

Зубов, старик, который не переставал ревниво относиться к ея жизни с Батаевым, «раскрывает ей глаза» на него, сообщив, что ее состояніе пошло прахом. Яблонской овладѣвает отчаяніе, ибо одновременно погибли состояніе и вѣра в любимаго человѣка. В письмѣ от 10 января 1922 года к Гинѣвой это настроеніе выливается в строках, полных тоски и безысходнаго горя:

«Если бы ты приѣхала, ты выручила бы меня из большой бѣды. Я вышла замуж и крайне неудачно, и сейчас

еще болѣе одинока и несчастна, чѣм была раньше... Твое присутствіе дало бы мнѣ нравственную поддержку. Ты покидаешь меня в самую критическую минуту жизни. Если бы ты приѣхала, как хотѣла, то ничего бы со мной не случилось, так как от одиночества и тоски я потеряла голову и рассудок, и это стоило мнѣ 135 млн. рублей, да, не удивляйся, 135 млн. рублей, вот в чем главный ужас, что я теперь переживаю. Если бы были друзья вокруг меня, с этой суммой можно было бы дѣлать многое, а теперь она улетѣла в воздух. Ах, Нина, в этой жизни нѣтъ ни красоты, ни простой честности, только пошлость, ложь и обман. Приѣзжай, ради Бога, прошу тебя в послѣдній раз, а то может быть никогда не увидимся больше на этом свѣтѣ. Цѣлую тебя крѣпко. Твоя Шура.

Постскрипtum. Надо имѣть сверхчеловѣческія силы, чтобы перенести такія страданія, какія выпали на мою долю, я или с ума сойду, или брошусь под поѣзд...»

Через три дня послѣ того, как Яблонская отправила это письмо, она была уже мертва.

Разстройство настроенія и постоянная мысль о самоубійствѣ, проходившія через дневник, и письма Яблонской носили, по мнѣнію защиты, настолько ярко выраженный патологическій характер, что возникал вопрос, не была ли больна Яблонская какой-либо душевной болѣзью, в собственном смыслѣ этого слова, и не было ли самоубійство тѣсно связано с этой формой заболѣванія. Защита и возбудила перед судом ходатайство о вызовѣ экспертов-психіатров для психіатрическаго изслѣдованія дневника и писем покойной и дачи, на основаніи этих матеріалов, как равно и по свидѣтельским показаніям, заключенія о психическом состояніи Яблонской в послѣдніе годы ея жизни и в моменты, предшествовавшіе смерти.

Суд в этом ходатайствѣ защиты отказал, и в качествѣ экспертов в дѣлѣ участвовали лишь представители общей судебно-медицинской экспертизы — проф. П. А. Минаков и д-р Симановскій.

В связи же с возбужденным обвинителем вопросом о подлинности писем и надписей на карточках Яблонской на судѣ фигурировала и каллиграфическая экспертиза в лицѣ Ладнова признававшего, что всѣ эти документы писаны безспорно собственной рукой Яблонской.

*

В спорѣ с обвиненіем защита придавала огромное значеніе этим цитированным выше дневнику и письмам Яблонской.

Они, по мнѣнію защиты, ясно свидѣтельствовали о том, что мысли о смерти, мечты о самоубійствѣ были не только фразой и саморисованіем, а исходили из патологических душевных особенностей Яблонской.

То обстоятельство, что ряд свидѣтелей говорил о частых угрозах Яблонской покончить самоубійством, не приводившихся в исполненіе, нисколько не колеблет этой мысли. Мечты о самоубійствѣ у этой мистически настроенной женщины имѣли характер какой-то навязчивой с религиозным оттѣнком мысли.

Если на протяженіи нѣскольких лѣтъ она каждый раз в ночь под Рождество и под Новый год с особой торжественной подчеркнутостью говорит о том, что именно в эти дни она должна умереть, то послѣдующая смерть ея, в ночь под Новый год по ст. стилю, в день давно приуготованный ея мистицизмом, — послѣднее подтвержденіе того положенія, что эта смерть была добровольной и желанной.

Почему прежнія угрозы самоубійством не приводились в исполненіе и производили впечатлѣніе на мужа и на окружающих несерьезных театральных вспышек? Да потому, что всегда оставалась еще какая-то надежда, и если приходилось разочаровываться в «рыцарях», то были деньги и цѣнности, которым Яблонская придавала в жизни огромное значеніе и благодаря которым она чувствовала под собой, несмотря на все разочарованіе, нѣкоторую прочную матеріальную базу.

Встрѣча с Батаевым разрушила всѣ надежды этой женщины. Исчезли мечты о семейной жизни и безза-

вѣтно преданном «рыцарѣ»; и, наконец, на вѣтер полетѣли деньги и цѣнности, собранные в теченіе цѣлой жизни. Исчезла любовь, исчезла матеріальная база, впереди — неприглядная, одинокая старость, а может быть и тяжелыя матеріальныя лишенія, которых она больше всего боится. Вот почему отчаяніе, охватившее ее, когда она поняла и оцѣнила послѣдствія от брака с Батаевым, было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Послѣдніе стимулы к жизни, тормозившіе ее стремленіе к смерти, перестали существовать, и она, ничѣм болѣе не привязанная к жизни, покончила с собой.

Общественный обвинитель тов. Пинес считал исключительно существенным моментом то обстоятельство, что покойная за два-три часа до смерти улаживалась со своим братом отправиться на другой день в Яузскую больницу навѣстить больного младшего брата. Это, с точки зрѣнія обвинителя, абсолютно твердо доказывает, что во всяком случаѣ в эту ночь Яблонская не собиралась умирать и не предвидѣла возможности своей смерти. К такому же выводу приводит обвинителя и эпизод с манто.

«Женщина, — не без остроумія утверждал в своей рѣчи т. Пинес, — которой в двѣнадцать часов ночи принесли котиковое манто, не может в час ночи покончить с собой...»

Защита противопоставила этому утверженію ту, с ея точки зрѣнія безспорную, истину, что Яблонская страдала рѣзкой формой истеріи, со свойственными ей расстройствами и неожиданными смѣнами настроеній.

Нѣтъ ничего удивительнаго в том, что Яблонская, уже, повидимому, принявшая твердое рѣшеніе умереть, на минуту поддавалась радости по поводу принесеннаго манто. Это не мѣшало ей однако, здѣсь же, через нѣсколько минут, вслух высказать затаенную мечту о смерти по способу древних римлян. Планы же о посѣщеніи больницы на слѣдующій день могли быть просто хитростью с цѣлью усыпить подозрѣніе у мужа и братьев, каковое могло у них возникнуть в связи с ея разговорами о смерти.

Улики по дѣлу, с точки зрѣнія обвиненія, были двоякаго характера. Улики психологическія и улики судебно-медицинскія.

Защита подвергла выводы обвиненія подробной критикѣ приблизительно в слѣдующем порядкѣ.

В корыстной, холодной расчетливости, проявленной Батаевым в договорах, предшествовавших браку его с Яблонской, в совмѣстной их жизни и, наконец, послѣ ея смерти, обвиненіе видѣло тот общій фон, на почвѣ котораго созрѣла у Батаева мысль об убійствѣ.

Мотив у убійцы, по мнѣнію обвиненія, двоякій: избавиться от тяжелой истеричной женщины, разстаться с которой мирным путем, послѣ того, как были истрачены ея цѣнности, представлялось нелегким, а с другой стороны — стремленіе овладѣть оставшейся частью имущества.

Что можно сказать против этого положенія? — Батаев несомнѣнно отражает среду, характерную для этой эпохи переломнаго періода экономических и брачных отношеній. Он не хуже и не лучше других представителей этого отмирающаго уже теперь типа мелкобуржуазной богемы. В этом смыслѣ и Батаев и Яблонская по своей соціальной сущности и воспріятію внѣшняго міра близки друг другу. Но отсюда далеко еще до убійства. О нем можно было бы говорить, если бы были дѣйствительно объективно серьезныя улики. Между тѣм, разбор улик на судѣ, послѣ подробнаго судебного слѣдствія, дал серьезныя возраженія против каждой из них.

Так, огромное значеніе придавалось обвиненіем показаніем свидѣтельницы Львовой. Казалось бы, что категорическое показаніе этой женщины не оставляет мѣста сомнѣніям в том, что налицо кошмарное преступленіе. А между тѣм это впечатлѣніе сразу же исчезло, как только Львова предстала перед судом в качествѣ свидѣтельницы.

Нервная и возбужденная, по одному внѣшнему облику являвшая собою яркій тип истерички, Львова не показала, а, прокричала суду все то, что за послѣдніе мѣсяцы занимало ея тревожную мысль. Когда же по

просьбѣ защиты были оглашены всѣ прежнія показанія Львовой, которыхъ было нѣсколько в разныхъ стадіяхъ процесса, стало яснымъ, что каждое болѣе позднее показаніе прибавляло новые штрихи, новыя подробности и детали, не имѣвшія мѣста ранѣе.

Если в первомъ показаніи Львова слышала только стоны, то в слѣдующемъ ей чудились уже стоны и шаги двухъ лицъ, а в позднѣйшихъ показаніяхъ — стоны, шаги, возня и борьба. Первая женщина, потрясенная трагической смертью Яблонской, жившая среди людей, невольно захваченныхъ происшедшей на ихъ глазахъ кровавой драмой, впитывала в себя каждую версію, каждый слух и догадку окружающихъ, и по мѣрѣ того, какъ росли новыя подробности, версіи и рассказы, — у Львовой оживало и укрѣплялось убѣжденіе в виновности Батаева, и появлялись все новыя и новыя детали, созданныя ея истеричной фантазіей.

Слышала ли она вообще что-нибудь изъ комнаты Яблонской в роковую ночь?

Проф. Минаков по этому поводу высказалъ слѣдующее мнѣніе:

«Послѣ нанесенія ранъ, Яблонская могла еще ходить нѣкоторое время по комнатѣ, такъ какъ потеря сознанія вслѣдствіе кровоистеченія должна была у нее наступить только черезъ нѣсколько минутъ послѣ разрѣза артерій.

«Люди, умирающіе отъ истеченія крови, обычно стонутъ и хрипятъ в агоніи передъ смертью. Возможно, что Львова слышала стоны истекающей кровью Яблонской».

Такимъ образомъ, если Львова в дѣйствительности и слышала стонъ Яблонской, то это обстоятельство еще ни в какой мѣрѣ не говоритъ за насильственность смерти. Стоны могутъ имѣть мѣсто и при самоубійствѣ.

Прямой уликой, занявшей исключительное мѣсто в преніяхъ сторонъ, былъ фактъ поисковъ Батаевымъ яда.

Обвиненіе видѣло в этомъ моментѣ совершенно непреложное доказательство заранѣе созрѣвшаго у Батаева намеренія отравить свою жену.

Защита, однако, отстаивала ту точку зрѣнія, что по-

казанія в этой части Батаева, приведенныя выше в его заявленіи слѣдователю, объясняющія поиски яда только попыткой отучить таким путем жену от угроз самоубійства, психологически вполне правдоподобны и находят себѣ нѣкоторое подтвержденіе в одном примѣрѣ из судебной-медицинской литературы.

Нѣкому истерику, надѣждавшему окружающим угрозам застрѣлиться и безпрестанно требовавшему револьвер для этого, одно близкое ему лицо вручило револьвер со словами: «на, стрѣляйся». Истерики не только не застрѣлились, но и навсегда отучились от угроз самоубійством.

Батаев, может и неосвѣдомленный об этом случаѣ, психологически правильно хотѣлъ повторить этот прием в отношеніи надѣвшей ему постоянными угрозами отравиться жены.

С другой стороны, слишком открытыя просьбы Батаева в присутствіи посторонних лиц в конторѣ театра, обращенія к врачам с просьбой достать яд, даже маскированные ложью о больной собакѣ, — все же говорят за малую вѣроятность дѣйствительнаго умысла на отравленіе.

Среди улик судебно-медицинскаго характера наиболѣе серьезное значеніе придавалось обвиненіем тому обстоятельству, что порѣзы у Яблонской были сдѣланы на правой рукѣ, между тѣм как с точностью установлено, что она лѣвшой не была.

По этому поводу проф. Минаков полагал, «что постороннее лицо могло нанести Яблонской порѣзы на предплечіи лишь при условіи, если она находилась во время нанесенія этих ран в таком физическом состояніи, что была не способна обороняться, двигать руками и вообще принимать какія-либо мѣры к самозащитѣ.

«Но на судебном слѣдствіи не отмѣчено никаких данных, на основаніи которых можно было бы сдѣлать предположеніе, что Яблонская дѣйствительно могла находиться в таком состояніи».

В связи с этим заключеніем эксперта, защита не могла не отмѣтить, что в этом случаѣ большое значеніе имѣет тот внѣшній вид и обстановка, в которой был обнаружен труп Яблонской: непомятое платье, абсолютное отсутствіе кровавых пятен на нем, вид внѣшняго спокойствія, отмѣченный свидѣтелями-очевидцами, — говорили за то, что смерть Яблонской послѣдовала внѣ какого-либо сопротивленія или борьбы.

Почему все же раны были нанесены на правой рукѣ?

По этому поводу проф. Минаков отмѣтил, что судебно-медицинская практика знает цѣлый ряд случаев, когда самоубійцы наносили себѣ раны не только на правой рукѣ, но и на обѣих руках.

Защита, однако, выдвинула перед судом возможность и другого чисто психологическаго обоснованія этого страннаго на первый взгляд явленія.

Толчком к предположенію защиты послужил осмотр на мѣстѣ комнаты, в которой умерла Яблонская, предпринятый судом вмѣстѣ с сторонами в первый же день процесса. Защита тогда же обратила вниманіе суда на слѣдующее обстоятельство.

Яблонская была найдена мертвой, как уже было сказано выше, на кушеткѣ, прислоненной к стѣнѣ. Батаев, по его словам, спал на кровати, находившейся у другой стѣны, перпендикулярно первой. Яблонская, разумѣется, могла бы на той же кушеткѣ лечь и иначе, приняв такое положеніе, при котором с кровати свѣшивалась бы лѣвая рука и на ней и сдѣлать порѣзы. Но здѣсь умѣстно припомнить все то, что мы знаем об этой женщинѣ по характеристикѣ ее, сдѣланной Батаевым и другими лицами, а, главным образом, по ея дневнику и письмам.

Театрализованная женщина, увлекавшаяся внѣшними эффектами, она и в смерть свою не могла не внести эффектной театральной позы. Говоря в своем предсмертном письмѣ о том, что умирает красиво, а в письмах к Гинеевой указывая на разочарованіе в Батаевѣ, как на причину своей смерти, она должна была, конечно, с точки зрѣнія оцѣнки ея натуры, умирая, видѣть лицо того, ко-

торого по-своему все же любила. Видѣть же Батаева, умирая, она, по характеру размѣщенія мебели в комна-тѣ, могла только в том положеніи, в котором ее нашли мертвой; при этом же положеніи лѣвое плечо и рука были прислонены к стѣнѣ.

Слѣдующим моментом, на котором остановились сто-роны, было полотенце, завязанное на шеѣ, узел котораго находился на значительном разстояніи от подбородка, и окровавленный жгут, найденный на полу.

Какое значеніе имѣло это полотенце?

Обвиненію представлялось несомнѣнным, что харак-тер расположенія полотенца свидѣтельствовал о том, что Батаев пытался задушить им Яблонскую.

По этому поводу проф. Минаков дал слѣдующее за-ключеніе:

«Самоубійцы во время совершенія акта самоубійства находятся в состояніи болѣе или менѣе сильнаго душев-наго волненія; душевная дѣятельность их бывает в боль-шей или меньшей степени разстроена и во всяком случаѣ ненормальна. В это время они могут совершать различ-ныя дѣйствія, из которых одни необходимы для выполне-нія самоубійства, а другіе не нужны, бесцѣльны и могут указать лишь на ненормальное состояніе психики само-убійцы. Поэтому не всегда бывает возможно объяснить, почему самоубійца сдѣлал то или другое, поступил та-и или иначе и для какой цѣли воспользовался тѣм или иным предмѣтом. Теоретически возможно, что в данном случаѣ Яблонская до разрѣза артерій дѣлала попытку самоудушенія, а может быть это указывает на желаніе за-глушить стоны, чтобы не разбудить спавшаго здѣсь же мужа».

Свою мысль проф. Минаков иллюстрировал слѣдую-щим примѣром:

«В одном из московских мѣст заключенія в дорево-люціонное время заключенный облил себя керосином из лампы и поджег. Чтобы не вызвать вниманія тюремнаго сторожа криками и столами, он завязал себѣ рот поло-тенцем, которое впослѣдствіи спало и приняло прибли-

зительно то же положеніе, какое оно имѣло на шеѣ у Яблонской».

О чем говорит окровавленный жгут, найденный на полу?

По этому поводу проф. Минаков обратил вниманіе суда на слѣдующіе моменты. При осмотрѣ этого свернутого жгутом и запачканнаго кровью полотенца можно было видѣть, что наибольшее количество крови находится преимущественно на тѣх мѣстах полотенца, которыя являются наружными частями жгута, а на внутренних частях жгута крови меньше или совсѣм ее нѣтъ. Отсюда можно заключить, что на полотенце попала кровь тогда, когда оно было свернуто жгутом. В дѣлѣ нѣтъ данных, чтобы опредѣленно выяснить, для чего именно было скручено полотенце жгутом и при каких условіях оно было сильно запачкано кровью, но возможно лишь сдѣлать слѣдующее предположеніе: во время нанесенія самой себѣ ран Яблонская, под вліяніем сильной боли, при видѣ крови и в состояніи сильнаго душевнаго волненія, могла измѣнить свое намѣреніе лишить себя жизни и тогда с цѣлью остановить кровотеченіе взяла полотенце и, свернув его жгутом, обмотала им раненую руку, при чем обильно вытекавшая из ран кровь попала в большом количествѣ на жгут.

Слѣдующим вопросом, требовавшим разрѣшенія суда и истолкованным обвиненіем так же, как улика против Батаева, было заявленіе Батаева, что он утром, обнаружив, что жена мертва, взял ее за лѣвую ногу и, приподнявъ на диванѣ, выпрямил.

С обывательской точки зрѣнія представлялся невѣроятным фактъ свободного разгибанія ног у трупа по истеченіи не менѣе 8—9 часов с момента смерти. Но и в этот вопрос проф. Минаковым была внесена полная ясность:

«Если не считать весьма рѣдких случаев наступленія трупнаго окоченѣнія непосредственно послѣ смерти, — заявил проф. Минаков, — оно в подавляющем большинствѣ случаев развивается в трупах взрослых людей

от 2-го до 13-го часа послѣ смерти и развивается послѣдовательно и постепенно, начиная с мышц жевательных и затылочных, переходя затѣм на мышцы шеи и груди, а затѣм на верхнія и нижнія конечности. Окончательное и полное окоченѣніе всего тѣла наступает к концу суток.

«Если предположить, что Яблонская умерла около часа ночи, то возможно, что в 9 час. утра, т.-е., через 8 часов послѣ смерти, в ея ногах могло еще не наступить трупное окоченѣніе, которое сдѣлало бы невозможным выпрямленіе ея согнутых ног.

«В виду этого можно повѣрить заявленію обвиняемаго о том, что когда он переложил труп Яблонской на кушеткѣ, то ноги трупа выпрямились».

Судебное слѣдствіе подробно остановилось также и на ссадинѣ величиною с конопляное зерно, обнаруженной на шеѣ Яблонской.

Экспертиза в этом отношеніи дала заключеніе в таком смыслѣ, что ссадина эта или прижизненнаго или посмертнаго происхожденія. Она могла произойти перед смертью за нѣсколько часов или даже дней. Разсматривать ее слѣдует как ссадину случайнаго происхожденія. Отсутствіе странгуляціонной полосы и каких-либо иных подозрительных признаков исключает возможность предположенія, что эта ссадина связана с попыткой удушенія Яблонской.

Правдоподобно ли завлеченіе Батаева о том, что он так крѣпко спал, что не слышал, как жена его все подготовила к самоубійству и привѣла его в исполненіе, находясь в той же самой комнатѣ? Возможно ли, что его не разбудили ни шаги, ни стоны истекающей кровью жены?

Этот вопрос был также поставлен на разрѣшеніе экспертов. Отвѣтъ был слѣдующій:

«Есть лица, у которых сон так глубок, что они не слышат даже сильных громких звуков. Наиболѣе глубоким сон вообще бывает в первые два часа послѣ засыпанія, а потом глубина сна уменьшается. Извѣстно, что

сон вообще бывает глубже, если человек не спал или мало спал предшествовавшую ночь».

Таким образом, опираясь на данные экспертизы и на шаткость улик по дѣлу, защита высказала убѣжденіе, что в данном случаѣ не имѣло мѣста убійство и что Яблонская в послѣдніе годы ея жизни, вслѣдствіе патологических особенностей ея натуры, неуклонно шла и пришла к самоубійству.

Однако, перед сторонами и судом стоял в этом дѣлѣ и другой вопрос. Если здѣсь не было убійства, то, может быть, были два других преступленія, предусмотрѣнные ст.ст. 163-й и 158-й Уголовнаго Кодекса, т.-е., содѣйствіе или, вѣрнѣе, провоцированіе самоубійства и оставленіе без помощи в момент опасности?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, как указано было выше, потеря денег и разочарованіе в Батаевѣ были послѣдним толчком к самоубійству. Это было так по объективным обстоятельствам дѣла, ибо так сложились послѣдніе мѣсяцы ея жизни. Но была ли здѣсь субъективная вина Батаева, который сознательно и намѣренно провоцировал бы отчаяніе Яблонской, добиваясь осуществленія ее постоянных угроз самоубійством?

По мнѣнію защиты, Батаев сам глубоко вѣрил в свои коммерческія и театральныя комбинаціи. Этот театральныи предприниматель принадлежал к числу рискованных молодых людей, которые охотно бросают не только чужіе, но и свои деньги на самыя фантастическія дѣла и одинаково легко относятся и к чужим и к своим потерям.

В то же время никто, однако, не констатировал, чтобы он проявлял по отношенію к Яблонской какую-либо особую грубость, издѣвался бы над ней, третировал бы ее так, что это могло повлечь за собою отчаяніе Яблонской. Были мелкіе раздоры, были ссоры, которыя слышали сосѣди, но отношеніе Яблонской к нему не дает основаній предполагать, что Батаев сознательно направлял и руководил ее послѣдним рѣшеніем.

В этом смыслѣ характерны ее предсмертныя письма и надписи. Она умирает примиренная и любящая, даже

благодарная Батаеву, который в жизнь этой одинокой и мятущейся души сумѣл, очевидно, все же внести какую-то теплоту. И письма ея говорят за то, что в предсмертном ея сознаніи не было ничего осуждающаго Батаева. Смерть ее, когда все, как ей казалось, рушилось, была в глазах этой охваченной религіозным мистицизмом женщины каким-то своеобразным жертвоприношеніем.

«Я умираю с наслажденіем и с радостью, потому что уношу мой идеал любви с собою в тот мір, гдѣ он увянет».

Если бы Яблонская умирала с чувством ненависти и гнѣва к «виновнику» ее преждевременной смерти, этим словам не было бы мѣста в ея послѣднем письмѣ.

«Моему милому, что был мнѣ дороже всего на свѣтѣ», — пишет она адрес на этом письмѣ, а в другом: «Попрежнему, как и при жизни, я тебя буду любить, а потому одного только добра и счастья буду желать тебѣ».

Эти надписи — предсмертный приговор Яблонской Батаеву. Женщина, чувствовавшая себя намѣренно обманутой и грубо оскорбленной, этих строк не написала бы.

Остается послѣднее предположеніе:

«Не оказал помощи, хотя должен был понимать, получив наканунѣ письмо, что Яблонская может покончить с собою».

И по этому моменту между сторонами были горячіе споры. Защитѣ казалось, что послѣ многократных, не приводившихся в исполненіе угроз Яблонской покончить с собою Батаев уже не вѣрил — да и не мог вѣрить — в серьезность этих угроз, и утвержденіе его, что он не придал никакого значенія ее предсмертному письму, при данных обстоятельствах представлялось защитѣ болѣе чѣм правдоподобным. Вопрос же о том, слышал ли он приговора жены к самоубійству и ее стоны, полностью разрѣшен уже отмѣченной выше экспертизой.

Губсуд по обвиненію Батаева в убійствѣ, за недоказанностью, оправдал его и признал виновным:

а) в содѣйствіи самоубійству гр. Яблонской, которая вслѣдствіе своей болѣзни — истеріи, не могла руководить своими поступками;

б) в оставленіи без помощи Яблонской, которая находилась в опасном для жизни положеніи, между тѣм как он должен был имѣть заботы о ней, т.-е., в преступленіях, предусмотренных ст. ст. 14-й, 148-й и 163-й Уголовнаго Кодекса, и приговорил Батаев по совокупности к 3 годам лишенія свободы, снизив по амнистіи срок наказанія на $\frac{1}{3}$.

«Да, убил, но виновным себя не признаю и в убийствѣ не раскаиваюсь».

Эти странные слова произнес, стоя перед московским революціоннымъ трибуналомъ, в декабрѣ 1922 года, маленькій тщедушный человекъ с упрямымъ лбомъ, свисающими внизъ усами и фанатическимъ блескомъ глазъ, прямо и вызывающе устремленныхъ на судей.*)

»Не раскаиваюсь, — повторилъ еще разъ Наумовъ: — мои выстрѣлы — это справедливое возмездіе, протестъ противъ неправильной жилищной политики в отношеніи рабочихъ.

»И заявляю, что виноватъ я одинъ. Всѣ они, — показалъ широкимъ жестомъ Наумовъ на сидѣвшую с нимъ рядомъ на скамьѣ подсудимыхъ группу обвиняемыхъ, — ни в чемъ не виноваты. Я одинъ долженъ нести и отвѣтственность».

Убийство, в которомъ обвинялся Наумовъ, глубоко поразило общественное мнѣніе Москвы и вызывало взрывъ всеобщаго нѣгодованія.

Убитъ былъ В. Г. Марцъ — одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей физическаго воспитанія юношества, отдавшій безконечно много трудовъ совѣтскому строительству в этой области.

Приговоръ трибунала по этому дѣлу называетъ В. Г. Марца «крупнѣйшимъ и дорогимъ совѣтскимъ работникомъ». Другой убитый былъ неинтеллигентный труженикъ Рыбаковъ, также вызывающій при жизни живѣйшіе симпатіи лицъ, его знавшихъ.

*) Дѣло слушалось 23—29 декабря 1922 г. в московскомъ губернскомъ революціонномъ трибуналѣ подъ предѣлательствомъ предсѣдателя трибунала т. Бека; обвинялъ И. А. Смирновъ. Защищали члены коллегій защитниковъ И. Г. Пинесъ, М. Ф. Ходасевичъ, И. О. Плятъ и И. Д. Брауде.

Убийство было бессмысленным и непонятным, как непонятным были и мотивы, которыми руководствовался Наумов.

Он не только не имѣл каких-либо личных враждебных отношеній или ссор со своими жертвами, но он не был даже с ними знаком, никогда не разговаривал ни с одним из них и лишь незадолго до убійства впервые их увидѣл.

И обстановка убійства возлѣ народного суда Хамовническаго района, тотчас же послѣ вынесенія народным судьей Черниковым рѣшенія в пользу гр-н Марца и Рыбакова по жилищному дѣлу, к которому Наумов не имѣл абсолютно никакого отношенія, казалось бы также не проливала свѣта на мотивы преступленія.

В борьбѣ, которая шла в домѣ № 33 по улицѣ Кропоткина между так называемой «рабочей группой» (хотя по составу своему она была очень пестрой и в нее входил только один рабочій) и группой большинства, возглавлявшейся покойным Марцем, Наумов не имѣл никакого личнаго интереса. Он занимал определенную жилую площадь, никогда не претендовал на ее расширеніе, но он нервно слѣдил и переживал отдѣльные перипетіи борьбы между «рабочей группой» и большинством, начавшейся с того момента, когда первый состав правленія дома № 33, состоявшій, под предсѣдательством Кудрявцева, из членов правленія Рыбакова и Марца, в своей дѣятельности дал основаніе представителям «рабочей группы» заподозрить правленіе в пристрастном отношеніи его къ жильцам имущим — в ущерб неимущим.

Рабочая группа тогда наряду с первым правленіем параллельно создала свое правленіе под предсѣдательством Волкова.

Отношенія между двумя правленіями приняли острый характер, и не раз борьба между ними восходила на разрѣшеніе судебных и административных органов.

Особой остроты эта борьба достигла, когда между занимавшим 4 комнаты в квартирѣ № 33 Марцем завязалась тяжба с проживавшим в той же квартирѣ работни-

ком ГПУ Волковым и когда «рабочая группа» встала на защиту интересов Волкова, Наумов тотчас же принял самое дѣятельное участіе в отстаиваніи интересов до того незнакомаго ему Волкова.

Волков претендовал на 2 комнаты из числа занимаемых Марцем 4 комнат, и правленіе жилищнаго товарищества, состоявшее из членов рабочей группы, предложило Марцу освободить эти комнаты. Марц обжаловал предписаніе правленія в Хамовническій народный суд, коим было вынесено постановленіе о пріостановленіи дѣйствій правленія жилтоварищества впредь до разсмотрѣнія дѣла в судебном порядкѣ.

Несмотря, однако, на наличіе у Марца этого постановленія суда, 29 октября, в 10 час. утра, в квартиру его по собственной инициативѣ являлись жильцы того же дома, именовавшіе себя представителями «рабочей группы», — Наумов, Фортус, Васильев, Новиков, Амельченков и др. и, несмотря на протесты Марца, самоуправно переселили его из его комнат в комнату Волкова, а Волкова вселили в двѣ комнаты Марца.

На эти самоуправныя дѣйствія Наумова, Волкова и других была принесена жалоба в народный суд Хамовническаго района с просьбою о привлеченіи их к отвѣтственности за самоуправство.

Дѣло это было прекращено в силу амнистіи в память пятилѣтія октябрьской революціи, а на 13 ноября было назначено к слушанію дѣло по иску Марца к правленію жилтоварищества о возвращеніи ему, Марцу, комнат, самочинно захваченных Волковым при содѣйствіи «рабочей группы».

Судебное засѣданіе происходило под предсѣдательством народнаго судьи тов. Черникова. С одной стороны выступал представитель интересов Марца — юриконсульт Цекубу Соколов, а с другой — представители домоуправленія — Фортус и Амельченков.

Наумов никакого участія в судовомореніи не принимал.

Он сидѣлъ на задней скамьѣ зала судебного засѣданія и молча с напряженным вниманіем слѣдил за исходом процесса.

Суд послѣ совѣщанія вынес рѣшеніе: комнаты №№ 4 и 5, как неправильно взятыя, с учета снять и предоставить в пользу Марца; гр. Волкова переселить в комнату, им ранѣе занимаемую.

Это рѣшеніе суда представителями «рабочей группы» было встрѣчено крайне неодобрительно, с криками и протестами.

Через нѣсколько минут к вышедшему из помѣщенія суда на Штатный переулок В. Г. Марцу подошел дотолѣ незнакомый ему Наумов и со словами: «тебѣ нужна квартира — вот, получай», — выстрѣлил в него, а когда Марц упал, Наумов, подойдя вплотную к упавшему, произвел в него еще два выстрѣла. Затѣм он быстро побѣжал по улицѣ Кропаткина и, нагнав б. члена перваго правленія дома Рыбакова, выстрѣлил и в него нѣсколько раз.

Сбѣжавшаяся на мѣсто происшествія публика и судьи Хамовническаго района Наумова уже не застигли, но в 11 часов вечера в президіум Хамовническаго районнаго совѣта явился Наумов и подал слѣдующее письменное заявленіе:

«Неправильная жилищная политика, игнорирующая интересы рабочих даже в судах, возмутила и вынудила меня сейчас убить двух представителей антипролетарской группы Марца и Рыбакова.

«Отдаю револьвер и сам отдаюсь во власть Совѣта рабочих депутатов.

И. Наумов».

11 час. вечера, 13 ноября 1922 года.

Препровожденный в 12-е отдѣленіе милиціи, а затѣм в ГПУ и немедленно допрошенный, Наумов заявил, как и впослѣдствіи на судѣ, что убійство он совершил, но ви-

новым себя не признает, ибо, как выразился он, — «я разстрѣлял их за антипролетарскую активную дѣятельность в жилищном вопросѣ в нашем домѣ № 33; мой выстрѣл — это самозащита рабочих от наступающей буржуазии».

*

Свѣтлая личность убитаго В. Г. Марца, его огромныя общественныя заслуги, отмѣченныя послѣ убійства всей прессой, придали дѣлу Наумова сенсационный характер. Слѣдствіе было поручено слѣдователю по важнѣйшим дѣлам, который произвел подробное обслѣдованіе склоки, существовавшей в домѣ № 33 по улицѣ Кропоткина между двумя группами населявших его жильцов.

Слѣдственная власть установила на первых же порахъ связь между убійством и дѣятельностью группы жильцов, имѣновавших себя «рабочей группой», руководимой, кромѣ Наумова, сотрудником ГПУ Волковым, врачом Фортусом, Амельченковым и служащим Моссельпрома Кедровым.

Оцѣнивая дѣятельность этой группы в борьбѣ с большинством населенія дома, обвинительное заявленіе по дѣлу отмѣчает, что «руководители группы смотрѣли на народный суд лишь как на формальную процедуру, считая, что суд этот обязан санкціонировать всѣ их желанія и требованія, внѣ зависимости от их содержанія и законной обоснованности».

По мнѣнію прокуратуры, группа эта встав на путь самоуправства, с логической послѣдовательностью дошла до убійства.

В виду добытых слѣдственной властью данных о том, что на закрытых собраніях группы неоднократно раздавались угрозы расправиться с Марцем своим судом, при чем Фортусу приписывалась фраза — «если суд постановит выселить Волкова, то придется перемѣнить тактику», а Кедрову и Амельченкову — слова и дѣйствія, вызвавшія серьезныя подозрѣнія в освѣдомленности их

об имѣвшем быть совершенным Наумовым убійствѣ, — к слѣдствію, а впослѣдствіи и к суду, были привлечены не только Наумов, но и Волков, Кедров, Фортус и Амельченков по обвиненію в том, что они «подстрѣкали» Наумова к учиненію самоуправной расправы над Марцем и Рыбаковым, выразившейся в убійствѣ обоих.

На судѣ ревтрибунала всѣ обвиняемые, кромѣ Наумова, отрицали свою вину и утверждали, что они не имѣли никакого представленія о намѣреніях Наумова и выстрѣл его прозвучал для них неожиданно и так же глупо потряс их, как и все общество.

Наумов же, как указано выше, держал себя весьма своеобразно.

Ни тѣни раскаянія ни в словах, ни в голосѣ.

Он производил впечатлѣніе человѣка, который исполнил свой тяжелый долг и хотя понимает, что формально поступил незаконно, но морально отвѣственным себя не считает.

Не только публика, в огромном количествѣ наполнявшая зал судебного засѣданія, но, чувствовалось, и судьи с удивленіем взирают на этого страннаго убійцу, совершившаго тягчайшее преступленіе без тѣни личных мотивов.

В Бутырках, гдѣ встрѣтился я с Наумовым, он крайне несочувственно отнесся к назначенію ему защиты.

«В защитѣ я не нуждаюсь, — сразу же заявил он мнѣ, — и снисхожденія ни у кого не прошу. Впрочем, если вы назначены судом, выполняйте ваш долг».

От дальнѣйших объясненій и разговоров со мною Наумов уклонился, и мнѣ пришлось защищать его, восприминая дѣло лишь по письменным матеріалам и по данным, прошедшим на судебном слѣдствіи.

*

Что представлял собою Наумов, этот странный человек, безкорыстный и честный рабочій, беззавѣтно преданный интересам своего класса, но своим безумным поступ-

ком вызвавший тяжелыя общественныя потери?

Подробную характеристику Наумов дал явившійся на суд по собственной инициативѣ помощник командующего войсками Московскаго военнаго округа, политкаторжанин тов. Браслав.

«Наумова, — сказал тов. Бреслав, — я знаю по прошлой революціонной работѣ и по совмѣстному пребыванію на каторгѣ. Это человекъ исключительной чистоты и принципиальности. Его основной чертой является болѣзненное стремленіе к какой-то абстрактной справедливости, стремленіе всюду искоренять неправду и бороться против нее.

«С 1905 года Наумов был членом партіи максималистов, входил в Сѣверный летучій боевой отряд, принимал участіе в террористических актах, был предан женщиной-провокатором Жученко и судим судебной палатой, приговорившей его к 8 годам каторжных работ.

«В Бутырской каторжной тюрьмѣ Наумов сидѣлъ вмѣстѣ со мною. Это был исключительный товарищ, готовый в любой момент к самопожертвованію, безконечно нервный, фанатичный, настороженный и подозрительный ко всему, что казалось ему неправильным. Он считался у нас своего рода ходячей совѣстью, но в моменты возбужденія мог натворить больших бѣд.

«Так, однажды ему показалось, что я, бывшій с ним в исключительно дружеских отношеніях, совершил нетоварищескій поступок. Он сразу же, не разобрав дѣла, написал мнѣ рѣзкое письмо самого грубаго содержанія, и только послѣ того, как я, отлично знавшій его характер, объяснил ему в чем дѣло, отношенія у нас возстановились.

«На каторгѣ он устроил нѣсколько покушеній на побѣг, один раз вмѣстѣ с товарищем перевязал конвойную стражу, но был схвачен. С тюремной администраціей держался исключительно заносчиво и презирал тѣх, кто допускал хоть какое-либо заискиваніе перед нею. Почти всю каторгу он пробыл в кандалах, потому что администрація боялась и не соглашалась снять их с него».

Из допроса Наумова и свидѣтелей выяснилось, что в 1917 году Наумов вступил в члены РКП (б) и состоял таковым до 20 октября 1918 года.

В этот день Наумов совершил также тяжкое преступленіе.

Как член исполкома Хамовническаго районнаго совѣта он находился на работѣ в помѣщеніи совѣта и сидѣлъ в кабинетѣ президіума.

В это время в сосѣдную комнату привели арестованнаго по ордеру Чека бывшаго князя Менъшикова. До слуха Наумова долетѣли пререканія между конвойными и Менъшиковым и слова послѣдняго: «я был князем и останусь князем, а вы были крѣпостными хамами и вѣчно будете ими».

Наумов вышел из кабинета, подошел к Менъшикову и в упор выстрѣлил в него из браунинга.

За это убійство он судился в ревтрибуналѣ, 20-го ноября 1918 года, был приговорен к общественному порицанію, с запрещеніем занимать выборныя должности и носить оружіе в теченіе одного года. Партіей же был исключен из числа ея членов.

Послѣднее время Наумов работал сначала в качествѣ чаеразвѣсчика, а потом завѣдующаго хозяйством дома отдыха Чаеуправленія.

На вопрос предсѣдателя ревтрибунала т. Бека — считает ли он себя партійным, — Наумов отвѣчал, что он ни к какой партіи не принадлежит, но продолжает считать себя идейным коммунистом.

Револьвер, по его словам, он приобрѣлъ на рынкѣ у неизвѣстнаго гражданина.

Во время процесса Наумов ни на минуту не пытается уменьшить свою вину или вызвать к себѣ симпатіи суда. Всѣ свои заботы направляет он на доказательство невиновности остальных обвиняемых. Он утверждает, что они не могли и догадываться о его намѣреніи убить, так как оно возникло у него совершенно внезапно, под вліяніем озлобленія, вызваннаго приговором суда. Никто, по словам Наумова, не мог подозрѣвать и того, что у него с

собою револьвер. В своем преступлении он не видит чего-либо опаснаго для революціи и убійство Марца и Рыбакова разсматривает как «акт протеста за всѣх рабочих, неправильно выселяемых и переселяемых», так как считает, что успѣх Марца на судѣ объясняется его большими связями и поддержкой вліятельных совѣтских и партійных лиц, оторвавшихся от рабочаго класса и не интересующихся тѣм, в каких условіях живут его представители.

Условія жизни Волкова, вынужденнаго со своей туберкулезной женой и малолѣтним ребенком жить в маленькой комнатѣ, в то время как сосѣд его Марц занимал большую площадь, настроили Наумова враждебно по отношенію к послѣднему, котораго он считал представителем буржуазіи; о заслугах Марца и его общественной роли он ничего не знал и этим не интересовался.

Между обвиненіем и защитой не было разногласій по вопросу о соціальной опасности дѣянія, совершеннаго Наумовым.

Спор между сторонами был, главным образом, по поводу оцѣнки личности Наумова и мотивов, приведших к убійству.

С точки зрѣнія защиты, Наумов — это кристально чистый и по-своему идейный человѣкъ; но по складу своей натуры и взрывчатому темпераменту — он прежде всего террорист.

Его беззавѣтная преданность своему классу, при крайней прямолинейности и узости міросозерцанія и вмѣстѣ с тѣм мнительности и подозрительности, превращают эту преданность в своеобразный классовый фетишизм. Стремленіе же в индивидуальном террорѣ видѣть разрѣшеніе всѣх острых вопросов еще болѣе затемняет его классовое самосознаніе и мѣшает правильно оцѣнивать окружающую обстановку и различать друзей от врагов.

В этом смыслѣ Наумов духовно родствен тѣм легендарным испанским анархистам, которые гдѣ-нибудь в Барселонѣ в знак протеста против сытой буржуазіи бро-

сали бомбы в кафе, наполненные публикой, и убивали вмѣстѣ с богачами десятки близких им по классовой принадлежности тружеников.

Не случайно, что в царскіе годы Наумов был максималистом, участвуя в террористических выступленіях... Естественно, что и в каторжной Бутырской тюрьмѣ являются тѣ же черты его характера: он устраивает безумные по смѣлости побѣги, протестующе держится в отношеніи тюремнаго начальства, и ни кандалами, ни карцером не удастся смирить его.

И этот фанатик индивидуальнаго террора послѣ октябрьской революціи, конечно, не может ужиться в массовой партіи, спаянной желѣзной дисциплиной. Он совершает самосуд, и партія исключает его из своих рядов. Попадъ в условіях 1922 года, в тяжелую жилищную склоку, в моменты жесточайшаго напряженія жилищнаго кризиса, он невольно воспринимает эту борьбу не как частный эпизод в спорѣ двух групп жильцов между собою, а едва ли не как борьбу классов.

Нервный и невыдержанный, захлестнутый вспышками жилищной борьбы, ослѣпленный ненавистью к воображаемым классовым противникам, он не может разглядѣть, что Марц и Рыбаков — трудовые интеллигенты, близкіе и преданные интересам рабочаго класса, и он убивает друзей рабочих в полном убѣжденіи, что уничтожает их врагов.

В послѣднем словѣ своем Наумов гнѣвно протестовал против предположеній о том, что он дѣйствовал в шкурнических интересах. Особенное возмущеніе вызвала в нем брошенная прокурором фраза о том, что он «стрѣлял из-за угла».

«Я, — заявил Наумов в послѣднем словѣ, — никогда не скрывался и не бѣжал. Если я при царском режимѣ неоднократно пытался бѣжать из тюрьмы, вязал стражу, пилил рѣшетки, то, повѣрьте, что сейчас я мог бы легко скрыться. Но я этого не сдѣлал и не мог бы сдѣлать.

Пусть буржуазія знает, что рабочій не бѣжит от своего рабочаго суда.

«Террорист, прежде, чѣм совершить террористическій акт, должен мысленно прежде всего убить себя и только тогда итти совершать этот акт. Высшая мѣра наказанія для меня не страшна, но я просил бы, выражаясь словами героя драмы Ибсена — Брандта, дать мнѣ в наказаніе или смертную казнь или ничего, но не подвергать меня лишенію свободы, опротивѣвшему мнѣ еще при царизмѣ».

*

Московскій ревтрибунал, признавъ Наумова виновным в заранѣе обдуманном убійствѣ, особо отмѣтил в приговорѣ:

«что Наумов идейно оправдывал и вдохновлялъ во время своей дѣятельности в «рабочей группѣ» практику произвола при рѣшеніи личных или групповых споров, что таким образом он наносил неизгладимый вред совѣтской власти, стремящейся организованно осуществлять рабочую диктатуру и требующей безусловнаго подчиненія и дисциплины от населенія и рабочаго класса в особенности, поскольку его силами и волей она (совѣтская власть) существует; что, убивая Марца и Рыбакова во имя возмездія, он тѣм самым выразил явное неуваженіе к совѣтской власти, к ея законам и судам и этим особенно внес разложеніе в рабочія массы; что это уже второй случай, допущенный им, Наумовым, самочинной расправы убійством; что уродливая бессмысленность и гнусность убійства именно Марца и Рыбакова, выбранных им из группы жильцов даже без какой бы то ни было личной оцѣнки их, а случайно, только потому, что они первые попались ему под руки, привели к тому, что был убит крупнѣйшій и дорогой для совѣтской власти работник».

Наумов был приговорен к 10 годам лишенія свободы со строгой изоляціей.

В слѣдственной части краснопрѣсненскаго нарсуда служил секретарем нѣкто Яковлев, молодой, трудолюбивый человѣкъ, пользовавшійся живѣйшими симпатіями своих сослуживцев.

Однажды аккуратный и добросовѣстный Яковлев, къ удивленію товарищей не явился в теченіе двух дней на службу и не сообщил о причинѣ неявки, а 4-го августа на 20-й верстѣ Б.-Б. ж. д., недалеко от станціи Кунцево, в кустах ж.-д. полотна, был обнаружен труп неизвѣстнаго молодого человѣка с рѣзаной раной на лѣвой сторонѣ шеи.

При трупѣ были серебряные часы, перстень и дѣловыя бумаги со штемпелем краснопресненскаго нарсуда. Никаких других документов и вещей при нем не оказалось.

Близ трупа на травѣ лежали три порожних бутылки от портвейна и самая трава в этом мѣстѣ была сильно примята.

Вскорѣ выяснилось, что убитый и был секретарь слѣдственной части краснопресненскаго нарсуда тов. Яковлев.

В теченіе значительнаго времени поиски убійцы, несмотря на самыя энергичныя мѣры, принятыя розыскными органами, были безрезультатны, и лишь анонимное донесеніе, присланное в уголовный розыск, о том, что дѣлопроизводитель слѣдственной части нарсуда Дворкин продает цѣнныя вещи, направили розыск на вѣрный путь.

Убійцы вскорѣ были арестованы.*)

*) Дѣло слушалось в московском губернском судѣ 13—14 февраля 1925 года под предсѣдательством члена губсуда И. П. Кондратьева. Обвинял общественный обвинитель тов. Рыжанскій, защищали члены коллегіи защитников Б. Я. Лесин и И. Д. Брауде.

Ими оказались: дѣлопроизводитель той же слѣдственной части — Дворкин и сотрудник московскаго главнаго склада авто-бронеймущества — Махов.

Оба они сознались в убійствѣ Яковлева, и, хотя каждый пытался свалить друг на друга инициативу убійства, из показаній их выявилась достаточно подробно и ярко картина убійства.

Дворкин служил под начальством Яковлева и дружил с ним. Часто они уходили со службы вмѣстѣ, гуляли и, повидимому, относились друг к другу по-товарищески.

На М. Бронной, гдѣ жил Дворкин, в том же домѣ жил и Махов.

Молодые люди подружились, стали бывать друг у друга и все свободное от службы время проводили вмѣстѣ, знакомились на улицѣ с женщинами легкаго поведенія и, хотя оба нуждались, часто вмѣстѣ выпивали.

По словам Махова, Дворкин, в послѣднее время очень нуждавшійся и пребывавшій в мрачном настроеніи, стал уговаривать его совершить какое-либо убійство с цѣлью раздобыть денег.

Дворкин часто жаловался на неурядицы по службѣ и неудачи в его интимной жизни, на нужду, испытываемую обоими, с завистью показывал ему на великолѣпіе гастрономическихъ магазиновъ, на нэпманов, проѣзжавших на лихачахъ и автомобиляхъ, и мечтательно говорил: «Эх, убить бы кого-нибудь и добыть деньжонок».

В послѣднее время, по словамъ того же Махова, у Дворкина появились большія непріятности; они были связаны с покушеніем на самоубійство его сожительницы Сорокиной.

Дворкин стал еще мрачнѣе и все чаще и чаще, когда они оставались вдвоем, рисовал ему тяжесть их положенія в настоящем и безотрадность его в будущем и настаивал на необходимости совершить какое-либо убійство. Махов не принимал этихъ разговора всерьезъ.

Но день за днемъ постоянныя бесѣды Дворкина на эту тему, в связи с испытываемой им нуждой, способствовали тому, что и Махов привыкъ к мысли о необходимости со-

вершить убійство; представлявшееся ему единственным способом измѣнить условія жизни.

Махов утверждает, что он находился полностью под вліяніем Дворкина, всецѣло поработившаго его волю и подчинившаго его себѣ.

Среди разных планов убійств, намѣчавшихся Дворкиным, он все чаще и чаще стал останавливаться на мысли об убійствѣ своего ближайшаго начальника и пріятеля Яковлева, для того, чтобы воспользоваться ключом от несгораемаго шкафа, гдѣ хранились вещественныя доказательства по дѣлам, проходившим через слѣдственную часть нарсуда.

Наконец, мысль эта окончательно созрѣла у обоих и приняла характер нѣкоего твердаго рѣшенія.

Пріятели, в цѣлях осуществленія своего плана, вооружились ножом и револьвером, заманили Яковлева в Покровское-Стрешнево.

Изрядно выпив, шептались между собою о том, в какой момент покончить с Яковлевым; когда же этот момент наступил, ни у одного не поднялась рука, ни один не рѣшился приступить к убійству, и оба, вмѣстѣ с Яковлевым, вернулись в Москву.

Однако, мысль об убійствѣ Яковлева не покидала их, и, наконец, 3 августа Яковлев снова под предлогом увеселительной прогулки заманивается на этот раз на 20-ю версту Б.-Б. ж. д.

Они взяли с собою 3 бутылки портвейна, нож, который был заранѣе отточен Маховым, и револьвер.

Расположились в кустах на травѣ.

Дружески настроенный к обоим, Яковлев не подозревал коварнаго замысла, подвыпил и не выказывал никакого желанія отправиться домой.

Стемнѣло...

Осмотрѣвшись и убѣдившись, что кругом никого нѣтъ, Дворкин, выбрав момент, когда сильно захмелѣвшій Яковлев прикурнул у куста, подошел к Махову и шепнул ему: «бей», а сам встал на тропинкѣ, ведущей к станціи.

Махов подошел к Яковлеву, сидѣвшему на травѣ с наклоненной головой, и, нагнувшись над ним, громко во весь голос зашѣл: «Бывали дни веселые...» и с огромной силой нанес ему удар ножом в шею, перерѣзав сонную артерію.

Яковлев почти мгновенно умер.

Свалившійся труп был подвергнут тщательному обыску; был забран портфель с документами, печать слѣдственной части, ключи и браунинг.

Убійцы отправились на станцію ж. д., выпили пива и с ближайшим же поѣздом возвратились в Москву, на исходѣ 12-го часа ночи.

На слѣдующій день Дворкин подробно инструктировал Махова, как похитить цѣнности из неслгораемаго шкафа слѣдственной части.

И в то же самое утро, в час служебных занятій, подняв воротник, чтобы не быть узнанным, в расчетѣ на то, что, по словам Дворкина, сотрудники нотаріальной конторы, гдѣ помѣщался неслгораемый шкаф слѣдственной части, плохо знали в лицо Яковлева. Махов проник в эту контору никѣм не замѣченный и похитил из неслгораемаго шкафа мужскіе золотые часы с таким же браслетом, 36 штук золотых монет, 6 золотых колец с брилліантами и т. п.

Цѣнности эти были Дворкиным и Маховым — частью непосредственно, частью через других лиц — проданы, а вырученные деньги истрачены.

Оба обвиняемых были преданы московскому губсуду.

*

Перед судом предстали два совершенно разных по внѣшности человѣка.

Оба еще совсѣм молодые люди: Дворнику — 24, Махову — 22 года.

Дворник невысокаго роста, коренастый молодой еврей. Правильныя черты матоваго лица, угрюмый взгляд исподлобья, неразговорчив, отвѣты на вопросы дает нехотя.

с паузами; все время, видимо, мучительно о чем-то думает и трет лоб, как бы напрягая память.

Махов высокаго роста, русый, с открытым добродушным лицом, незлобивым, мягким взглядом. Он весь наружу в своих показаніях; не отрицает, что являлся физическим убійцей, но на вопросы о том, как могло это случиться, недоумѣнно разводит руками и ссылается на полную его психическую подчиненность Дворкину.

Прошлое обоих безукоризненно. Еще в Бутырском домзакѣ, Дворник, котораго я в этом дѣлѣ защищал, передал мнѣ ряд документов, свидѣтельствовавших о способности его на искренніе и красивые порывы.

В первый же год революціи он поступил добровольцем в партизанскій отряд и в теченіе нѣскольких лѣтъ участвовал в боях против Булак-Балаховича на границѣ Бѣлоруссіи и против банд на Украинѣ. В общем он провел четыре года в качествѣ добровольца в красной арміи и из них около трех лѣтъ в партизанских отрядах, неоднократно бывал в боях, был ранен и контужен. Пріобщенный к дѣлу похвальный отзыв политотдѣла Н-й дивизіи характеризовал Дворкина, как испытаннаго революціонера и добровольца.

Товарищи по службѣ отмѣчали большую добросовѣстность Дворкина в служебных занятіях, но, вмѣстѣ с тѣм, указывали, что за послѣднее время перед убійством он стал проявлять нѣкоторую угрюмость и разстройство настроенія.

Защита Махова также представила ряд доказательств тому, что Махов, хотя и не имѣл боевого прошлаго и всѣ послѣдніе годы проживал в Москвѣ, но был чистым и скромным юношей и пользовался любовью близких и сослуживцев.

Естественно, что в таком дѣлѣ, гдѣ все было так просто и в то же время так драматически нелѣпо, гдѣ безконечно жестокое преступленіе находилось в таком противорѣчій с прошлым обвиняемых, усилія суда и сторон были направлены на выясненіе психологических причин преступленія.

Перекрестный допрос Дворкина и обнаруженные при обыскѣ документы пролили нѣкоторый свѣтъ на послѣдніе мѣсяцы жизни его перед убійством.

«На это преступленіе, — объяснил Дворкин, — как мнѣ сейчас кажется, побудила меня крайняя моя нужда и венерическая болѣзнь.

«Однажды на Тверском бульварѣ я познакомился с молодой дѣвушкой Сорокиной, которая занималась проституціей. Она пошла ко мнѣ ночевать, и я полюбил ее. Я рѣшил на ней жениться, и задался цѣлью спасти ее от ея позорной профессіи. Я поселил ее у себя и запрещал ей ходить на улицу.

«Пока у меня были деньги, она слушалась меня и оставалась одна, но когда деньги были истрачены, она стала во время моего отсутствія убѣгать на улицу и снова предаваться позорному ремеслу. На этой почвѣ между нами происходили бурные скандалы.

«Однажды во время одного из таких скандалов она в моем присутствіи налила в стакан яд и отравилась. Я отправил ее в Солдатенковскую больницу, гдѣ она оправилась.

«Выйдя из больницы, она вернулась ко мнѣ и поклялась, что бросит заниматься проституціей. Однако, слова не сдержала, снова вышла на улицу и в концѣ концов заразила меня венерической болѣзнью.

«На меня это страшно подѣйствовало; она же пыталась опять отравиться. Я хотѣлъ убить ее и себя, потому что не хотѣлъ жить больным, а лѣчиться было не на что и было стыдно. Я написал уже прощальное письмо, но Махов отговорил меня от самоубійства.

«В послѣдній раз я встрѣтил Сорокину на Тверской, гдѣ она зазывала мужчин. Я снова стал умолять ее не гулять; она отвѣтила мнѣ, что нѣтъ денег.

«Тут впервые у меня зародилась мысль об убійствѣ.

«Деньги, добытыя от продажи цѣнностей, я принес ей».

Среди обнаруженных при обыскѣ в комнатѣ Дворкина писем было два, остановивших вниманіе суда.

Одно из них, начинавшееся со слов «Многоуважае-

мая Вѣра Николаевна», адресованное одному из отвѣтственных работников слѣдственной части нарсуда, заключало в себѣ слѣдующія строки:

«Может быть с моей стороны очень глупо, но я рѣшил покончить счеты с жизнью. Не думайте, что из-за трусости встрѣтиться лицом к лицу со смертью, потому что я ее видѣл во всѣх видах. Я много передумал, что для этого нужно яд или оружіе. Мнѣ, как человѣку военному, улыбалась бы послѣднее, но достать его я не мог. и в первый раз моей революціонной работы, т.-е. начиная с моей добровольческой службы в красной арміи, мнѣ пришлось сдѣлать преступленіе по службѣ: взять наган из вещественных доказательств. Я взял его из дѣла Львова, обвиняемаго в покушеніи на убійство в Зоологическом саду.

«Всѣ дѣла по службѣ находятся в порядкѣ. Если только Вы мнѣ вѣрите, можете не провѣрять, так как клянусь честью, что они в порядкѣ. Если Вы будете вести дѣло о моем самоубійствѣ, то прошу Вас мой труп выдать брату или мужу сестры.

«Привѣт всѣм слѣдователям.

Уважающій Вас Д в о р к и н».

Письмо датировано 8 іюля 1923 года.

На конвертѣ, в который вложено было это письмо, имѣлась слѣдующая надпись:

«Убѣдительно прошу 14-ое отдѣленіе милиціи и тов. Н. это письмо передать по адресу, не оставляя его при дѣлѣ вещественным доказательством. Это моя послѣдняя просьба, которая, надеюсь, будет исполнена. Д в о р к и н».

В другом письмѣ, адресованном к «милым дѣвочкам Зинѣ, Шурѣ и Маргаритѣ», которых дальше Дворкин в этом же письмѣ называет своими лучшими друзьями, он тоже говорит о своем рѣшеніи покончить с собою. Это письмо заканчивается слѣдующими фразами:

«Мнѣ приходится остаться венериком на всю свою жизнь, и вот я рѣшил продать остатки своих вещей и на вырученные деньги провести вечер в компаніи той проститутки, которая меня заразила, а ночью пустить пулю ей и себѣ. Вѣдь жизнь до этого довела. Подумайте, эта проститутка меня когда-то любила и даже два раза травилась из-за меня. Я ее спасал, а теперь сам отправлю ее на тот свѣт без пересадки».

Письмо датировано тѣм же 8 іюля 1923 года.

*

Странное впечатлѣніе производила вызванная в суд свидѣтельница Сорокина. Маленькое существо с намалеванным лицом, с лживым изгибом рта. То кокетничая, то ломаясь и всхлипывая, она из глубины своего паденія обдавала Дворкина, повидимому по-своему любившаго ее, взглядом нескрываемаго презрѣнія и озлобленія.

Боязнь понести кару занайденныя у нея остатки цѣнностей, похищенных Дворкиным послѣ убійства, вызвали с ея стороны, в цѣлях самообороны, попытки как можно больше очернить его. Она жаловалась на грубость Дворкина, на побои, утверждала, что он ей никогда не нравился, говорила, что он хотѣл ее застрѣлить, не пускал на улицу, а сам в то же время не давал средств на существованіе и довел до отравленія.

Замуж, по ея словам, она за него не собиралась и только боялась его. Она отрицала, что заразила Дворкина и, напротив, утверждала, что Дворкин ее сам заразил.

По ходатайству защиты для обслѣдованія Дворкина

был приглашен эксперт, психіатр Захаров.

Привожу его заключеніе:

«Обвиняемый происходит из еврейской семьи. Отец отличался неровным характером и часто колотил обвиняемого по различным частям тѣла. Повидимому Дворкин выдѣлялся в дѣтствѣ шалостями, судя по его же словам. Один дѣд обвиняемого страдал душевной болѣзнью — маниакально-депрессивным психозом; другой был нѣм.

«Сам Дворкин учился вначалѣ в хедерѣ, затѣм занимался у хозяина, у котораго служил, и сдал экзамен за 6 классов средняго учебнаго заведенія. Затѣм поступил добровольцем в красную армію, но по каким мотивам — Дворкин не сказал.

«Настоящее состояніе. Во время изслѣдованія Дворкин сознателен, правильно ориентирован в окружающем. Настроеніе подавленное, говорит тихим голосом, на вопросы дает часто уклончивые отвѣты, отказывается — потому что не помнит. Бредовых идей нѣтъ. На галлюцинаціи указаній нѣтъ. Со стороны сексуальной сферы — онанизм, который продолжается и теперь.

«По его словам, на лѣвом колѣнѣ рубец сантиметров около двух. Как при изслѣдованіи Дворкина, так и во время процесса приходится отмѣтить наклонность к фантазированію, хвастовству и лжи.

«Развитіе его интеллектуальное ниже средняго, идеи высокаго порядка о долгѣ, самоограниченіи в пользу других мало развиты, неустойчивы, преходящи, в зависимости от окружающих условій.

«В сферѣ чувства отмѣчается грубость, скрытность; настойчивость в области поставленной цѣли, склонность к жестокости, пробѣлы этических понятій; мучает любимую женщину, доводит ее до попытки к самоубійству. Обдумывает послѣднее преступленіе, отличающееся крайней жестокостью, выбирает жертву среди сослуживцев, с которыми ведет дружбу, не сознавая всей низости такого поступка. Тяжелыя соціальныя условія, в которыя по-

ставила его жизнь, способствуют еще большему огрубению и моральному одичанию.

«Последнее время, в связи с неудачами в любви, недостатком средств, неудачами по службѣ, у Дворкина развивается ряд неврастенических симптомов: то безпричинно весел, то тоскует, но постоянно чувствует тревогу, которую пытается залить спиртными напитками.

«На основаніи изложеннаго, обвиняемый Дворкин страдает олигофреніей, проявляющейся в эмоціоанальной тупости. За свои поступки отвѣтствен как в настоящее время, так и в момент совершенія преступленія, но моральныя качества, углубленныя соціальными условіями, являются обстоятельствомъ, уменьшающими его отвѣтственность за совершенное преступленіе».

*

Пренія сторон сводились, главным образом, к оцѣнкѣ психологическихъ причинъ преступленія Дворкина и Махова и к юридическому анализу такового.

Губсуд призналъ обоихъ виновными по 2-й части ст. 184 УК в разбойном убійствѣ бандой и приговорилъ к разстрѣлу.

Верховнымъ судом, по кассационнымъ жалобамъ осужденныхъ, дѣяніе Дворкина и Махова было переквалифицировано по ст. 142 Уг. Код., т. е. в убійствѣ из низменныхъ побужденій, и разстрѣлъ замѣненъ десятью годами лишенія свободы со строгой изоляціей.

ДѢЛО ДВУХ СТУДЕНТОВ

На скамьѣ подсудимых сидѣли два студента-медика 4-го курса московскаго университета, оба из провинціальных еврейских семей. Оба, по отзывам товарищей и профессороф, подавали большія надежды по избранной ими специальности.

Мѣсто же потерпѣвшей занимала дѣвушка 17-ти лѣтъ, с разившимися формами, с безпокойным блеском глаз и порывистыми движеніями. Ей сопутствовала в качествѣ опекуни женщина лѣтъ 30-ти, с рѣзкими чертами лица, энергично отстаивавшая в теченіе процесса не столько моральные, сколько, главным образом, матеріальные интересы дѣвушки.

Дѣвушка это — Фанни Ковнер — в губернскій суд прибыла прямо из психіатрической лѣчебницы, гдѣ содержалась в качествѣ душевно-больной.

Один из студентов, Сикорскій*), высокій, красивый юноша, обвинялся в том, что, зная о душевной болѣзни Фанни, изнасиловал ее у себя на квартирѣ, а другой — Гинцбург, невысокій и невзрачный, — в том, что не оказал ей помощи во время изнасилованія ее товарищем, несмотря на ея мольбы об этом, а потом пытался уговорить сестру потерпѣвшей не возбуждать уголовного дѣла.

Самый факт лишенія дѣвственности душевно-больной Фанни Ковнер не подлежал никакому сомнѣнію, и сам Сикорскій полового сближенія с нею не отрицал.

О наличности же изнасилованія говорило медицин-

*) Фамиліи обвиняемых, потерпѣвшей и свидѣтелей изменены. Дѣло слушалось 7—11 января 1924 г. в московском губсудѣ под предѣдательством зампреда губсуда С. М. Брауде. Обвинял помпрокурора С. Б. Тагер; повѣренным гражданскаго истца выступал член коллегіи защитников Евгенов. Защищали члены коллегіи защитников — Н. П. Орловскій и И. Д. Брауде.

ское освидѣтельствоваіе потерпѣвшей, произведенное через 2—3 суток послѣ событія, установившее свѣжій разрыв дѣвственной плевы, тринадцать ссадин и кровоподтеков на тѣлѣ, свидѣтельствовавших о наличности сопротивленія и борьбы.

Казалось бы, что при таком внѣшнем характерѣ этого случая, разбиравшагося в теченіи пяти дней в судебном засѣданіи московскаго губсуда, он должен был вызвать глубочайшее возмущеніе многочисленной, главным образом студенческой, публики, наполнявшей зал судебного засѣданія.

Однако, собравшаяся молодежь совершенно открыто высказывала свое явное сочувствіе не жертвѣ преступленія, а виновникам его — обоим студентам.

Неоднократно в теченіе процесса предсѣдательствовавшему приходилось сдерживать горячій темперамент молодой публики, вырывавшійся бурно наружу и мѣшавшій теченію судебного слѣдствія.

Причина такого отношенія публики была двоякая.

С одной стороны, явно меркантильный характер выступленія сестры потерпѣвшей, настойчиво перелегавшей потерю дѣвственности дѣвушки на червонцы, ея попытки всячески очернить юношей — обвиняемых, а с другой — аудиторіей не могла не ощущаться выявившаяся в этом дѣлѣ своеобразность положенія, когда налицо имѣлось по внѣшним признакам законченное преступленіе, но без субъективнаго намѣренія на таковое. Иначе говоря, изнасилованіе, как таковое, было налицо и есть его физическіе виновники, но виновники моральные отсутствуют в дѣлѣ.

С такой точкой зрѣнія послѣ длительного судебного слѣдствія согласился и суд, оправдавшій обоих обвиняемых, несмотря на то, что экспертиза, возглавлявшаяся проф. Минаковым и состоявшая кромѣ него и психіатра Аменицкаго и акушера Дубасова, констатировала наличіе данных, свидѣтельствовавших о сопротивленіи потерпѣвшей и о лишеніи ея дѣвственности путем преодоленія этого сопротивленія.

В чем же состояло это своеобразное дѣло?

Поскольку оно разъяснилось в судебном засѣданіи, оно сводилось к слѣдующему.

На квартирѣ у сестры студента Гинцбург собралась молодежь на вечеринку. Среди собравшейся молодежи был студент Гинцбург и потерпѣвшая Фанни Ковнер, до этого друг друга не встрѣчавшіе.

Фанни Ковнер только-что была выпущена из психиатрической больницы, гдѣ она содержалась с перерывами уже нѣсколько раз.

По заключенію экспертов на судѣ, судивших по скорбному листу больницы, и свидѣтельским показаніям лиц, встрѣчавших в тот період Фанни Ковнер, состояние ея душевнаго здоровья тогда настолько улучшилось, что она на окружающих производила впечатлѣніе душевно здоровой, и лишь обнаруживались нѣкоторые признаки психическаго возбужденія и ослабленія волевых задержек.

В это время, по мнѣнію экспертов, «у нее могло появиться стремленіе быть в обществѣ, нѣкоторая развязность и вольность в обращеніи с мужчинами, в связи с усиленіем полового чувства, в связи, вѣроятно, с этими симптоматическими явленіями ея заболѣванія. Маніакальной стадіи душевной болѣзни, которая наблюдается у Фанни Ковнер, часто бывают свойственны внѣшнія проявленія эротизма в рѣчах и поведеніи».

И Фанни Ковнер, как казалось окружающим, дѣйствительно внѣшне вела себя крайне легкомысленно, садилась на колѣни мужчинам, обнималась, вела разговоры на двусмысленныя темы, пыталась цѣловаться и даже ложиться рядом с мужчинами на кровать.

Гинцбург ничего не знал о душевном заболѣваніи дѣвушки, о ея пребываніи в больницѣ и проявленія упомянутаго характера невольно воспринимал, как крайнее легкомысліе, распушенность, и, несмотря на молодость, сексуальную опытность в обращеніи с мужчинами. О том, что перед ним душевно-больная, ему никто не сказал,

да и знала об этом среди собравшихся лишь сестра его, которая не нашла нужным об этом ставить в известность гостей.

В разговорѣ с Фанни Ковнер Гинцбург между прочим упомянул, что он живет в одной комнатѣ с очень интересным и красивым студентом Сикорским.

Фанни Ковнер проявила повышенный интерес к сожителю Гинцбурга, стала о нем подробно спрашивать, просила показать его фотографическую карточку и, наконец, захотѣла непременно с ним познакомиться.

Поздно ночью собравшіеся гости разошлись с вечеринки.

По просьбѣ Фанни, Гинцбург пошел ее провожать.

Пошли вмѣстѣ на Арбат. Проходя мимо одного дома, Гинцбург сказал, что он здѣсь живет. В это время как раз шел дождь, и Фанни согласилась зайти к Гинцбургу в его комнату, чтобы переждать дождь.

Они вошли в комнату, Сикорского дома не оказалось,

Фанни, усѣвшись в кресло, стала разсматривать какую-то книжку в ожиданіи, когда пройдет дождь.

По заявленію Фанни Ковнер слѣдователю и на судѣ, Гинцбург стал насильно ее цѣловать в открытую грудь.

От поцѣлуев на груди у Фанни образовались синебагровые кровоподтеки. По словам же Гинцбурга, Фанни сама завела разговор на тему о Сикорском, о замужествѣ, о любви, а он, находясь под впечатлѣніем предшествовавшей легкости ея поведенія, начал с нею флиртовать, пытаясь ее цѣловать и обнимать. Но так как Фанни реагировала отрицательно на его ласки и все время говорила о своем желаніи познакомиться с Сикорским, он прекратил «свое такое отношеніе к ней».

Вскорѣ пришел Сикорскій. Было уже около 3-х часов ночи... Сикорскій, по его словам, застал странную картину.

Я, — показывал Сикорскій на судѣ, — со двора еще увидѣл, что у меня в комнатѣ свѣтъ, и рѣшил, что мой сожитель, Гинцбург, спокойно спит. Каково же было мое удивленіе, когда, открыв дверь, я увидѣл в освѣщенной

комнатѣ слѣдующую картину: на кровати лежала незнакомая мнѣ дѣвушка в сильно возбужденном состояніи, красная, с нѣсколькими синяками на груди, возлѣ нее сидѣлъ мой сожитель.

«Я смутился, хотѣлъ было уйти ночевать туда, откуда пришел, но был остановлен Гинцбургом, который сказал мнѣ, что находящаяся у нас дѣвушка, Фанни Ковнер, ждет моего прихода. Это вызвало во мнѣ недоумѣніе. Я не мог допустить мысли о том, чтобы чистая, приличная дѣвушка позволила себѣ оставаться в холостяцкой комнатѣ до 4 часов ночи в ожиданіи прихода совершенно чужого ей мужчины только для того, чтобы познакомиться с ним.

«Я задал дѣвушкѣ вопрос, почему она проявляет такой интерес ко мнѣ, вѣдь ранее она меня не видѣла, и получил отвѣтъ, что обо мнѣ ей много говорил мой сожитель Гинцбург и что ей сильно понравилась моя фотографическая карточка; одним словом, я получил массу комплиментов и чуть ли не объясненіе в любви.

«Чувствуя себя утомленным, я рѣшил лечь спать. Какое же было мое удивленіе, когда дѣвушка, только-что познакомившаяся со мною, заявила, что она останется ночевать у нас. Мы легли рядом на кровати (Гинцбург, как всегда, улегся на сдвинутых креслах)».

Далѣе, по словам Сикорского, дѣвушка стала проявлять по отношенію к нему исключительную ласку, и он вступил с нею в физическую близость при полном отсутствіи сопротивленія с ея стороны.

Иначе рисовала случившееся Фанни Ковнер.

В ея нѣскольких показаніях, отличавшихся одно от другого лишь деталями, основное сводилось к слѣдующему.

Она упорно и настойчиво просила Гинцбурга еще до прихода Сикорскаго проводить ее домой; Гинцбург отказывался, ссылаясь на усталость, и уговаривал ее остаться ночевать у него в комнатѣ. Когда пришел Сикорскій, Фанни вновь стала просить обоих студентов проводить ее домой, но в отвѣтъ на это Гинцбург лег спать на сдвину-

тых креслах, а Сикорскій, заперев дверь на ключ и спрятавъ его в карман, лег на кровать и стал убѣждать ее лечь с ним рядом, дав слово, что ничего себѣ не позволит.

Долгое время, по словам Фанни Ковнер, она не соглашалась на это, но потом, утомленная бессонной ночью и не отдавая себѣ отчета в происходящем, легла рядом с Сикорским в постель. Едва Ковнер легла с Сикорским, как он схватил ее в объятія и начал так сильно обнимать и цѣловать, что она не могла от него вырваться.

По объясненію Фанни Ковнер, на ней было одно легкое платье.

Во время завязавшейся борьбы с Сикорским Ковнер вмѣстѣ с ним и матрацем скатилась с кровати на пол.

Сикорскій вскочил — затѣм лег на нее, придавил ее всѣм своим тѣлом и изнасиловал ее.

Во время паденія на пол Ковнер схватила за ногу лежавшаго рядом на креслах Гинцбурга, притворившагося спящим, пыталась его разбудить и кричала: «Посмотрите, что со мною дѣлает ваш товарищ», — на что Гинцбург лишь замѣтил: «Яша, ты за это заплатишься, как ты смѣешь так поступать», и снова притворился спящим, не оказав ей никакой помощи.

Потерпѣвшая утверждала на судѣ, что она тогда не отдавала себѣ отчета во всем происшедшем, тѣм болѣе что была до этого невинной дѣвушкой и не представляла себѣ, как происходят половыя сношенія.

Утром, разбудив Гинцбурга, она просила проводить ее домой, при чем, якобы, по совѣту обоих студентов, утром же зашла предварительно к сестрѣ Гинцбурга и просила ее сказать, если о ней будет справляться ее сестра, что она провела эту ночь у нее.

Впослѣдствіи, однако, старшая сестра Фанни Ковнер, выясняя причину отсутствія ее в теченіи цѣлой ночи из дома, постепенно добралась до истины и возбудила против обоих студентов уголовное дѣло.

Обвиняемый Гинцбург утверждал, что когда пришел Сикорскій, он познакомил ее с Ковнер, а сам лег на кресла и, будучи сильно утомленным, вскорѣ заснул, спал крѣп-

ко, и что происходило в комнатѣ, — ему совершенно неизвѣстно.

Проживавшіе в той же квартирѣ свидѣтели показали, что ни шума, ни криков о помощи, ни какой-либо возни в теченіе ночи из комнаты студентов не слышали.

На судѣ потерпѣвшая, инспирированная, повидимому, своей старшей сестрой, проявляла крайнюю агрессивность в отношеніи обоих обвиняемых, прерывала криками «ложь» их показанія, рассказывала о самых интимных подробностях происшедшего с нею несчастья и производила на окружающих странное, гнетущее впечатлѣніе, вызывая к себѣ глубокую жалость и в то же время недовѣріе к своим слишком уж подробным и, как казалось, надуманным показаніям.

Эксперты, освидѣтельствовавшіе Фанни Ковнер, дали слѣдующее заключеніе о ее состояніи в момент судебного разбирательства:

«В настоящее время г-ка Ковнер находится в относительно уравновешенном состояніи. Отмѣчаются, однако, черты наивности, инфантильности психики, черты душевной расщепленности и нѣкоторой раздвоенности, выражающейся, с одной стороны, в повышенной чувствительности к обстоятельствам маловажным и, с другой стороны, в равнодушіи по отношенію к болѣе существенным моментам, в сочетаніи активности, порывистости с легкой внушаемостью и подчиняемостью чужому влиянію.

«Душевная болѣзнь Ковнер началась и протекает в общем независимо от происшествія 3 сентября, но различные тяжелыя обстоятельства жизни Ковнер (в том числѣ и послѣднее происшествіе) могут вліять на характер и проявленія болѣзни, не предопредѣляя ее теченія и исхода».

В то же время эксперты замѣтили, что болѣзни Фанни свойственна в извѣстных періодах склонность к извращенію фактов, к грезоподобным представленіям о дѣйствительности и к вымыслам, исходящим из больной фантазіи.

*

Губсудом в приговорѣ по данному дѣлу сказано слѣдующее:

«Г-ка Ковнер, утомленная разговорами с Гринцбургом и ожиданіем прихода Сикорскаго, будучи в болѣзненном и напряженном состояніи, не отдавая себѣ отчета в послѣдствіях от совмѣстнаго пребыванія с мужчиной в одной кровати, не оказала достаточно энергичнаго сопротивленія Сикорскому, ограничившись инстинктивной самозащитой дѣвушки, не понимающей значенія совершаемаго.

«Сикорскій же, полагая, что имѣет дѣло со здоровой дѣвушкой, заинтересованной им, как женщиной, и, не встрѣчая энергичнаго сопротивленія, подошел к ней, как к женщинѣ, желающей вступить с ним в половую связь».

Таким образом, насилія в дѣйствіях Сикорскаго по отношенію к Ковнер судом не установлено.

*

Оба студента, как указано выше, были оправданы.

С тревожными мыслями ѣхал я в институт имени Сербскаго для бесѣды с содержавшимся там на испытаніи портным Іоновым; Іонов*) обвинялся в необычайно жутком преступленіи — в том, что обдуманно и холодно, заведя обманом своих сыновей Александра 10 лѣт и Виктора 13 лѣт к отдаленному берегу рѣки Яузы, утопил их там обоих в рѣкѣ.

Сомнѣній в том, что Іонов виноват, у меня послѣ прочтенія обвинительнаго акта и слѣдственнаго матеріала было мало. Улики были полными, и безчеловѣчность преступленія рождала лишь мысль, что такой необычайный преступник не может быть нормальным, и пребываніе его в психіатрической лѣчебницѣ на испытаніи вряд ли закончится признаніем его вмѣняемым.

Я предъявил ордер на свиданіе с арестованным.

В дежурную комнату ввели среднемо роста и средних лѣт человека, одѣтаго в больничный халат, с туповатым лицом и безразличным взглядом. Я назвал себя и, объяснив цѣль, ради которой я пріѣхал, задал Іонову нѣсколько вопросов по существу предъявленнаго ему обвиненія.

Не глядя на меня и как-то уж очень тихо Іонов сказал мнѣ:

— Ни в чем я не виноват, все это жена на меня со злاناговорила, потому жили мы с нею как собака с палкой. Добром моим небось хочет завладѣть.

На вопрос — гдѣ же все же сыновья — Іонов отвѣтил:

*) Дѣло это слушалось в московском губернском судѣ 19—20 декабря 1924 г. под предсѣдательством члена губсуда Э. К. Сината. Обвинял зам. губпрокурора Б. Я. Арсеньев, защищал член коллегіи защитников И. Д. Брауде.

— Придут они, не пропадут: ребята озорные, они и раньше по недѣлям из дома пропадали.

Затѣм путанно и длинно стал рассказывать исторію своих взаимоотношеній с женой и послѣдняго его свиданія с сыновьями.

Уходя из института, я встрѣтил наблюдавшаго Іонова доктора Введенскаго, который разсѣял послѣднія мои сомнѣнія по поводу нормальности душевнаго состоянія Іонова.

Он сообщил мнѣ, что хотя Іонов и обнаруживает некоторую умственную недостаточность, выражающуюся в «бѣдности обиходнаго мышленія», но в отношеніи к инкриминируемому дѣянію он все же является безусловно вмѣняемым.

*

Дня через три я сидѣлъ уже на скамьѣ защиты, впереди Іонова.

Началось слушаніе дѣла. Главной обвинительницей Іонова явилась его жена, тщедушная, преждевременно состарившаяся женщина, с лицом, носившим слѣды усталости и безысходнаго горя. С ненавистью смотря на скамью подсудимых, она нѣсколько истерически, с выкриками начала:

«Мальчиков моих убил мой муж... Он сам мнѣ в этом сознался...»

И пошелъ неровный, прерываемый рыданіями, рассказ.

15 лѣтъ тому назад обвинчались Іоновы. 8 лѣтъ они жили хорошо, «как всѣ живут», а потом Іонов попадает на гражданскую войну. Проходит нѣсколько лѣтъ. Раненный и освобожденный от военной службы, он возвращается в Москву, но уже совмѣстной жизни с женой не продолжает. Он сближается с нѣкоей Евдокіей, поселяется с нею как с женой и вскорѣ приживает с нею сына.

Сыновей от Натальи, от перваго брака, он совершенно забывает. Несчастливая женщина мучается, изнуряя

себя на поденной работѣ, живет впроголодь, но всѣ просьбы, обращенныя к мужу, о помощи, остаются без отвѣта. Он чужд и ей и дѣтям и всю любовь, ласку и заработок отдает цѣликом своей второй семьѣ.

На всѣ просьбы жены Ионов, по ея словам, отвѣчает: «На что ты мнѣ... Как хочешь, так и живи».

Дважды предъявляет к нему Наталья в теченіе нѣскольких лѣтъ иск об алиментах, получает исполнительные листы, но Ионов ловко увиливает от своих обязательств, и семья голодает попрежнему.

Умирает Евдокія. Ионов остается с двухлѣтним сыном на руках. Через нѣкоторое время, неожиданно для Ионовой, муж предлагает ей перейти к нему в дом с сыновьями. Измученная женщина, служившая в это время уборщицей на желѣзной дорогѣ, едва перебивавшаяся с дѣтьми, соглашается на предложеніе мужа. Была вѣра, что наладится прежняя жизнь и возстановится разрушенная семья.

— Но только первый день, — с горечью в голосѣ рассказывает Ионов суду, — как я переселилась к нему, он со мною жил по-хорошему, а там пошло такое, что лучше бы не начиналось сызнова, а жили бы, как восемь лѣтъ, врозь.

Уже вскорѣ, рассказала далѣе Наталья, муж ее встрѣтил в домѣ своей сестры молодую дѣвушку Серебрякову, служившую прислугой, и начал за нею ухаживать. Серебрякова уѣхала в Моршанск, и ребенка своего от брака с Евдокіей Ионов отвез к ней. Дѣти же Александр и Виктор воспитывались в дурных условіях. Мать работала не покладая рук, отец вѣчно отсутствовал, а когда встрѣчались дома, начинались попреки, ругань и скандалы. На мальчиков Ионов не обращал вниманія. Предоставленные самим себѣ, они фактически воспитывались на улицѣ, свѣли знакомство с уличными мальчишками и постоянно озорничали. Старшій мальчик был даже нѣсколько раз уличен в кражѣ денег и исчезал неоднократно из дома на 2—3 дня.

Однажды — было это 7 апрѣля 1924 года — Наталья Іонова вернулась поздно домой и не нашла ни мужа, ни дѣтей. Почему-то встревожась, она стала их поджидать. Муж вернулся в необычно позднее для него время, был разтерян, взволнован, срывался голос, дрожали руки. На вопрос жены: гдѣ дѣти, — Іонов объяснил, что днем дѣти похитили у него 15 рублей и он пошел их искать; встрѣтив дѣтей у Виндавскаго вокзала, он стал требовать у них возвращенія ему денег, но мальчики отвѣтили, что деньги они передали своему товарищу, находящемуся на Сухаревкѣ. Тогда Іонов пошел вмѣстѣ с дѣтьми на Сухаревку, но когда он зашел в уборную, дѣти от него убѣжали.

Полагая, что дѣти вернутся, Іонова успокоилась; но проходил день за днем, а дѣти не возвращались.

Іонова тревожилась все сильнѣе и сильнѣе и все время дѣлилась своим безпокойством с мужем. Тот или отмалчивался, или лаконически отвѣчал: «вернутся».

Однажды ночью супруги долго не спали. Іонов лежал и тяжело вздыхал; Іонова плакала и говорила об отсутствовавших дѣтях, высказывая опасенія, не постибли ли они.

Неожиданно Іонов сѣл на лавку и, по словам жены, сдѣлал ей слѣдующее признаніе:

Сыновей своих «сгубил» он сам, и произошло это при слѣдующих обстоятельствах. Дѣти, дѣйствительно, утащили у него деньги, и он рѣшил от них отдѣлаться. Встрѣтив их у Виндавскаго вокзала, Іонов повез их на трамваѣ к Москвѣ-рѣкѣ, намѣреваясь их в ней утопить, но там «духу не хватило» и «руки не поднялись». Тогда он снова посадил их на трамвай и повез в село Черкизово к рѣкѣ Яузѣ. Здѣсь он предложил мальчикам посмотрѣть в воду на плавающую рыбу, и когда дѣти нагнулись к водѣ, Іонов, подойдя к ним сзади, толкнул их в воду. Когда старшій мальчик стал выплывать и кричать, Іонов «бросил в воду камень и сказал, чтобы сыновья не кричали, убѣждал от дѣтей, и что было дальше не знает».

Дальше Іонова рассказала, как в іюлѣ 1924 года ей в Лефортовском моргѣ предъявили останки человѣческа-

го тѣла, без головы, рук и верхней части туловища. Ионов тогда же заявила, что узнает уцѣлѣвшій на трупикѣ кожаный сапог, который принадлежал ее старшему сыну Виктору, и узнает она его по уцѣлѣвшей на подошвѣ заплатѣ. Узнала она также и чулок, найденный на трупѣ, так как она сама этот чулок работала и цвѣтныя нитки для чулка сама покупала. Еще на слѣдствіи по словам Ионовой (и как видно было из данных дѣла), Инова представила часть новаго, связаннаго ею из такого же матеріала, чулка.

«Это были останки моего мальчика, моего старшаго сына», — закончила рассказ, беззвучно плача, Инова. Ионов сидѣлъ понуривъ голову и безучастно глядѣлъ вниз.

Начался длительный перекрестный допрос. И суду и сторонам было ясно, что каковы бы ни были другія обстоятельства дѣла, корень его в показаніях Ионовой, от оцѣнки которых зависит исход дѣла. Инова упорно настаивала на том, что на слѣдствіи и на судѣ она показывает чистую правду.

«Убійца дѣтей, — он, отец...» — в упор отвѣтила она на один из моих вопросов.

Я попросил суд огласить всѣ показанія Ионовой на дознаніи и предварительном слѣдствіи. В основном они говорили одно и то же, но в дѣтальных рассказах о сознаніи мужа в убійствѣ были значительныя различія. Я обратил вниманіе суда на то обстоятельство, что в каждом новом показаніи Ионовой появлялись новыя подробности, не упоминавшіеся в предшествовавшем. Я задал вопрос Ионовой — чѣм объяснить эти новыя моменты в каждом из ея новых показаній. Инова отвѣтила стереотипной разой:

«Я запугалась у слѣдователя».

— Но каковы были мельчики, — был задан вопрос Ионовой: — запуганные, боязливые?

— Да нѣтъ, — раздался отвѣтъ, — чего там... шустрые, не приведи Господи, прямо ловкіе, живые ребята.

Сам Ионов на вопросы суда отвѣчал так же понуро и безучастно, как говорил со мною в институтѣ имени Сербскаго.

Жена говорит на него напраслину.

Разказав о его взаимоотношеніях с Натальей, он указывает, что послѣ смерти Евдокии он взял свою прежнюю жену в качествѣ «прислуги», чтобы она охраняла его дѣтей; не скрывает, что относился к ней недружелюбно, но дѣтей своих любил. О пропажѣ дѣтей разказывает кратко: дѣти стащили 15 рублей, он пошел их искать и нашел на 1-й Мѣщанской у трамвайной остановки; он обыскал дѣтей и отнял от них 15 рублей, а затѣм отправился на Сухаревку за прикладом.

Дальше на вопросы сторон Іонов подробно разказывает, гдѣ и как он провел этот вечер вплоть до возвращенія домой, ссылаясь на свидѣтелей.

Іонов закончил свои показанія.

С горящими глазами вскочила жена его со свидѣтельской скамьи и, подбѣжав к скамьѣ обвиняемых, истерически закричала:

— Он, он убійца... он, проклятый душегуб!

С трудом удалось успокоить несчастную.

Допрашивается ряд второстепенных свидѣтелей по вопросу о времяпровожденіи Іонова в день пропажи мальчиков. Свидѣтели в общем подтверждают ссылки на них Іонова, хотя расходятся в нѣкоторых деталях. Въмѣстѣ с тѣм, однако, спросом свидѣтелей опредѣленно устанавливается, что отношенія Іонова к Серебряковой выходили за предѣлы чистаго знакомства и свидѣтельствовали повидимому о намѣреніях Іонова жениться на ней. Сам Іонов на вопрос, заданный ему по этому поводу прокурором, не отрицает, что у него было желаніе вступить в брак с Серебряковой, но в интимных отношеніях с нею он не находился. Своего маленькаго сына от второй жены, Алексѣя, он дѣйствительно нѣкоторое время держал у Серебряковой в Моршанскѣ.

Наступает самый тяжелый момент процесса: Іоновой предъявляются вещественныя доказательства — часть одежды, кожаный сапог и остатки чулка, найденные на трупикѣ, извлеченном из Яузы. Іонова, шатаясь, рыдая говорит:

— Его... моего сыночка... вещи...

Допрашивается прозектор Лефортовскаго морга д-р Симановскій; он дает заключеніе о том, что остатки трупа, извлеченнаго из Яузы, происходят от мальчика в возрастѣ 10—12 лѣтъ и находились в водѣ около 3—4 мѣсяцев; недостающіе части трупа могли быть или отбѣдены раками или в період разложенія отдѣлились, зацѣпившись за какой-либо острый предмет.

На вопросы защиты эксперт устанавливает, что в період времени, когда обнаружен был дѣтскій трупик, рѣка Яуза, как это видно из опыта Лефортовскаго морга, дает очень большое количество трупиков дѣтей приблизительно этого же возраста, погибающих от собственной неосторожности.

Судебное слѣдствіе закончено.

Между прокурором и защитой начались страстные пренія. Прокурору вопрос о виновности Іонова в убійствѣ дѣтей представлялся не вызывающим сомнѣній. Налицо имѣлись показанія жены обвиняемаго, обстоятельно и подробно уличавшей мужа в невольном признаніи, сдѣланном им ночью. «Так выдумать нельзя», — говорил прокурор.

С другой стороны, несомнѣнный фактъ исчезновенія мальчиков, невозвращеніе их до сего времени в теченіе болѣе чѣм трех мѣсяцев и, наконец, остатки трупа с опознанными на нем частями одежды старшаго мальчика уничтожают послѣднія сомнѣнія в том, что оба мальчика погибли в рѣкѣ.

Налицо и мотивы. Іонов ненавидит свою первую жену и не любит дѣтей от перваго брака. Продѣлки мальчиков и мелкія кражи вызывают у него озлобленіе против них. Всю нѣжность и любовь переносит он на мальчика от втораго брака; желанную мать для него видит он не в Натальѣ, с которой он даже не оставляет сына, а в Серебряковой, жениться на которой собирается. В этом стремлѣніи соединиться с Серебряковой, к которой он уже заранѣе отвозит в Моршанск сына, помѣхой, конечно, являлась его первая семья, поглощавшая его матеріаль-

ныя средства и вызывавшая невольныя заботы о ней. Преступленіе не только совершено Іоновым, но совершенно обдуманно, по опредѣленному холодному мотиву.

Защита стояла на другой точкѣ зрѣнія.

Как ни подходить к данному дѣлу, но всѣ улики имѣют одно происхожденіе — показанія Іоновой, и только повѣрив им, без критики и скептицизма в основном, можно на вѣру принять и всѣ остальные улики по дѣлу.

А между тѣм, можно ли вѣрить Іоновой, несомнѣнно истеричной, замученной и безконечно обиженной мужем женщинѣ? Вся жизнь ея — непосильный труд, одиночество и оскорбительное, издѣвательское отношеніе мужа. В теченіе многих лѣтъ Іонова испытала на себѣ возмутительное отношеніе к ней Іонова и как мать, и как жена, и как хозяйка, имѣвшая право на распоряженіе общим домом. То, что под вліяніем всего этого сложилось в ея душѣ, носит характер глубоко болѣзненный, несомнѣнно патологическій, неоднократно выявившійся в ея повѣдѣніи на судѣ.

Она истеричка; психіатрія знает этот тип истеричек, у которых возникают навязчивыя представленія и идеи, постепенно вырастающія в полную увѣренность, в незыблемость картины, созданной больной фантазіей. Из сравненія показаній Іоновой, данных ею в разное время, легко прослѣдить, как по мѣрѣ роста в ней увѣренности в винѣ мужа в исчезновеніи дѣтей появляются все новыя и новыя подробности картины их смерти, навѣянные истерической фантазіей.

И сам рассказ нежизнен и неправдоподобен. Если предположить, что Іонов мог совершить это кошмарное убійство так холодно и, как мыслит прокурор, обдуманно, то трудно допустить, чтобы он, вопреки простому инстинкту самосохраненія, рассказал о подробностях убійства нелюбимой женѣ, ненависти которой к себѣ не мог не осознавать.

И сама картина убійства, нарисованная Іоновой, с точки зрѣнія технических подробностей глубоко неправдоподобна. Как можно допустить, чтобы два шу-

стрых и ловких мальчика дали себя столкнуть в рѣку и при попыткѣ выплывать, лишь при одном окрикѣ отца, перестали бы бороться за жизнь. Еще труднѣе допустить, чтобы мальчики этого типа, только-что разруганные отцом за кражу, ѣздили бы с ним, без крика и стрѣмленія удирать, от одной рѣки к другой, не заподозрив дурного.

Исчерновѣніе мальчиков, конечно, не подлежит сомнѣнію, но кто поручится, что они не раздѣлили судьбы сотен и тысяч безпризорных дѣтей, кадры которых состоятъ не только из сирот, но в значительной мѣрѣ и из дѣтишек, отбившихся от родительскаго дома. Свидѣтельскими показаніями установлено, что мальчики, напроказив, и прежде ударили из дому на извѣстные промежутки времени. Дурное обращеніе отца с дѣтьми и обнаруженіе кражи денег, а возможно и угрозы отца по адресу дѣтей, у которых в сущности отца не было, могли быть поворотным моментом, чтобы заставить их начать скитальческую и, быть-может, в их глазах привольную безпризорную жизнь.

Наконец, трупик, найденный в Лузѣ, послѣ сообщенія эксперта, что такіе трупики в этот же період сотнями вылавливаются из Лузы, серьезнаго значенія, как уличающее обстоятельство по дѣлу, имѣть не может. Опознаніе же его матерью имѣет тот же характер, как и всѣя показанія по дѣлу.

*

Приговором суда Іонов был оправдан.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖУТЬ

Это было в Коломнѣ, в выѣздной сессіи московскаго губсуда.*)

На скамьѣ подсудимых в судорогах билась молодая тщедушная женщина с миловидными чертами лица.

Объявили перерыв. Она выпила воды и немного успокоилась.

Суд и стороны осторожно, боясь вызвать новый припадок, продолжали допрос Елены Россійской, обвинявшейся в том, что «27 мая 1926 года, около 3 часов утра, разрѣшившись от бремени живым доношенным ребенком мужскаго пола, умышленно лишила его жизни путем воспрепятствованія дыханію такового». Маленькая женщина на вопросы о том, отчего умер ребенок, тихо и нерѣшительно отвѣчала:

— Должно захлебнулся в тазу.

На вопрос же о том, кто отец ея ребенка, с несвойственной ея внѣшнему виду твердостью и гнѣвным блеском в глазах отвѣчала:

— А вам пошто? Он далеко и не к чему мнѣ называть его.

Был ли это страх за любимаго, было ли какое-либо другое, неразгаданное участниками процесса, побужденіе, но до конца так и не назвала Россійская имени того человѣка, который был в сущности подлинным моральным виновником и смерти ребенка, и ея тяжелых переживаній.

Началось судебное слѣдствіе.

Дѣла о дѣтубійствах под вліяніем тяжелой семейной

*) Дѣло слушалось в г. Коломнѣ, в выѣздной сессіи московскаго губернскаго суда, 11 октября 1926 г. под предсѣдательством члена губсуда Э. К. Сината. Обвинял пом. прокурора Еремин, защищал И. Д. Брауде.

обстановки десятками проходят перед выѣздными сессіями губсудов, но было нѣчто в этом дѣлѣ, потрясшее и суд, и стороны, — это жуткая обстановка, на фонѣ которой произошло преступленіе.

Елена Россійская — дочь середняка - крестьянина. Мать ее умерла нѣсколько лѣтъ назад. Отец, слабохарактерный и тихій челвоѣкъ, женился на молодой вдовѣ Еленѣ Ивановнѣ.

Мачеха с первых же дней не влюбила Елену; пошли попреки, придирки, шагу не давала мачеха ступить падчерицѣ без ругани или колких замѣчаній; заставляла работать не покладая рук, всю черную работу взвалила на нее и постоянно упрекала в дармоѣдствѣ.

У мачехи была сестра Анна Грибанова, потерявшая мужа и не имѣвшая опредѣленнаго пристанища. Большую часть года она проводила в семьѣ своей сестры, и тогда мачеха особенно остро придиралась к падчерицѣ, стараясь скандалами выжить ее из дома.

Слабохарактерный отец, к которому иногда обращалась Елена с жалобами, больше отмалчивался.

Елена, усталая и измученная тяжелой работой, по ночам одиноко плакала в чуланѣ при домѣ, гдѣ обычно спала.

Глубокое одиночество, потребность в ласкѣ и участіи, повидимому, были основной причиной того, что она вся цѣликом ушла в чувство к одному из рабочих завода, находившагося в нѣскольких верстах от деревни.

Любовники видѣлись тайком, крадучись от мачехи и деревенских сплетниц.

Елена забеременѣла.

Боязнь, что мачеха ее засмѣет и опозорит на всю деревню, и чувство ложнаго стыда привѣли замкнутую, тихую дѣвушку к тому, что она стала скрывать свою беременность.

Елена затягивалась в корсет и, надрываясь, продолжала выполнять тяжелую крестьянскую работу.

В деревнѣ никто не знал о беременности Елены, но наблюдательная, хитрая мачеха уже вскорѣ разгадала

тайну падчерицы, рассказала об этом своей сестрѣ и вмѣстѣ с нею напряженно и пытливо стала наблюдать за Еленой.

Наступили роды. Наканунѣ родов Елена возвращалась с Грибановой со станціи Воскресенское. Неожиданно почувствовала схватки, едва дошла домой и легла у себя в чуланѣ.

Около 4 часов утра мачеха вышла из избы выгнать корову на пастбище. Проходя мимо чулана, она услышала доносившійся оттуда плач ребенка.

«Я, — говорит мачеха, — приоткрыла дверь и тихонько взглянула в чулан. Голенькій ребенок лежал на полу и тихо кричал. Мать его сидѣла над ним и что-то с ним дѣлала. Я сразу догадалась, что она кончает с ребенком, и закричала:

— Елена, что ты дѣлаешь, перестань! — а Елена в отвѣтъ: «не твое дѣло».

Дальше свидѣтельница показала, как в сильном волненіи и испугѣ она выбѣжала из чулана и, рыдая, рассказала своей сестрѣ Грибановой, что у Елены родился мальчик и она его убивает.

«Я голосом кричала: его не нужно душить, не нужно душить!»

Грибанова также пошла в чулан и, по ея словам, увидѣла, что Елена Россійская сидит на полу: «перед нею лежит голенькій ребенок, она лѣвой рукой держит его за шею, а правой из чайника непрерывно льет воду в рот и нос ребенка. Глаза у ребенка были открыты, и он все время кричал. Я закричала Еленѣ: «что ты дѣлаешь?» Она мнѣ ничего не отвѣтила. Тогда с ужасом, не помня себя, я выбѣжала из чулана и побѣжала к отцу Елены, Сергѣю Россійскому, и закричала ему: «как вам не стыдно, что же вы дѣлаете, вѣдь Елена заливает водой ребенка». А он отвѣтил мнѣ: «дѣло это не ваше; Елена — мать ребенку, что хочет, то и дѣлает».

Затѣм и мачеха и Грибанова на судѣ утверждали, что они легли спать, но заснуть не могли, так как крики ребенка и стоны его продолжали нестись из чулана.

Через нѣкоторое время Елена вошла с ребенком в комнаты, спустилась с ним в «подпол», и оттуда опять начали раздаваться крики ребенка.

«Тогда, — говорили сестры, — мы не выдержали этого ужаса, убѣжали в сад и расположились спать в сарайчикѣ».

Через нѣкоторое время мачеха пошла домой, чтобы поставить самовар, но, вернувшись обратно, заявила, что она ничего не может дѣлать, так как ребенок все еще пищит в подполѣ, и попросила Грибанову выгнать Елену из подпола с ребенком. Грибанова подошла к входу в подпол и кричала Еленѣ, чтобы она ушла оттуда. Елена с ребенком ушла в чулан.

В 6 часов вечера ребенок был мертв.

Между показаніями обвиняемой и показаніями мачехи и золовки было глубокое и непримиримое противорѣчіе.

Показаніе Елены в общем сводилось к слѣдующему:

Елена утверждала, что ребенка она не душила. Почувствовав приближеніе родов, она пошла в сарай, гдѣ и родила, при чем во время родов от боли потеряла сознание.

«Очнувшись, — говорит Елена, — я перевязала ребенку пуповину, вымыла его и, принеся в чулан, положила на кровать. Я боялась сказать о своей беременности отцу и скрывала ее от мачехи и ея сестры, потому что онѣ и так выживали меня из дому. Поэтому мнѣ никто не помогал, когда я рожала. Мнѣ было очень больно, и я была как во снѣ. Ребенок родился живой.

«Ребенка я родила таким образом. Я встала в сараѣ на пол, а между ног поставила таз и ребенка родила прямо в таз. Потом я замыла всѣ слѣды, чтобы не было никаких пятен.

«В убійствѣ я не виновата.»

«Я собиралась подкинуть ребенка, если он будет живой, на ст. Воскресенское. Ни «в подпол» я с ним не ходила, ни в рот ему не лила, а помер он, навѣрное, от того что захлебнулся в тазу. Помер он тут же сразу, а вовсе

не вечером. Послѣ того, как я вынула ребенка из таза, он еще дышал. Я взяла его из таза, вымыла, очистила рот и нос, положила на кровать, взглянула — а он уже мертвый. Тогда я зарыла его в том же саду, гдѣ был сарай.

«Крови в тазу было очень много, а кромѣ таза больше нигдѣ крови не было, так как я все время стояла нагнувшись над тазом. Потеряв сознание, я упала вперед на таз, а когда очнулась, то таз был подо мною; ребенок и «мѣсто» были в тазу. Пуповину ребенка я перевязала там же, в сараѣ, а все, что было в тазу, закопала во дворѣ в навозѣ.

«Все, что рассказывает мачеха и ея сестра, это неправда. Онѣ для того и донесли на меня, чтобы выжить из дому и сидѣть в тюрьмѣ.»

Защита поставила обвиняемой вопрос — не было ли такого момента, чтобы она оставила ребенка одного в чуланѣ.

Из отвѣта обвиняемой выяснилось, что когда она из чулана ушла замывать кровяныя пятна в сараѣ и закапывать содержимое таза, ребенок в чуланѣ оставался один.

На вопрос защиты о том, когда она замѣтила, что ребенок мертвъ, до ухода из чулана в сарай или послѣ возвращенія, — Елена увѣренно объяснила, что когда она уходила из чулана в сарай, ребенок был жив и дышал; когда она возвратилась, ребенок был уже мертвъ.

«А видѣли ли вы в то время, когда находились в чуланѣ с ребенком, мачеху и ея сестру, и были ли в дѣйствительности разговоры, о которых они здѣсь показывали?»

Елена, открыто и просто смотря своими большими глазами на суд, так же увѣренно и опредѣленно заявила:

«Все это онѣ неправду показывают. Когда я была в чуланѣ, никого из них я не видѣла, и никто из них со мною не разговаривал».

В виду выдвинутых подсудимой предположеній о

том, что ребенок мог захлебнуться в тазу в крови, этот вопрос был поставлен на разрѣшеніе эксперта.

Заключеніе его в этой части было слѣдующее:

«Я утверждаю, что ребенок не мог захлебнуться кровью, так как должен был лежать в тазу не ничком, а навзничь, а если бы лежал ничком в большом количествѣ крови, и крови должно было быть много, то он захлебнулся бы и был бы мертв, но он оказался живым и при вскрытіи у него не было обнаружено крови ни в легких, ни в желудкѣ. Воды у ребенка ни в легких, ни в желудкѣ не оказалось. Кровоподтеки на носу у ребенка прижизненнаго происхожденія и указывают на давленіе при задушеніи. Смерть ребенка, рожденнаго Еленой Россійской, послѣдовала от воспрепятствованія дыханію или от задушенія».

Перед сторонами в преніях встал большой сложный вопрос — отчего же умер ребенок?

Если вѣрить мачехѣ и ея сестрѣ, виновность Елены не подлежала сомнѣнію.

Но вѣрить им полностью без колебаній вряд ли представляется возможным. Нѣнависть, которую онѣ проявляли к Еленѣ еще при жизни ее в домѣ отца, и звѣриная злоба, ясно ощущавшаяся на судѣ в каждом звукѣ их голоса, заставляли относиться с чрезвычайной осторожностью к их показаніям.

С другой стороны, онѣ сами, если основываться на их показаніях, рисуют картину такого безчувственнаго, нечеловѣческаго отношенія к участи ребенка, котораго, по их показаніям, убивали на их же глазах, что психологически трудно им повѣрить.

В то же время нельзя было не отмѣтить того обстоятельства, что, по показанію мачехи и сестры, Елена удушила ребенка путем вливанія воды в нос и рот, в то время как по заключенію эксперта ни в желудкѣ, ни в легких воды не оказалось; между тѣм, казалось бы, остатки жидкости должны были быть в них обнаружены.

Защита, разбирая возможные причины смерти ребенка и анализируя каждую из них, не могла не выдвинуть и слѣдующей версіи.

Мотивы для удушенія ребенка, конечно, могли быть и у Елены, жившей в исключительно тяжелой семейной обстановкѣ, но мачеха и ея сестра, с опредѣлившимися на судѣ чертами их характера, с неменьшим ужасом должны были ожидать появленія на свѣт ребенка, который тотчас же послѣ рожденія становился полноправным членом семьи, имѣвшим свою долю в землѣ и хозяйствѣ.

Их не могло не тревожить, что заботы и матеріальные траты отца Елены должны были частью перейти и на этого ребенка уже с самого его рожденія.

Мачеха, которая сама ожидала появленія первенца от брака с Россійским и втайнѣ мечтала, что ея безработная сестра займет в домѣ мѣсто ненавистой падчерицы, имѣла при данных условіях не меньше основаній желать смерти ребенка, чѣм Елена, вынужденная к этому лишь своим несчастьем, коему в жертву принесла материнское чувство.

И если допустить искренность Елены, когда она показывает, что мачехи в чуланѣ не видѣла и что был промежуток времени в момент пребыванія ее в сараѣ, когда ребенок оставался один, то вполне послѣдовательным является вывод, что мачеха, идя выгонять корову на пастбище, мимоходом зашла в чулан в отсутствіе Елены.

Схватить ребенка, зажать ему носик или накрыть его подушкой — дѣло нѣсколько секунд.

Обстановка, с точки зрѣнія защиты, была такова, что вызывает одинаковыя подозрѣнія как против Елены, так и против мачехи.

*

В приговорѣ по этому губернской суд, указав на тяжкую обстановку жизни подсудимой, на стремленіе ее родить ребенка тайно, далѣе устанавливает:

«Роды наступили ранним утром 27 мая 1926 года. Перевязав ребенку пуповину и обмыв его (родился мальчик), обвиняемая отнесла его на свою постель, убрала слѣды в сараѣ и пришла у ребенка отдохнуть. Ребенок был живой. В это время открылась дверь, и на порогѣ появилась мачеха. Тайна подсудимой была разоблачена. Подсудимая была потрясена предстоящим позором, сулившим, по ея понятіям, ужасы жизни впереди. На молчаніе мачехи и согласіе подкинуть — она не могла рассчитывать.

«Мачеха с криком убѣжала. В момент появленія мачехи, в момент обнаруженія тайны, когда будущее сулило ей вмѣстѣ с позором невозможныя условія жизни в домѣ мачехи с ребенком, она рѣшила убить ребенка по возможности так, чтобы не было явных слѣдов насильственной смерти. Она хотѣла литьем воды в нос и рот удушить ребенка.

«Мачеха — женщина, по развитію стоящая на голову выше окружающей среды, — понимала, что подсудимая в данных условіях способна убить, и она сразу же подняла крик, что ребенка душат. Этот крик услышали муж и сестра. Сестра пошла убѣдиться, кончен ли ребенок, и пришла как раз в момент, когда подсудимая пыталась водой удушить ребенка, и этому способу помѣшала. Ушла Грибанова, и подсудимая, желая скорѣе покончить с ребенком, чѣм-то закрыла ему рот и нос, от чего ребенок умер.

«У ребенка оказались на лицѣ слѣды насильственной смерти, но установить, каким именно приѣмом подсудимая покончила с ребенком, судебному слѣдствію не представляется возможным, так как очевидцев не было, а подсудимая молчит».

Преступленіе предусмотрено ст. 142 УК, а посему суд приговорил гр. Елену Россійскую к лишенію свободы со строгой изоляціей сроком на 8 лѣт без пораженія в правах, с зачетом предварительнаго заключенія с 7 іюня 1926 года.

Учитывая, что подсудимая совершила преступление вследствие исключительно тяжелых бытовых условий, создавшихся благодаря жестокому отношенію к ней родных, суд опредѣлил срок лишенія свободы понизить до 1 года.

Принимая во вниманіе, что мачеха и ея сестра были при жизни ребенка убѣждены в том, что мать его убьет; что о цѣлом рядѣ дѣйствій матери, направленных к убійству, с их слов знал и отец подсудимой; что никто из трех, каждый по своим соображеніям, не принялъ мѣръ предотвращенія этого и тѣм самым ставил ребенка в описаное для его жизни положеніе, хотя о здоровьи ребенка, как члена семьи и крестьянскаго двора, обязаны были заботиться, — суд, предусматривая признаки ст. 163 УК, руководствуясь ст. 315 УПК, опредѣлил возбудить против Елены Ивановны Россійской, Сергѣя Семеновича Россійскаго и Анны Ивановны Грибановой уголовное преслѣдованіе по признаку ст. 163 УК.

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛУЧАЙ

На скамьѣ подсудимых, окруженные конвоем, сидят два брата, молодые люди, Олег и Петр Малышевы. *)

Их обвиняют в жутком преступленіи, в том, что они «по взаимному между собой соглашенію, воспользовавшись отсутствіем сожительницы старшего из братьев (Олега Малышева), Клавдіи Ивановной, машинистки одного из совѣтских учреждений, на квартирѣ послѣдней удушили, с цѣлью избавить Олега от алиментов, двухмѣсячную дѣвочку, прижитую им от Клавдіи Ивановной.»

Олег Малышев очень высокій блондин, с блѣдным, нервным, болѣзненным лицом, с копной бѣлокурых волос на головѣ.

Он, донской казак, по происхожденію и студент института путей сообщенія. За его плечами пестрое боевое прошлое. Он весь изранен в боевых схватках с бѣлыми, у него контузія головы и бока, слѣды сабельных ударов, в нѣскольких мѣстах изрѣшетен пулями. Контузія головы вызвала травматическую эпилепсію, и Малышев до суда находился на изслѣдованіи в психіатрической лѣчебницѣ, гдѣ его признали тяжелым эпилептиком, но вмѣняемым по отношенію к преступленію, в котором он обвиняется.

Петру Малышеву всего 20 лѣт. Он значительно ниже ростом брата, плотный, коренастый. Недавно только пріѣхал из деревни.

*) Фамиліи обвиняемых и свидѣтелей измѣнены. Дѣло слушалось 10 и 11 февраля 1924 года в московском губернском судѣ под предсѣдательством члена губсуда И. П. Кондратьева. Обвинял пом. прокурора Рапорт; защищали члены коллегіи защитников В. П. Петров и И. Д. Брауде.

По обвинительному заключенію физическим убійцей является Петр Малышев, остававшійся с ребенком нѣкоторое время один-на-один.

Олег обвиняется в подстрекательствѣ брата к убійству в своих личных интересах.

Дѣло возникло по заявленію Ивановой.

По ея словам, 9 октября 1924 года она, уходя на службу, оставила у себя на квартирѣ своего сожителя Олега Малышева и брата его Петра. В сосѣдней комнатѣ мирно спала ея крошечная дѣвочка Валерія, за которой она просила присмотрѣть свою подругу Дубасову. Дубасова вскорѣ ушла, а за нею ушел и Олег. Остался один Петр, который, побыв нѣкоторое время в комнатѣ, вышел на двор, гдѣ, по утверженію свидѣтелей, взволнованно разхаживал куря напиросу за папиросой.

В это время в комнату, гдѣ спала дѣвочка, вошли сосѣдки Евгенова и Клодухина и, к своему ужасу, обнаружили теплый трупик ребенка. Из ноздрей вздувались какіе-то пузырьки. Врачом установлено, что смерть ребенка послѣдовала от «задушенія мягким предметом — напримѣр подушкой».

На судѣ, как и на слѣдствіи, Иванова увѣренно и гнѣвно бросает в лицо обоим братьям обвиненіе в убійствѣ ея ребенка.

На вопросы суда она подробно рассказывает о своих отношеніях с Олегом Малышевым.

«Я познакомилась, — говорит Иванова, — с Олегом у своей родной сестры. Через полгода послѣ знакомства я стала с ним сожительствовать и крѣпко полюбила его. Из общежитія он скоро переѣхал на частную квартиру, и мы стали жить вмѣстѣ. Скоро, однако, из деревни пріѣхали брат и сестры его; стали происходить постоянныя ссоры и скандалы, и жить стало невмоготу.

«Я забеременѣла. Когда я сказала об этом Олегу, он мнѣ сразу же предложил сдѣлать аборт. Я с нѣгодованием отвергла его предложеніе. Через нѣкоторое время он снова настойчиво стал мнѣ предлагать непременно сдѣлать аборт. Я опять отказалась.

«Приближались роды. Я тосковала и чувствовала себя одинокой в обстановкѣ враждебности. Хотѣлось куда-нибудь уѣхать. Получив деньги из страхкассы за ребенка, я убѣдила мужа съѣздить в Батум. Он согласился. По дорогѣ я родила дѣвочку.

«Когда мы вернулись обратно с ребенком, я просила Олега зарегистрировать ребенка,, но он отвѣтил, что пачкать свою трудовую книжку не будет, что он собирается скоро жениться и ребенок ему будет мѣшать. Тогда же он бросил фразу, что ребенка он уберет с дороги.

«На это я ему отвѣтила, что, если только он попытается это сдѣлать, я буду ему мстить. Тогда он прямо сказал мнѣ, что избавиться от ребенка он может очень просто: подержать его немного за носик, и он умрет.

«Эти угрозы он повторял не раз, уговаривая меня лучше самой сдѣлать аборт. Он нѣнавидѣл ребенка и нѣсколько раз повторял, что избавится от него, так, что никто об этом не узнает. Говорил он это и наединѣ и при свидѣтельницах Дубасовой и Алексѣевой.

«Когда ко мнѣ на службу пришел мой брат и сказал, что ребенок умер, я сразу догадалась, что это сдѣлал Олег».

Затѣм Иванова утверждала, что дорогой, когда она шла с Олегом в милицію, уже послѣ смерти ребенка, он уговаривал ее не дѣлать никаких официальных заявленій, убѣждая, что всѣ данныя говорят за то, что ребенок умер естественной смертью и что врачи, несомнѣнно, придут к тому же заключенію.

— Он, он убійца: — закончила Иванова свой рассказ. — Он все время только и думал о том, как бы избавиться от ребенка.

Допрошенные на судѣ Дубасова и Алексѣева цѣликом подтвердили показанія Ивановой, удостовѣрив, что Малышев в их присутствіи неоднократно говорил Ивановой, что он все равно сумѣет избавить ее от ребенка:

«Стоит только подержат его за носик, как наступит смерть и никаких слѣдов обнаружить будет нельзя».

Свидѣтельницы Евгенова и Клодухина и брат Ивановой, Михаил Иванов, установил и такую картину происшествія.

9 октября, приблизительно в 9 часов утра, на квартиру Ивановой пришел ее сожитель Олег Малышев, а немного позднѣе брат его Петр Малышев. Первый пришел для ремонта электрическаго звонка, а другой для того, чтобы взять у Олега Малышева трамвайную инвалидную карточку. Оба брата оставались в квартирѣ и послѣ ухода Ивановой на службу. Уходя Иванова просила сосѣдку Евгенову присмотрѣть за ее дѣвочкой.

В отсутствіе Ивановой Дубасова, жившая в той же квартирѣ, нѣсколько раз подходила к кроваткѣ дѣвочки Валеріи и, открыв кисейку, видѣла лежавшую спеленутой с сосочкой во рту, надѣтой на пузырек, дѣвочку. Дѣвочка была жива и, повидимому, спала.

Приблизительно около 12 часов Дубасова и Клодухина отправились к врачу, и в комнатах, гдѣ проживала Иванова, остались братья Малышевы одни с Михаилом Ивановым. Вскорѣ Иванов был послан Олегом в МОСО за полученіем пенсіи, но так как он не имѣл от Олега довѣренности, то пенсіи ему получить не удалось и он вернулся обратно.

Тогда Олег Малышев рѣшил совмѣстно с Михаилом Ивановым вторично поѣхать в МОСО, и оба они ушли, оставив Петра Малышева одного в комнатах Ивановой.

Прошло немного времени. Петр Малышев вышел во двор и стал там прохаживаться взад и вперед, взволнованно кура одну папиросу за другой.

Евгенова, в исполненіе даннаго ею Ивановой обѣщанія, подошла к кроваткѣ ребенка и обнаружила, что ребенок производит впечатлѣніе мертваго. Она немедленно позвала сосѣдку из смежной комнаты, осмотрѣла вмѣстѣ с нею ребенка, и обѣ убѣдились, что ребенок дѣйствительно мертв.

Приблизительно через 10 минут в комнату вошел Петр Малышев, и, когда обѣ женщины объяснили ему, что дѣвочка умерла, Петр с недоумѣнным видом спро-

сил, кому принадлежит эта дѣвочка. Затѣм, не дожидаясь прихода брата, он из квартиры ушел.

Оба брата категорически отрицали свою вину.

Из возбужденнаго разсказа Олега Малышева на судѣ выявилась исторія его взаимоотношеній с Ивановой.

Однажды у остановки трамвая он познакомился с молодой дѣвушкой, заговорил с нею, она отвѣтила... Пошли вмѣстѣ, затѣм стали встрѣчаться и вступили в связь. Дѣвушка ему измѣнила и в утѣшеніе сказала:

«Вот, придет моя сестра, дѣвочка хоть куда, балерина, я тебя с нею познакомлю».

И дѣйствительно, через нѣкоторое время пришла Клавдія Иванова.

«Она, — рассказывает Малышев, — на второй же день нашего знакомства пришла ко мнѣ в общежитіе и осталась у меня ночевать, а на слѣдующую ночь перелазала в кровать к другому студенту и спала с ним. Послѣ этого пыталась снова перейти ко мнѣ, но я, рѣшив, что она просто уличная искательница приключеній, прогнал ее.

«Однако она не прекратила посѣщеній и стала ежедневно со мною встрѣчаться. Я начал чувствовать к ней глубокую симпатію; мнѣ не нравилось только, что она курит и пьет.

«Постепенно чувство мое к ней окрѣпло, связь сдѣлалась привычной, и я стал смотрѣть на нее как на свою жену, с которой хотѣл вмѣстѣ пройти всю жизнь. Я стал отучать ее от вредных привычек и занялся ея перевоспитаніем. Несмотря на крайнюю скудность средств и тяжелую борьбу за существованіе, я напряг всѣ силы, нанял отдѣльную комнату и ушел из общежитія, чтобы быть с нею вмѣстѣ.

«С цѣлью приучить ее к труду, я устроил ее на службу машинисткой. Однако, она не долго пробыла за машинкой и, несмотря на мои возраженія, поступила в школу балерин. Оттуда я ее вскорѣ взял и опять устроил на работу.

«Клавдія забеременѣла. Она стала просить у меня

денег на аборт. Денег я ей не дал, так как страстно хотѣлъ имѣть ребенка. Тогда она без моего согласія сдѣлала аборт. Я узналъ об этом послѣ операціи и, возмущенный, прогнал ее от себя. Она ушла от меня к своему отцу, безработному старику, но я не терялъ ее из вида и продолжал давать ей деньги. Чувство мое к ней не исчезло, и я тосковал по ней.

«Однажды она прислала мнѣ письмо, в котором писала, что жить без меня не может и что, если я не сойду съ нею снова, то для нея все потеряно и она станет проституткой.

«Письмо это потрясло меня. Я взял ее снова къ себѣ, опять начали жить вмѣстѣ; нѣкоторое время жили хорошо, даже счастливо. Затѣм она снова забеременѣла, и я стал съ нетерпѣніем ожидать ребенка.

«Родителям моим в деревню, людям стараго закала и ветхозавѣтных правил, я не писал о бракѣ моем съ Клавдіей и не знакомил их съ нею. Я боялся, что легкомысленныя манеры ея не понравятся старикам. Сам же я всѣми силами старался ее перевоспитать и занимался съ нею.

«Незадолго до родов меня постигло несчастье. Вслѣдствіе припадков эпилепсіи мнѣ пришлось уйти из Н-го отдѣленія милиціи, гдѣ я одновременно съ учебой находился на службѣ. Матеріальное положеніе наше сразу сдѣлалось катастрофическим. Припадки участились. Клавдія видѣла весь ужас моего положенія, видѣла, как мнѣ трудно и как я тяжело болен, но относилась къ моим переживаніям съ поразительной холодностью и беспечностью, требовала новых ботинок, нарядов...

«Образ жизни ее измѣнился въ худшую сторону. Появились подозрительныя знакомства, и однажды я услышал, что она прекрасно владѣет воровским жаргоном. Брат ея Михаил занимался исключительно мелкими кражами и неоднократно судился.

«Я всѣми силами пытался сдержать Клавдію, и, пока был жив ея отец, мнѣ это, въ значительной степени, хотя и съ трудом, удавалось.

«От меня она буквально стала отплатываться, но я, зная, что она беременна, не покидал ее.

«Однажды, будучи уже на девятом мѣсяцѣ, Клавдія стала приставать ко мнѣ с просьбами уѣхать с нею куда-нибудь на Кавказ. Часть денег она получила со службы и достала бесплатные билеты. Я стал отговаривать ее, указывая, что длительная поѣздка на 9-м мѣсяцѣ беременности опасна для жизни ребенка и для нея самой, но она настояла.

«Поѣхали. В дорогѣ она вела себя в высшей степени неосторожно, нисколько не оберегая ребенка. На обратном пути она родила дѣвочку. Вскорѣ послѣ рожденія у ребенка появились красныя пятна. Врач сказал, что они явились слѣдствіем того, что мать очевидно, принимала внутрь какія-то вредныя вещества, отразившіяся на кожѣ ребенка.

«В минуту откровенности Клавдія сама проговорила своей сосѣдкѣ по квартирѣ, что дѣйствительно принимала какія-то сильно дѣйствующія средства для того, чтобы избавиться от ребенка, и что с этой же цѣлью приняла поѣздку на Кавказ.

«К ребенку она относилась без всякой любви и материнской ласки. Грудью она его не кормила; оставляла его часто одного и однажды заявила мнѣ, что ребенка нужно отправить в деревню, мотивируя это тѣм, что там его можно окрестить, а здѣсь, в виду моего пребыванія в партіи, сдѣлать это неудобно. Так как я знал, что никакой деревни у нея нѣтъ и отправлять ребенка некуда, я заподозрил неладное и постарался поскорѣе зарегистрировать ребенка под моей фамиліей».

В дальнѣйших показаніях Олег Малышев утверждает, что поведеніе матери в отношеніи ребенка продолжало носить подозрительный характер. Ложаась, наприкладъ, спать, мать ложилась к стѣнѣ, а рядом с припадочным мужем клала на стульях трехнедѣльную дѣвочку.

Это обстоятельство подтвердили и свидѣтели по дѣлу.

Когда защитой в упор был поставлен Ивановой вопрос о том, — подумала ли она, что муж в эпилептиче-

ском припадкѣ, которые часто случались с ним ночью, мог в судорогах убить ребенка, — Иванова крайне смущалась и ничего вразумительнаго не сумѣла отвѣтить.

По показаніям тѣх же свидѣтелей, крайне загадочным было поведеніе Ивановой, когда она явилась домой, вызванная по телефону сосѣдкой, сообщившей, что ребенок в ее отсутствіе умер.

Войдя в квартиру, она даже не подошла к ребенку, не взглянула на него, не поинтересовалась спросить, отчего произошла смерть. Сразу подошла к телефону и холодно и дѣловито стала звонить в милицію, прямо обвиняя обоих братьев в убійствѣ ребенка.

*

На судѣ были оглашены отобранныя при обыскѣ письма Клавдіи к мужу. Они полны изліянiями любви, увѣреніями в вѣчности чувства и просьбами о полном довѣрiи.

Вниманіе суда остановили нѣсколько мѣст, повидимому, имѣвших отношеніе к ребенку.

«Мнѣ так больно, так обидно, что ты меня не понимаешь. Если ты хочешь, я сдѣлаю все, чтобы доказать тебѣ противное. Если хочешь, чтобы он был — будет, нѣтъ — не будет. Ну, словом, все, что пожелаешь.

«Милый мой, солнышко мое, пожалѣй меня. Вѣдь ты жалѣешь всѣх несчастных людей, а я теперь так несчастна».

Повидимому, между супругами на почвѣ какого-то большого для обоих вопроса была серьезная размолвка, и Иванова в строках, исполненных теплоты и ласки, пишет:

«Послѣдній раз молю, — пожалѣй меня. Вѣдь я хотѣла жить только для тебя одного, исполнять каждое малѣйшее твое желаніе, любить тебя, как любят только в сказкѣ, и для тебя людей и мір забыть.

«Вернись ко мнѣ. Я исполню все, что ты потребуешь, чтобы доказать, что я люблю и не лукавлю.

«Прости мнѣ все, забудь, вернись и начнем новую, лучшую жизнь, которая не будет омрачаться подобными недомолвками, а начнем ту, что была в общезитіи и в началѣ жизни в твоей комнатѣ на Александровской площади. Вернись, я вся твоя».

Любопытно, что ни Олег Малышев, ни Клавдія Иванова на вопросы суда не пожелали дать объясненій по поводу смысла, который срывался в приведенных выше строках.

Об абортѣ болѣе опредѣленно говорится в другом письмѣ, адресованном Ивановой к мужу:

«Аборт не сдѣлала; врач отказался. Отец ворчит. Еще вѣдь ничего нѣтъ, а он уже поговаривает, что не намѣрен нас двоих кормить. Но вѣдь до этого второго еще цѣлых пять мѣсяцев, а он уже не дает покоя. И так я непрерывно плачу, всѣ глаза выплакала».

*

При перекрестном допросѣ Малышев и Иванова твердо продолжали стоять на своих показаніях, Клавдія бросала в лицо обоим братьям обвиненіе в убійствѣ, утверждая, что план убійства был обдуман Олегом еще задолго до его осуществленія.

Малышев категорически отрицал свою вину.

*

Вниманіе суда остановили показанія участковаго надзирателя милиціи, явившагося на мѣсто совершенія преступленія.

По его словам, «ребенок — дѣвочка — лежал спеленутым на спинкѣ, при чем голова была повернута на лѣвую сторону и под лѣвым ухом находился пузырек из-под молока с соской. Вся голова была покрыта синевато-красными пятнами. Из носа показался пузырек и лопнул. На губах имѣлись слѣды пѣны и слюны».

Врач Назаров распеленал ребенка и стал осматри-

вать его, при чем на тѣлѣ никаких слѣдов насильственной смерти не оказалось.

Акт медицинскаго вскрытія отмѣчает, что легкіе ребенка — розоватаго цвѣта с массой точечных кровоизліяній.

Однако, отчего произошли эти кровоизліянія — от чрезмѣрнаго ли стягиванія ребенка бинтом при пеленаніи или от какой-либо другой причины — в актѣ нѣтъ указаній.

Надлежит отмѣтить, что крупным дефектом акта явилась необслѣдованность полости рта трупика. Защита вынуждена была обратить вниманіе суда на полную недостаточность акта судебно-медицинскаго обслѣдованія, вслѣдствіе чего цѣлый ряд существеннѣйших обстоятельств остался невыясненным и в момент судебного слѣдствія восполненным быть уже не мог.

*

Так шло это странное дѣло. Часы вѣсов колебались, и трудно было предрѣшить приговор, ибо настроеніе судей и сторон находилось в том неопредѣленном, выжидательном состояніи, какое создается всегда запутанностью дѣла.

Наконец, на второй день неожиданно происходит событіе, сразу окрылившее защиту, почувствовавшую увѣренность в том, что братья Малышевы не виноваты в убійствѣ.

Дѣло в том, что Петр Малышев утверждал, что он всего три раза был в квартирѣ Ивановой послѣ приѣзда своего из деревни. Олег скрывал от семьи, что имѣет жену и дочь. Неожиданно во время перекрестнаго допроса всплывает, что против обоих обвиняемых и Клавдіи Ивановой было возбуждено еще какое-то дѣло в связи с подлогом документов по временно занимавшейся Малышевым должности начальника арестнаго дома. В связи с этим Иванова проговаривается, что имѣла какія-то взаимоотношенія, остававшіеся неизвѣстными Олегу Малышеву, с братом его Петром.

Происходит потрясающая сцена.

Олег блѣднѣет; обстоятельство это, видимо, для него совершенно неожиданно и ново.

Повидимому, он ничего не знает о тайных отношеніях брата с Клавдіей. Сжав кулаки, он бросается на брата и пытается его задушить. Изступленно кричит:

«Кто же задушил ребенка? Значит, это ты с Петром!...»

Четверо конвойных и часть публики бросились на помощь Петру, котораго уже успѣлъ схватить за горло Олег, но долго не могли оттащить его, не выпуская брата из своих желѣзных тисков.

С большим трудом и усиленіями удалось разнять братьев.

Олег впал в тяжелый эпилептическій припадок.

Был объявлен длительный перерыв.

Послѣ перерыва братьев разсадили по разным сторонам зала и окружили Олега усиленным конвоем.

Однако он не мог успокоиться и, бросая злобные взгляды на брата, все время дѣлал попытки перепрыгнуть через скамью и броситься на него.

Случайно обвинитель замѣтил, что Олег сжимает что-то в рукѣ. Конвойные силою разжали ему кулак; в нем оказалась, незамѣтно для окружающих, обломанная Олегом, обладавшим огромной физической силой, желѣзная ручка от двери, которую он приготовил для убійства брата.

Дальнѣйшее засѣданіе происходит при напряженном состояніи всего зала, опасавшегося каких-либо эксцессов со стороны Олега.

По возобновленіи судебнаго слѣдствія Олег Малышев заявил суду:

«Теперь я не знаю: может быть и впрямь ребенок удушен. А ежели это так, то только этими двумя подлецами, братом моим и Клавдіей. Может быть им мѣшал ребенок, котораго я любил и хотѣлъ воспитать».

Закончилось судебное слѣдствіе. Перед судом и сторонами стоял вопрос исключительной сложности.

Общественный обвинитель рѣшительно поддерживал обвиненіе против обоих братьев. Увѣренность свою он основывал на слѣдующих положеніях: ребенок был удушен, а не умер естественной смертью; за это говорит заключеніе экспертизы, установившей, что смерть ребенка произошла от асфиксіи.

Мотивы к убійству могли быть только у Олега Малышева, тяготившагося ребенком и желавшаго от него избавиться. Безпристрастные свидѣтельницы удостовѣрили в категорической формѣ на судѣ, что это свое намѣреніе Олег Малышев неоднократно выражал в формѣ угрозы «зажать ребенку носик», т.-е., удушить его. Характер смерти ребенка вполне соотвѣтствует именно этим угрозам.

В том обстоятельствѣ, что убивал не Олег, а Петр, обвинитель видит только момент, подтверждающій его версію. Олег опасался, что, убивая ребенка, он мог здѣсь же, у кровати, упасть в эпилептическом припадкѣ. Ему технически, наконец, было удобнѣе уговорить брата, на котораго, по его мнѣнію, вряд ли могло пасть подозрѣніе.

Защита стояла на иной точкѣ зрѣнія. Улики по этому дѣлу отличаются такой сложностью и запутанностью, при которых выносить обвинительный приговор невозможно.

Мотивы, если они, по мнѣнію обвинителя, могли быть у отца, то, в равной мѣрѣ, при данной обстановкѣ они могли быть и у матери. Она не хотѣла рожденія ребенка, тяготилась им и при его жизни. Укладываніе ею ребенка на ночь рядом с припадочным мужем говорит за то, что она искала смерти ребенка.

То обстоятельство, что она не подошла к ребенку, узнав о его смерти, не проявила инстинктивнаго жеста

каждой матери, какова бы она ни была, — говорит за то, что смерть ребенка не была для нея неожиданной и сообщеніе об этом ее ни в какой мѣрѣ не удивило.

Дѣловой разговор по телефону и прямое, неожиданно возникшее для окружающих, обвиненіе Олега и Петра свидѣлствуют о нѣкомъ, давно созрѣвшем у нея в этом отношеніи планѣ.

Угроза Олега, вообще говоря, как всякая угроза, особенно в устах эпилептика, не имѣет значенія улики, но характер смерти ребенка, совпадающій с характером угрозы, может также говорить и о том, что это соотвѣтствіе было кому-то на руку и заранѣе было задумано.

Как бы ни была велика любовь младшаго брата к старшему, предположеніе, что во имя ее Петр поставит на карту всю свою жизнь и рѣшится на страшное дѣло, нежизненно и нелогично.

И, наконец, послѣдній трагическій эпизод и связанный с ним безумный крик Олега: «кто же задушил ребенка? Значит это ты с Петром!» — решают вопрос о его невинности. Что весь этот эпизод не был симулирован, это ясно было каждому, наблюдавшему его, а если это так, если этот крик вырвался из глубины изступленной больной души Олега, потрясеннаго неожиданным открытіем, значит Олег дѣйствительно не знал, кто виновник смерти его ребенка.

Наконец, послѣднее соображеніе — дѣйствительно ли ребенок погиб от руки убійцы?

Защитѣ представлялось, что этот момент является в высокой степени не обследованным. Спеленутый ребенок был предоставлен самому себѣ с бутылочкой, наполненной молоком, воткнутой соской в рот. Поскольку благодаря небрежности экспертизы полость рта трупа осталась необследованной, совершенно невозможно с опредѣленностью рѣшить вопрос, произошла ли асфиксія дѣйствительно от удушенія мягким предметом — подушкой или от того, что, питаясь молоком из бутылки при неудобном положеніи тѣла, ребенок мог захлебнуться набраным в рот чрезмѣрным количеством молока.

Между тѣм, это обстоятельство находит себѣ подтвержденіе в показаніях свидѣтелей, обнаруживших у ребенка на носу пузырек и пѣну около рта.

При таком положеніи вещей возникает совершенно естественное предположеніе, что, может быть, на самом дѣлѣ глубокая драма нѣскольких человѣческих жизней разыгралась на почвѣ нелѣпаго случая и на скамьѣ подсудимых находились не убійцы, а просто люди, глубоко несчастные в той же мѣрѣ, как и несчастна была мать погибшей дѣвочки.

Приговором суда оба обвиняемых были оправданы.

Небольшого роста, коренастый, с рыжеватою рѣденькою бородкой, в приплюснутом старом картузѣ. Исподлобья смотрят выпѣвъшіе острые глазки, изрѣдка вспыхивающіе зеленоватым свѣтом. Неслышная, с перевалочкой, гибкая, вкрадчивая походка... И сразу при первом же взглядѣ чувствовалось, что это осторожный волк, таежный бродяга, способный без страха и устали пройти среди непроходимых дебрей многіе сотни верст и, как пружина, развернуться и воспрянуть при первой опасности.

Я стоял перед ним в комендантурѣ московскаго губсуда и с удивленіем слушал такія необычныя в устах подсудимаго слова:

— А ты тово... не безпокойся... Мнѣ защитник ни к чему. Ты лучше попроси, чтоб они канитель эту поскорѣй кончили.

— В чем дѣло? — недоумѣнно спросил я: — вы что же, хотите защищаться? Вѣдь у слѣдователя вы не признаетесь в цѣлом рядѣ обвиненій и доказываете, что они вымышлены.

— Оно вѣрно! — живо вскинул на меня глаза Тутубалин: — в чем не виноват нечего зря на меня и клепать. Убивал, грабил — это, точно, было, а только у Колчака я не служил, — это зря... А насчет защиты не особо безпокойся... Говорю тебѣ, канитель одна... Надоѣло...

Нас позвали наверх, в зал судебного засѣданія.*) Начался процесс... Тутубалин четко и ясно отвѣчал на формальный опрос председателя.

Оглашается обвинительное заключеніе и для всякаго,

*) Дѣло слушалось 5 апрѣля 1926 г. в московском губернском судѣ под председательством члена губсуда Ю. Ю. Эрлиха. Обвинял пом. прокурора И. А. Киселев, защищал И. Д. Брауде.

даже стороннего слушателя, становится ясным, что положение Тутубалина чрезвычайно серьезно.

Обвинялся он в рядѣ тягчайших преступлений: в вооруженном ограбленіи мельницы в Тюмени, в ограбленіи, совмѣстно с извѣстным, впоследствии разстрѣлянным, бандитом Мишкой Культяповым, губтекстиля в Екатеринбургѣ, в разбойном нападеніи и убійствѣ нѣкоей Мельниковой в г. Тайгѣ и там же — в покушеніи на удушеніе 9-лѣтней дѣвочки, в вооруженном сопротивленіи милиціи в г. Вяткѣ, с огнестрѣльным раненіем при задержаніи милиціонера, и в цѣлом рядѣ краж, в различных городах Союза.

Из обвинительнаго заключенія явствовало также, что Тутубалин отбывал при царизмѣ каторжныя работы за убійство китайца и послѣ неоднократных побѣгов был прикован на Сахалинѣ к тачкѣ.

Со слов некоего Бавыкина, для характеристики личности Тутубалина в обвинительном заключеніи упоминалось, что освобожденный революціей из заключенія, он нѣкоторое время при Временном правительствѣ был денщиком у одного офицера, а затѣм занял, при совѣтской уже власти, должность помощника начальника милиціи одного из районов г. Томска и участвовал в партизанских отрядах. При наступленіи же арміи Колчака Тутубалин, по словам того же Бавыкина, добровольно перешел на службу к новой власти и, доказывая ей свою преданность, участвовал в разстрѣлах большевиков.

Послѣ возстановленія совѣтской власти Тутубалин в г. Томскѣ занимал должность завѣдующаго транспортом и мельницами, но вскорѣ опять вступил на путь преступлений.

Обвинительное заключеніе прочтено...

Но вопрос предсѣдателя о виновности Тутубалин тихо, с разстановкой произнес:

— Да... виноват и прошу меня разстрѣлять.

Затѣм, помолчав немного, добавил:

— А только большевиков Колчаку я не выдавал... Зря это Бавыкин болтает, со злости...

На предложеніе предсѣдателя дать объясненіе по существу предъявленныхъ ему обвиненій Тутубалин не спѣша сталъ разсказывать свою эпопею.

Еще 20-лѣтнимъ юношей за убійство в дракѣ китайца онъ былъ приговоренъ к каторжнымъ работамъ. Не выдержавъ каторжнаго режима, онъ бѣжалъ, былъ пойманъ и по суду получилъ еще нѣсколько лѣтъ каторжныхъ работъ. Снова бѣжалъ, снова былъ пойманъ, послѣ голодныхъ скитаній в тайгѣ снова водворенъ в каторжную тюрьму, нещадно поротъ розгами, судимъ и получилъ в надбавку опять нѣсколько лѣтъ каторжныхъ работъ. Бѣгалъ еще и еще, каждый разъ захватывался, былъ звѣрски избиваемъ и каждый разъ снова судимъ и в совокупности былъ присужденъ к безсрочной каторгѣ, из коей 13 лѣтъ отбылъ в кошмарныхъ условіяхъ Кутомарской и Алгачской тюремъ... Годами былъ прикованъ к тачкѣ, а битъ былъ такъ, что мѣсяцами, израненный, валялся в каторжной больницѣ.

Амнистированный революціей, Тутубалин, по его словамъ, дѣлалъ неоднократныя попытки жить честной трудовой жизнью совѣтскаго гражданина и продолжительное время добросовѣстно выполнялъ обязанности агента Томскаго коммунальнаго отдѣла, но... сокращеніе со службы, долгій періодъ безработицы и встрѣчи со старыми товарищами по каторгѣ снова вернули его на прежній преступный путь.

Унавшимъ голосомъ закончилъ Тутубалинъ свой разсказъ и тихо опустился на скамью, закрывъ лицо руками.

Свидѣтели по обвинительному заключенію были всѣ из дальнихъ мѣстностей, и в судъ никто изъ нихъ не вызывался.

Предсѣдатель объявилъ передъ преніями перерывъ на десять минутъ.

Я подошелъ къ Тутубалину... Онъ сидѣлъ, низко наклонивъ голову... Я просилъ его объяснить мнѣ, почему онъ настаиваетъ на своемъ разстрѣлѣ.

Тутубалинъ, волнуясь и жестикулируя, вдругъ горячо заговорилъ:

— Ну, стань-ка на мое положеніе... Вотъ, сижу я в

одинокѣ — ни родных, ни знакомых... Не только что передач — взгляда ласковаго ни от кого не вижу... Ну, дадут мнѣ 10 годов строгой изоляціи, ну, отсижу пять либо семь в одиночѣ тож... Выйду... Куда итти?... Кто меня тогда возьмет?... От работы отшилсѣ, да и не знаю я в этих мѣстах никого... Значит, должен опять либо убивать либо грабить... Значит, опять тюрьма, суд, одиночка, без ласки, без привѣта, без передач... Родных у меня никого нѣту... Нѣт, хватит с меня... Мнѣ вот 42 года, а я без малаго 15 просидѣл... Очень прошу тебя, не старайся ты за меня, потому, если не разстрѣляют, все равно сам себя жизни рѣшу...

Я отошел глубоко потрясенный.

В этом воплѣ отчаянія загнаннаго звѣря была своя жестокая, но неумолимая логика, и когда через нѣсколько минут мнѣ пришлось возражать на рѣчь прокурора, доказывавшаго, что Тутубалин человек конченый, что он социальнo опасен при всяких условіях, что иной мѣры социальной защиты, кромѣ разстрѣла, здѣсь быть не может, я видѣл, что все сочувствіе Тутубалина было на сторонѣ прокурора, и он, подмигивая одним глазом и дергая рыженькой бородкой, всей своей мимикой старался выказать прокурору полное свое одобреніе.

Я нарисовал суду весь трагизм жизни Тутубалина.

Я говорил о человекѣ, который испытал самое страшное из того, что может испытать человек: о десятках лѣт кандалов, о поркѣ, о безконечных глумленіях и издѣвательствах над личностью, о мѣсяцах скитаній по безлюдным степям, о страданіях одинокаго таежнаго звѣря...

Я указывал суду, что перед ним находился затравленный человек, котораго всю жизнь безжалостно травили, и в концѣ концов он сам, озлобленный и отчаявшійся, оскалился на окружающих и на самого себя. Совѣтская дѣйствительность получила Тутубалина духовно и нравственно искалѣченным всей совокупностью отрицательных черт прошлаго. И если, несмотря на это в дѣлѣ есть данные, свидѣтельствующіе о его попытках перело-

мить самого себя и попытаться начать трудовую жизнь. Они говорят, что не все еще погибло в нем, что возможен поворот, если жизнь и условия, в которые он будет поставлен, будут иными нежели те, к которым он привык. Его просьба о расстреле — это крик отчаяния усталого от одиночества человека, который никогда ни от кого не видел ласки и сочувствия, а между тем и сейчас, на суде и в одиночке тюрьмы не перестает тосковать о них.

Я окончил речь и взглянул на Тутубалина и понял, что успех ее весьма сомнителен, ибо прокуроров было два — и оба... требовали расстрела, и один из них был сам Тутубалин, немедленно поднявшийся и громко, взволнованно произнесший:

— Я очень прошу вас... расстреляйте меня...

Суд приговорил Тутубалина к расстрелу. Спокойно выслушав приговор, Тутубалин низко поклонился суду:

— Покорнейше благодарю.

Когда конвойные уводили Тутубалина, я вдогонку сказал ему, что подам кассационную жалобу в Верховный суд.

Минут через пятнадцать в консультацию позвонили из комендантуры и сообщили, что меня просит к себе Тутубалин.

Я зашел в помещение комендантуры.

У стола стоял Тутубалин, окруженный конвоем. Его маленькие глазки довольно поблескивали.

— Ну-ка, садись, — обратился он ко мне, — и пиши чего я тебе скажу — мою, значит, последнюю волю.

Я сел и под диктовку Тутубалина написал самый удивительный документ, когда-либо мною писанный:

«Я, нижеподписавшийся, заявляю, что приговором московского губсуда от 5 апреля 1926 года, присудившего меня к расстрелу, доволен и от подачи кассационной жалобы отказываюсь».

Почти весело нацарапав свою подпись под написанным мною текстом и повернувшись к коменданту, Тутубалин довольным голосом сказал:

— Ну-ка, дяденька, поставь-ка тут печать, чтобы, значит, обмана не было.

Подпись Тутубалина была завѣрена комендатурой.

Передо мною встал любопытный вопрос: налицо имѣлось официальное письменное волеизъявление обвиняемого, отказывавшагося от подачи кассационной жалобы, и тѣм самым формально приговор вступал в законную силу. С другой стороны, поведение Тутубалина невольно мною воспринималось как попытка самоубийства через судебные органы.

Я поговорил с товарищами по консультации и с председательствовавшим по дѣлу членом губсуда, который заявил, что кассационная жалоба судом будет принята.

Я немедленно написал в верховный суд подробную жалобу с указанием моментов, дававших, по моему мнѣнію, основаніе для смягченія участи Тутубалина.

Кассационной коллегіей верхсуда дѣло было рассмотрѣно в порядкѣ надзора, без участія защиты, и приговор губсуда утвержден.

Ходатайство мое во ВЦИК о помилованіи было также отклонено, и приговор приведен в исполненіе.

В деревнѣ Шестово, Подольскаго уѣзда, со старухой-матерью и сестрой — фабричною работницей — жила 30-лѣтняя крестьянка Прасковья Шленская.*)

Семья эта считалась в деревнѣ странной, нездоровой.

Старуха-мать овдовѣла еще совсѣм молодой и вскорѣ послѣ смерти мужа заболѣла какой-то нервной болѣзнью. Порою, как говорили в деревнѣ, на нее «находило»: часто от совершенно неожиданнаго, случайнаго повода она приходила в ярость и бросалась на близких людей с чѣм попало.

Во время одного из таких припадков она однажды поранила ножом Прасковью, и у той на всю жизнь осталась глубокий шрам на шеѣ.

Сестра Анна тоже унаслѣдовала бурныя наклонности матери.

Вспыльчивая и крикливая, она впадала в длительное раздраженное состояніе, и тогда от нее дома никому не было покоя.

В такой обстановкѣ росла Прасковья.

Жилось ей тяжело: то мать обидит и поколотит, то сестра «поѣдом ѣст».

Чувствовавшая себя загнанной и забитой, Прасковья сошлась с рабочим близлежащей фабрики, и от этого сожителства у нее родились двое дѣтей: мальчик и дѣвочка.

Сожитель скоро бросил Прасковью, и она по суду по-

*) Дѣло слушалось в московском губсудѣ 25—26 іюля 1928 г. под предѣдательством члена губсуда тов. Апина. Обвиняла — пом. прокурора В. Н. Цейтлин; защищали — Р. Н. Бобровскій и И. Д. Бауде.

лучала от него на мальчика 10 рублей алиментов в мѣсяц, на дѣвочку ничего не получала, так как не смогла доказать по отношенію к ней его отцовства.

Дѣтей Прасковья крѣпко любила и была с ними нѣжна. Когда однажды дѣвочку, заболѣвшую какой-то дѣтской болѣзнью, пришлось отвезти в больницу, Прасковья с ума сходила от горя и каждый день бѣгала чуть ли не за десять верст пѣшком, чтобы повидать ребенка.

Несмотря на то, что на Прасковью фактически лежала вся работа по хозяйству, так как сестра Анна служила на фабрику, а старуха была слаба и тяжелой работы не выполняла, она ни на минуту не оставляла своих дѣтей без присмотра и считалась в деревнѣ образцовой матерью.

В 1927 году, весной, семья Шленских позвала к себѣ на работу по установкѣ сруба работавшего в их деревнѣ плотника Степанова.

Плотник этот был дальній, из Владимірской губерніи, и в Шестовѣ его никто не знал. Гдѣ-то во Владимірской губерніи у него была семья: жена и нѣсколько человек дѣтей, было свое крестьянское хозяйство, но он давно бросил семью и непрерывно странствовал по городам и деревням, занимаясь отхожим плотничьим ремеслом.

Человѣкъ уже немолодой, лѣтъ 45, с рѣзкими чертами лица и большой черной бородкой, Степанов являл собою тип какого-то странствующаго деревенскаго донжуана.

Весь смысл его жизни, всѣ его интересы во время его скитаній были направлены на то, чтобы пристроиться около какой-либо молодки.

Степанов сам хвастался, что у него было не меньше «полутораста баб».

Но интерес Степанова к женщинам был далеко не безкорыстным.

Нанимаясь в какой-либо крестьянскій двор на работу, он старался увлечь и обольстить либо жену хозяина, либо дочку; вступив же в связь, норовил занять денег или не уплатить за квартиру и стол.

Несмотря на возраст Степанова, он пользовался большим успѣхом у крестьянскихъ жен и дочерей.

Большой опытъ в обращеніи с ними, мягкій льстивый голос, вкрадчивыя, не-крестьянскія, манеры помогали ему быстро добиваться успѣха.

Вот такой человѣкъ появился в семьѣ Шленскихъ.

Едва начавъ постройку сруба, Степанов немедленно же обратил вниманіе на сестер Шленскихъ.

Вначалѣ, какъ впослѣдствіи утверждала Прасковья, он сходитсѣ с Анной, провожаетъ ее на фабрику, долгіе часы проводятъ с нею «во ржи и лѣсах»...

Анна вскорѣ оказалась беременной, и Степанов перенес свое вниманіе на Прасковью. Дѣтямъ Прасковьи в это время было: мальчику четыре с половиною года, дѣвчкѣ — два с половиною.

Брошенная мужем, долго испытывавшая чувство одиночества среди припадочной матери и сварливой сестры, Прасковья быстро подпала под вліяніе Степанова.

Между ними возникаетъ связь, которая цѣликомъ захватываетъ Прасковью. Чувство ее къ Степанову крѣпнетъ с каждымъ днемъ, и она все болѣе и болѣе привязывается къ нему.

Степановъ же, холодный и равнодушный, какъ всегда учитываетъ выгоды создавшагося положенія. Прасковья и ея дѣти являлись членами крестьянскаго двора, который предсталъ собою обычное середняцкое хозяйство. Цѣликомъ подчинивъ своему вліянію Прасковью, онъ каждый день говорилъ ей о томъ, что на связь с нею онъ смотритъ какъ на бракъ и неразрывный.

Онъ строилъ планы дальнѣйшей совмѣстной жизни, сулилъ ей ласку и любовь вдали отъ осточертѣвшей ей домашней ругани и склоки.

Прасковья, вѣря в серьезность его чувства, беззаветно смотрѣла Степанову въ глаза, стараясь угадать каждое его желаніе, и когда Степановъ предложилъ ей выдѣлиться изъ хозяйства и продать свою долю, Прасковья безъ коле-

банія видѣлилась и продала свою и своих дѣтей долю в крестьянском дворѣ. От раздѣла имущества она получила корову и половину сруба, которое сейчас же продала. Деньги — 300 рублей — были вручены покупателями на руки Степанову, уже как мужу и хозяину. Остальная часть денег от раздѣла осталась у сестры Анны, так как срок уплаты по акту раздѣла установлен годовой.

Мать Прасковьи, недовольная раздѣлом и сближеніем дочери со Степановым, выгоняет обоих из дома, и они временно переселяются в сарай.

Через нѣкоторое время Степанов с Прасковьей перѣхали на жительство в деревню Лукино, а затѣм в поселок Малаховку, а дѣти временно остались в Шестовѣ под присмотром матери и сестры Анны.

В ноябрѣ 1927 года Анна предъявила к Прасковьѣ иск через народный суд на содержаніе дѣтей. Прасковья тогда пріѣхала в деревню и забрала дѣтей к себѣ в Малаховку.

С этого времени отношеніе Степанова к Шленской начинает рѣзко измѣняться.

Получив цѣликом всѣ деньги, вырученные Шленской от раздѣла имущества на руки, он ни словом не вспоминает о них; уже не слышно от него прежних обѣщаній «зажить домком», «обзавестись коровкой», нѣтъ больше ласковых слов и разговоров о совмѣстной жизни до самой смерти.

Все угрюмѣе и мрачнѣе становится Степанов.

Наконец, он бросает работу в Малаховкѣ, гдѣ до этого жил вмѣстѣ с Прасковьей, и переезжает в Москву, получив там какую-то работу на стройкѣ.

В Малаховку он пріѣзжает рѣдко и Прасковьѣ на содержаніе с дѣтьми дает не болѣе двух рублей в недѣлю.

Все сумрачнѣе и сумрачнѣе становится Степанов при рѣдких пріѣздах своих в Малаховку и однажды, когда Прасковья освѣдомилась о причинѣ такой перемѣны в его отношеніях к ней, Степанов раздраженно бросил:

— А зачѣм ты мнѣ такая далась! Ежели бы не ты, я бы молодую, бездѣтную нашел.

С этого момента Степанов перестал скрывать свою ненависть к дѣтям Прасковьи.

Пріѣзжая, он каждый раз говорил ей о том, что дѣти — обуза для них обоих, что с дѣтьми им трудно будет наладить общую жизнь, что дѣти погубят ее.

Прасковья вздыхала, плакала, не смѣла перечить любимому и не знала, как поступить.

Степанов же с каждым разом становился все нетерпимѣе к дѣтям, и в один из пріѣздов швырнул мальчика со стула, когда тот усѣлся рядом с ним, так что при слѣдующих его пріѣздах Прасковья стала прятать дѣтей, чтобы они не попадались на глаза Степанову.

Пріѣзжать в Малаховку Степанов стал все рѣже и рѣже, и все меньше и меньше давал на расходы, а то и просто забывал сдѣлать это.

Прасковья недоѣдала; недоѣдали и голодали дѣти; образовался значительный долг за квартиру, и хозяева недвусмысленно стали намѣкать на необходимость очистить помѣщеніе.

На просьбы же, обращенные к Степанову — взять ее в Москву, — Степанов мрачно отвѣчал:

— Некуда мнѣ тебя с дѣтьми дѣвать там; одну тебя возьму, а дѣтей чтобы я больше не видѣл.

Измученная недоѣданіем и страхом потерять Степанова, Прасковья в морозный декабрьскій день забирает своих дѣтей и ѣдет с ними в Подольскій уѣзд к матери, ѣдет с отчаяніем и страхом, так как сознает, что родной дом матери теперь для нее чужой дом, что там ничего ей принадлежащего не осталось и что мать, взбалмошная и больная женщина, выгонит ее на улицу вмѣстѣ с дѣтьми. Но даже проѣзжая Москву и зная, что гдѣ-то невдалекѣ живет тот, кто олицетворяет все ее будущее, всю ее жизнь, она все же не рѣшается показаться ему с дѣтьми, зная, что с ними он ее также выгонит на улицу.

Еще на вокзалѣ, когда она собиралась садиться на поѣзд, идущій в Подольск, у нея мелькнула, как она впоследствии сама об этом показала, мысль оставить дѣтей на вокзалѣ.

— Нет, — говорила она, впоследствии, — жутко стало мнѣ, как я подумала, что вот останутся они двое, народу кругом полно, и будут искать глазками — гдѣ мама, и не рѣшилась я, поѣхала с дѣтьми.

Поздно ночью пріѣхала на станцію, откуда нужно было 8 верст итти пѣшком до деревни.

Был лютый декабрьскій мороз.

Прасковья, исхудавшая, подавленная безысходностью своего положенія, шагала по морозной дорогѣ, неся дѣтей.

Мальчик сидѣл у нее на спинѣ, охватив руками шею матери, а дѣвочку она несла на руках...

Мороз пронизывал все сильнѣе и слинѣе.

Дорога изобиловала кочками, рытвинами и ухабами.

Усталая Прасковья спотыкалась, падала, поднималась и снова шла.

Дѣти стали жаловаться на холод, плакать.

Ослабѣвшая от долгаго недоѣданія и непосильной ноши, женщина чувствовала себя совершенно изнеможенной.

Впереди был страх остаться, снова с дѣтьми на морозной улицѣ, но с дѣтьми не было возврата и назад.

Будущее казалось безысходным и мрачным, прошлое давило тяжелыми воспоминаніями...

Прасковья шла берегом замершей рѣки.

Усталыя ноги отказывались повиноваться. Верстах в двух от деревни Прасковья наткнулась на большую прорубь.

Промелькнули воспоминанія дѣтства... Вспомнила, как дѣвочкой однажды в этой рѣкѣ тонула и была спасена сосѣдом случайно оказавшимся вблизи.

Остановилась, сняла дѣтей, взяла бечевку, которой был связан узелок с вещами, и, поставив мальчика поодаль, перевязала ему ножки этой бечевкой.

То же самое сдѣлала с дѣвочкой.

Затѣм, отведя мальчика подальше, чтобы он не видѣлъ происходящего, подошла к дѣвчкѣ, взяла ее на руки и, перевернув головой вниз, опустила ее в прорубь.

Потом то же самое сдѣлала с мальчиком.

Дѣти сразу пошли ко дну, без крика и стона.

Потом сама упала на край проруби и нѣсколько часов пролежала там, вся промокнув и промерзнув.

Очнувшись, пошла в деревню к матери и на вопросы матери и сестры: гдѣ дѣти, рассказала, что дѣти умерли от воспаленія легких и она их похоронила.

Однако, и сестра и мать заподозрили сразу неладное; правда очень скоро выплыла наружу, и Прасковья при первом же допросѣ созналась в своем чудовищном преступленіи.

* * *

Дѣло было назначено к слушанію. Я был назначен защитником Прасковьи Шленской.

Прочтя сухое обвинительное заключеніе, гдѣ излагались лишь факты в их исторической послѣдовательности, я поѣхал в Новинскій домзак для свиданія с обвиняемой.

Едва я вручил свой ордер дежурному помощнику, как тот сказал:

— Ах, Шленская... Не знаем мы, что и дѣлать с нею. Из одной камеры в другую только и знаем что переводим.

— А в чем дѣло? — полюбопытствовал я. — Развѣ она буйная?

— Какой там буйная!.. Типе овцы... Да вот, представьте, в какую камеру ее ни посадим, заключенныя принять не желают. А намереніи чуть ее не убили в одной камерѣ, и, вот подите же, в камерѣ этой одни воровки, рецидивистки, проститутки, с уст которых только матерщину и слышишь, убійцы, вконец испорченныя женщины, а вот для них гаже Шленской ничего на свѣтѣ нѣтъ,

«Не желаем, — говорят, — с нею одним воздухом дышать». Набросились всей камерой и стали избивать. Не подоспей мы во-время, убили бы.

— Чѣм же вы объясняете, — спросил я, — такое отношеніе к Шленской со стороны этих женщин?

— Пробовал я бесѣдовать с ними. И, представьте, другая заключенная имѣет 5—6 судимостей, а считает себя в правѣ нѣнавидѣть и презирать Шленскую. Вот что значит дѣйствительно преступленіе, противное человѣческой природѣ: мать утопила двоих дѣтей. Ужас-то какой! — возмущался пожилой помощник.

Прасковья оказалась, как я впрочем и ожидал по матеріалам дѣла, туповатой и довольно безучастной женщиной. Нѣкоторый оттѣнок страха и беспокойства, лежавшій на лицѣ, как выяснилось из первых же слов разговора, был вызван не столько страхом перед предстоящим судом, сколько тяжелыми переживаниями, испытанными в самой тюрьмѣ.

Односложно и нехотя отвѣчая на вопросы, Шленская рассказала мнѣ о своих отношеніях к Степанову и о деталях убійства.

Такою же безучастной и молчаливой была она и на судѣ. Судили ее одну.

На судѣ выяснилась роль Степанова в этом мрачном дѣлѣ, и прокурор возбудил ходатайство о направленіи дѣла к дослѣдованію для привлеченія Степанова как интеллектуальнаго виновника и вдохновителя убійства.

Защита со своей стороны, исходя из тяжелой наслѣдственности Шленской и из того, что ее рассказ о случившемся страдал нѣкоторыми провалами памяти относительно самых моментов убійства и часов, послѣдовавших за ним, возбудила ходатайство о психическом изслѣдованіи Шленской.

Дѣло было направлено к дослѣдованію, и Шленская помѣщена на длительное испытаніе в институт психіатрической экспертизы им. Сербскаго.

Через 3 мѣсяца дѣло было вновь поставлено к слушанію.

На этот раз на скамьѣ подсудимых, окруженные конвоем, сидѣли и Шленская и Степанов.

В результатѣ психіатрическаго изслѣдованія Шленской в институтѣ им. Сербскаго в дѣлѣ фигурировал слѣдующій акт:

«Мы, нижеподписавшіеся, свидѣтельствовали 30 мая 1928 года в институтѣ судебно-психіатрической экспертизы гр. Шленскую Прасковью Михайловну, 29 лѣтъ, при чем оказалось, что она признаков душевной болѣзни в настоящее время не обнаруживает, равно как не обнаруживала какой-либо душевной болѣзни и до совершенія инкриминируемаго ей дѣянія. Что же касается состоянія Шленской в момент совершенія инкриминируемаго ей дѣянія, то здѣсь слѣдует указать на нижеслѣдующее:

«1) Шленская оказалась в тисках тяжелой ситуациі, что при ее извѣстной неполноцѣнности дало себя особенно тяжело знать; эта тяжесть сложившихся внѣшних обстоятельств с особенной силой давила на Шленскую в момент, непосредственно предшествовавшій инкриминируемому ей дѣянію (уход мужа с принадлежащими ей деньгами, разореніе семейнаго хозяйства и т. п.).

«2) Період, непосредственно предшествовавшій инкриминируемому ей дѣянію, характеризуется пониженіем физическаго состоянія Шленской (полуголодное существованіе, физическое ослабленіе и т. д.).

«Самый акт был произведен в условіях этого истощенія, при наличіи замкнутого круга безысходности для Шленской. Состояніе в момент совершенія акта, однако, нельзя назвать состояніем душевной болѣзни, а лишь состояніем фізіологическаго опустошенія и слабости. А потому она должна считаться пониженно-вмѣняемой, с учетом всѣх условій, приведших ее к осуществленію самаго инкриминируемаго дѣянія.

п-п: Ординатор ин-та Внуков.

Ординатор 1-й гор. псих. больницы

Детенгоф.

Врач-психіатр моск. мѣст закл.

Краснушкин.»

* * *

На судѣ между обоими обвиняемыми чувствовалась глухая враждебность. Однако, несмотря на настойчивые вопросы сторон и суда, Шленская отрицала такой случай, когда бы Степанов подговаривал ее прямо к убійству дѣтей. Тѣм не менѣ психическое воздѣйствіе Степанова на Шленскую, настойчивое подчиненіе всей ея психики именно этому его желанію — избавиться от дѣтей, — вывилось совершенно опредѣленно из всего ея рассказа.

Личность Степанова предстала на судѣ в самом неприглядном свѣтѣ.

Небольшого роста, коренастый мужчина, с уже сѣдѣющей бородой и бѣгающими хитрыми глазами он производил впечатлѣніе челоуѣка, в котором нѣтъ ни раскаянія, ни сочувствія к спутницѣ своей по скамьѣ подсудимых.

На лицѣ его отражался только животный страх и стремленіе во что бы то ни стадо выпутаться из положенія, в которое он попал.

Тяжелое впечатлѣніе произвели письма, которыя писал Степанов, находясь на свободѣ, заключенной под стражу Шленской.

Эти письма, перехваченныя администраціей, были направлены слѣдственной власти.

В них Степанов, называя Шленскую ласковыми именами, обѣщал ей ждать ее до отбытія ею заключенія, неизмѣнно обращался с просьбой прислать ему довѣренность на право полученія от сестры Анны денег, оставшихся за нею по акту о раздѣлѣ имущества.

На перекрестном допросѣ Степанов отрицал и при-

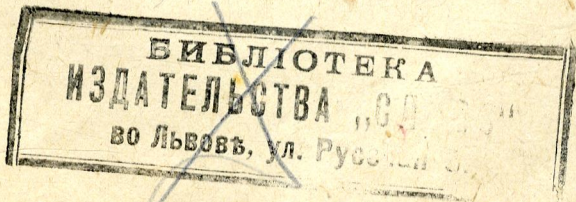
своеіе денег Шленской, и дурное отношеніе к еѣ дѣтям и утверждал, что дѣтей любил и собирався взять их вмѣстѣ со Шленской к себѣ в Москву.

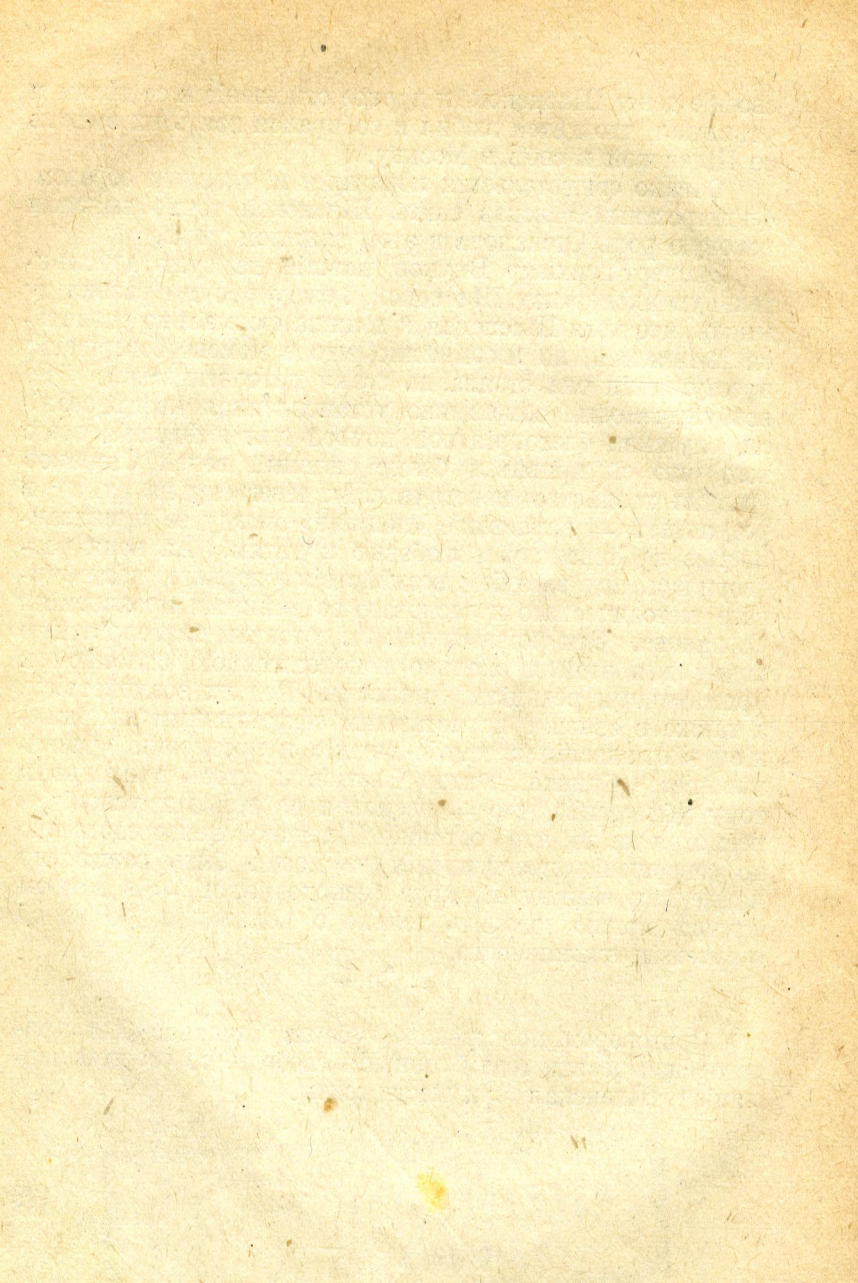
Однако свидѣтельскія показанія и, главным образом, безхитростный рассказ самой Шленской точно выявили роковую роль Степанова в этом тяжелом дѣлѣ.

Эксперт-психіатр Внуков, давшій на судѣ дополнительную экспертизу Шленской, между прочим развил ту мысль, что хотя Шленская и должна формально считаться вмѣняемой, но несомнѣнно, что в момент совершенія преступленія она стояла на грани патологической. Ее возбуждаемость, объективно установленная изслѣдованіем, служила благопріятной почвой для внѣдренія всего того, что ей прививал болѣе сильный волей Степанов (раздѣл хозяйства, передача всѣх денег ему на руки); в результатѣ — нарастаніе «ножниц» между ее привязанностью к Степанову и любовью к дѣтям. Ея воля разтворилась под вліяніем воздѣйствія упорнаго, настойчиваго, методическаго и ласковаго во внѣшних проявленіях Степанова. Эти моменты как бы готовили благопріятную почву для этой нѣсколько неполноцѣнной, склонной к примитивным реакціям, личности. Под их воздѣйствіем, а также в связи с нараставшим аффективным напряженіем в отношеніи к семьѣ, видимо и произошло «развязываніе». Однако, доктор Внуков и здѣсь приходит к тому убѣжденію, что — несмотря на всѣ эти условія и несмотря на то, что состояніе Шленской непосредственно до совершенія преступленія не может быть разцѣнено иначе как замкнутый круг безысходности, — в данном случаѣ можно говорить только о пониженіи, но не об отсутствіи вмѣняемости.

* * *

Приговором московскаго губсуда Степанов был приговорен к десяти годам лишенія свободы, со строгой изоляціей, Шленская — к шести годам.

О г л а в л е н і е.

	Стр.
От автора	5
Сила любви	7
Преступленіе прокурора	26
Выстрѣл в темнотѣ	40
Убійство или самоубійство?	60
Убійство Марца	102
Убійца ли отец?	131
Деревенская жуть	141
Загадочный случай	149
„Растрѣчайте меня!“	163
Замкнутый круг	169

ЯРОСЛАВ ХАШЕК.

(автор бессмертной эпопеи „Похождения braveго солдата Швейка“).

Исповедь старого холостяка

Рассказы.

Страниц 205.

Цена в Латвии, Литве и Эстонии 1 лат.

Заграницей 35 амер. центов.

ЯРОСЛАВ ХАШЕК.

Как меня хоронили

(Веселые рассказы).

Страниц 184.

Цена в Латвии, Литве и Эстонии 1 лат.

Заграницей 35 ам. центов.

Издательство

„Книга для всех“

Рига, Brīvības ielā 7. Почт. ящ. 1130. Тел. 31057

ГАБРИЭЛЬ РЕЙЯР.

Голый человек

Р о м а н.

Герой настоящего романа странствующий стофранковый билет, которому автор дал возможность стать свидетелем целого ряда интимных сцен, где смех и слезы, надежда и отчаяние, слава и позор смешиваются в трепетных переживаниях, в живую и пеструю ткань.

200 страниц убористого текста.

Цена в Латвии, Литве и Эстонии 1 лат.

Заграницей 35 амер. пентов.

БЕН Б. ЛИНДЗЕЙ

судья по семейным делам и делам юношества
в Денвере, Колорадо С. А. С. Ш., и

ВЕНРЕЙД ИВЕНС.

Современная молодежь

Автор освещает в своей книге самые жгучие вопросы жизни.

Книга переведена на все европейские языки и разошлась в количестве 2-х миллионов экз.

184 стран. убористого текста.

Цена в Латвии, Литве и Эстонии 1 лат.

Заграницей 35 амер. центов.

Первый русский перевод с английского оригинала
АЙСЕДОРА ДУНКАН.

Моя исповедь

Книга разошлась в Европе и Америке и количестве
миллиона экземпляров.

Портрет Айс. Дункан работы Леона Бакета и фото-
графией А. Дункан с С. Есениным.

Страниц 266.

Художественная двухкрасочная обложка.

Цена в Латвии, Литве и Эстонии 2 лата.

За границей 50 амер. центов.

ИЛЬЯ ИЛЬФ. ЕВГ. ПЕТРОВ.

Двенадцать стульев

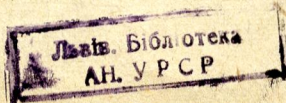
Коллективный роман-хроника из советского быта.

Стр. 314.

Художественная двухкрасочная обложка.

Цена в Латвии, Литве и Эстонии Лт. 1.50

За границей 45 амер. центов.

5py8374.0m
(1986) **432** PJ

~~840~~

~~840~~

391

5070
2300